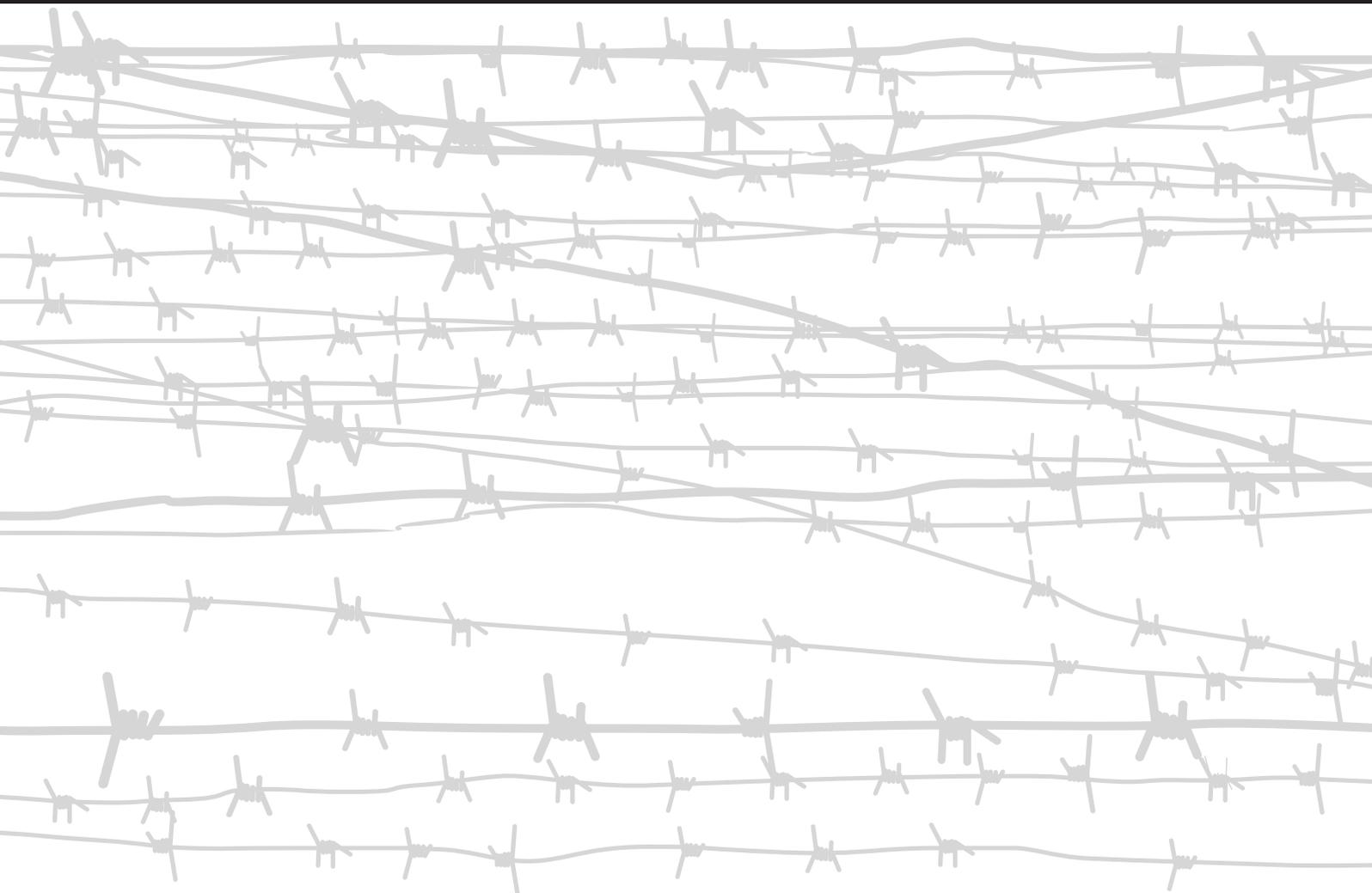

Политические репрессии и политзаключённые в России в 2018-2019 годах

Программа поддержки политзаключённых. 2020

Содержание

1. Введение. Политически мотивированные преследования и политзаключённые: подходы, критерии, статистика.	6
1.1. Понятие «политзаключённый», используемое Правозащитным Центром «Мемориал»	6
1.2. Статистика ПЦ «Мемориал»	11
1.3. Жертвы преследования.	13
1.4. Права, нарушаемые преследованием.	19
1.5. Статьи Уголовного Кодекса как инструменты преследования.	20
1.6. Другие подходы к политзаключённым.	26
2. Объект преследования.	29
2.1. Понятия объекта преследования. Классификация преследований по объекту.	29
2.2. Группы, преследуемые в рамках политических репрессий в 2018–2019 годах.	30
2.2.1 Политзаключённые (преследуемые не в связи с религией) и их подгруппы.	30
Политики и политические активисты	30
Участники публичных мероприятий	31
Правозащитники и адвокаты	32
Журналисты.	33
Блогеры и публицисты	34
Учёные	35
Другие жертвы шпиономании	35
Украинцы и жители Крыма	36
Случайные жертвы политических преследований	36
2.2.2 Лица, преследуемые по политическим мотивам в связи с реализацией права на свободу вероисповедования.	37
Мусульмане	37
Участники «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (организация в России признана террористической).	37
Участники «Таблиги Джамаат» (организация в России признана экстремистской)	39
Последователи Саида Нурси.	40
Салафиты	41
Представители традиционного ислама и исламского духовенства.	42
Случайные жертвы исламофобии.	42
Немусульманские жертвы религиозных гонений	43
свидетели Иеговы	43
Сторонники Церкви Саентологии.	44
Прочие жертвы религиозных гонений	44

2.3. Группы, преследование которых перестало носить массовый характер.	45
2.4. Объект преследования с точки зрения интерсекционального анализа.	46
Множественность признаков объекта преследования	46
2.5. Религиозные и этнические группы, непропорционально подвергающиеся политическому преследованию.	47
2.6. Региональный разрез преследования.	48
2.7. Социальный статус жертв политических репрессий	49
2.8. Гендерный дисбаланс.	51
3. Статьи Уголовного Кодекса РФ в политических репрессиях.	52
3.1. Статьи, карающие исключительно за реализацию права на свободу собраний и ассоциаций.	52
3.2. Статьи, карающие за высказывания.	55
3.3. Статьи об экстремистских и террористических объединениях.	59
3.4. Иные «террористические» статьи.	64
3.5. Статьи о массовых беспорядках и насилии над представителями власти.	65
3.6. Некоторые другие преступления против государственной власти.	68
3.7. Статьи о хранении наркотиков и оружия.	69
3.8. Статьи об экономических преступлениях.	71
3.9. Статьи о физическом насилии и убийствах.	72
4. Формы политических преследований.	73
4.1. Меры пресечения.	73
4.2. Лишение свободы.	75
4.2.1 Режим исправительного учреждения.	75
4.2.2 Закон о части срока в тюрьме.	76
4.2.3 Выбор колонии.	77
4.2.4 Меры взыскания в колониях.	77
4.2.5 Ужесточение режима исправительного учреждения.	79
4.3. Наказания, не связанные с лишением свободы, и дополнительные наказания.	79
4.3.1 Условное осуждение	79
4.3.2 Обязательные работы, штраф	80
4.3.3 Запрет на определённые виды деятельности	80
4.3.4 Ограничение свободы	81
4.4. Наказание после наказания: административный надзор.	82
4.5. Внесение в список Росфинмониторинга – внесудебное наказание.	83
5. Мотивы преследования.	85

5.1. Понятие мотива преследования.....	85
5.2. Описание основных типов политического мотива.	86
5.2.1 Прекращение общественно-политической деятельности..	86
Прекращение деятельности, направленной на защиту прав и свобод человека.	87
Прекращение оппозиционной политической деятельности	87
Прекращение общепозиционной деятельности	87
Прекращение оппозиционной деятельности, угрожающей региональным и местным властям, ведомствам и негосударственным структурам	88
Прекращение журналистской или публицистической деятельности	89
5.2.2 Прекращение законной религиозной деятельности..	89
5.2.3 Повторное преследование бывших политзаключённых.....	90
5.2.4 Политические преследования, связанные с ведомственно-корпоративными интересами силовых структур.	91
5.2.5 Пропагандистский мотив.....	93
5.2.6 Мотив запугивания или «воспитания» общества.....	96
5.2.7 Мотив успокоения общества.....	97
5.3. Условность деления преследования по типу мотива.....	98
6. Нарушения прав человека в политических преследованиях.....	100
6.1. Право не подвергаться пыткам.....	100
6.2. Право на свободу и личную неприкосновенность.	102
6.2.1 Обоснованное содержание под стражей.....	102
6.2.2 Разбирательство в разумные сроки или освобождение до суда	103
6.3. Право на справедливое судебное разбирательство.	105
6.3.1 Гласность суда.	105
6.3.2 Презумпция невиновности.	106
6.3.3 Время для подготовки защиты	107
6.3.4 Право допрашивать свидетелей.	107
6.4. Права на свободу мысли, совести и религии.	109
6.5. Право на свободу выражения мнений и распространения информации.....	110
6.6. Право на свободу собраний и объединений.	111
7. Реакция российских общества и власти на политические репрессии.	112
7.1. Медиа.....	112
7.2. Традиционные (институализированные) правозащитные организации.	114
7.3. Низовые неформальные инициативы.	118
7.4. Краудфандинг.....	119
7.5. Публичные акции.	121
7.6. Массовые общественные кампании.	122
7.7. Общественные наблюдательные комиссии.....	124

7.8. Уполномоченный по правам человека в РФ и Совет по правам человека при Президенте РФ.	127
7.9. Выступления и инициативы представителей власти.	133
7.10. Изменения УК и УПК РФ, косвенно влияющие на положение политзаключённых.	138
7.11. Отношение власти к проблеме политзаключённых и их защите. . .	141
8. Институциональные основы политических репрессий и необходимые изменения законодательства и правоприменительной практики.	143
8.1. Статьи Уголовного Кодекса, требующие безусловной отмены. . . .	144
8.1.1 Статья 280.1 Уголовного Кодекса РФ.	146
8.1.2 Статья 148 Уголовного Кодекса РФ.	147
8.1.3 Статья 284.1 Уголовного Кодекса РФ.	148
8.1.4 Статья 330.1 Уголовного Кодекса РФ.	151
8.1.5 Статья 354.1 Уголовного Кодекса РФ.	152
8.2. Нормы, сформулированные избыточно широко.	153
8.2.1 Антиэкстремистское законодательство.	154
8.2.2 Статья 282 УК РФ.	157
8.2.3 Статьи УК, преследующие за участие в группах.	158
8.2.4 Преследования за высказывания.	161
8.2.5 Другие недостаточно определённые нормы уголовного законодательства.	163
8.2.6 Статья 213 Уголовного Кодекса РФ.	163
8.2.7 Статья 275 Уголовного Кодекса РФ.	165
8.3. Другие необходимые изменения.	166
9. Заключение.	169
9.1. Авторы доклада.	173

1. Введение. Политически мотивированные преследования и политзаключённые: подходы, критерии, статистика.

1.1. Понятие «политзаключённый», используемое Правозащитным Центром «Мемориал».

Правозащитный Центр «Мемориал» ведёт списки российских политзаключённых с 2010 года. Понимание состояния российской правоохранительной и судебной системы заставляет считать вероятным, что счёт невинных людей и людей, вина которых не доказана в установленном законом порядке, в РФ идет, как минимум, на десятки тысяч. Такие оценки дают и эксперты-правозащитники, и те, кто, став жертвой этой системы, был вынужден изучить ее на собственном опыте. Тем не менее, выделение из их числа политзаключённых (т.е. при любом подходе к пониманию этого понятия, – людей, лишённых свободы не в интересах защиты законных общественных интересов, а в связи с защитой узких интересов власти и в результате реализации её воли и её целенаправленных действий) представляется необходимым и важным. Целенаправленное неправомерное лишение свободы, в качестве ли наказания за реализацию его жертвами их основных прав, в связи ли с их принадлежностью к группе, принадлежность к которой не должна быть основанием для преследования, или для реализации каких-то иных целей власти представляет особую опасность даже по сравнению с лишением свободы тех лиц, которые оказались случайными жертвами правоохранительной и судебной систем. Деятельность по составлению списков таких людей (политзаключённых) направлена, с одной стороны, на фиксацию наиболее серьёзных целенаправленных нарушений прав человека российским государством, оценку распространенности таких нарушений и их динамику, а с другой стороны, на поддержку жертв этих нарушений и обеспечение общественной солидарности с ними.

Используя для обозначения совокупности целенаправленно необоснованно лишённых свободы термин «политзаключённый», необходимо иметь в виду, что значение этого понятия претерпевало за десятилетия своего употребления существенные изменения, да и сегодня различные подходы к его пониманию, как выраженные более или менее явно, так и интуитивные, зачастую вступают в конфликт друг с другом. Очевидно, что для того, чтобы фиксация ситуации с политзаключёнными, и оценка её динамики были информативны и содержательны, необходим максимально объективный подход к применению этого понятия.

Основы для такого объективного подхода дала [Резолюция ПАСЕ № 1900 \(2012\)](#). ПЦ «Мемориал» в настоящее время применяет понятие «политзаключённый» на основании [Международного руководства по определению понятия «политический заключённый»](#), развивающего и адаптирующего для практического применения подход [Резолюции ПАСЕ](#).

Под лишением свободы мы понимаем содержание лица в любом месте, если лицо не может его покинуть

в силу любого вида принуждения, применяемого должностным лицом государства или с ведома и попустительства должностного лица или органа государства, или в силу подчинения решению судебного, административного или иного органа или должностного лица государства.

Т.е. этим понятием охватываются и меры пресечения в виде содержания под стражей и домашнего ареста, и наказание в виде лишения свободы, и применение мер медицинского характера в условиях стационара.

Согласно указанному руководству понятие «политзаключённый» включает, с одной стороны, тех, к кому лишение свободы было применено исключительно из-за его политических, религиозных или иных убеждений, в связи с ненасильственным осуществлением прав и свобод, гарантированных [Международным Пактом о гражданских и политических правах](#) или [Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод](#); исключительно из-за ненасильственной деятельности, направленной на защиту прав человека и основных свобод; исключительно по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, национального, этнического, социального или родового происхождения, рождения, гражданства, сексуальной ориентации и гендерной идентичности, имущественного положения или иным признакам либо исходя из наличия устойчивой связи с сообществами, объединёнными такими признаками. Фактически эта часть политзаключённых охватывается понятием «узник совести», как его определяет [«Международная Амнистия»](#).

С другой стороны, применяемое ПЦ «Мемориал» понятие «политзаключённый» охватывает также и тех, кто при наличии политических мотивов преследования лишён свободы в нарушение права на справедливое судебное разбирательство, иных прав и свобод, гарантированных вышеупомянутыми международными договорами, или на основании фальсификации доказательств вменяемого ему правонарушения, при отсутствии его события или состава; тех лиц, продолжительность или условия лишения свободы которых явно непропорциональны правонарушению, в котором они обвиняются, а также лишённых свободы избирательно по сравнению с другими лицами.

Под политическими мотивами понимаются мотивы действий или бездействия субъектов властных полномочий, которые направлены на упрочение либо удержание ими власти или на недобровольное прекращение или изменение характера чьей-либо публичной деятельности.

Не включаются в число политзаключённых, согласно Руководству, те, кто совершил насильственное правонарушение против личности за исключением случаев необходимой обороны или крайней необходимости; совершил преступление против личности или имущества на почве ненависти либо призывал к насильственным действиям по национальному, этническому, расовому, религиозному или другим признакам, наконец, те, чьи насильственные действия направлены на упразднение или ограничение прав и свобод, гарантируемых *Международным Пактом о гражданских и политических правах* или *Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод*.

В настоящее время ПЦ «Мемориал» ведёт два списка политзаключённых: тех, кто лишен свободы в связи с реализацией права на свободу вероисповедания или своей религиозной принадлежностью («религиозный список»), и список всех остальных политзаключённых («общий список»). Это разделение осуществлено исключительно для удобства восприятия и анализа информации о политзаключённых. Лица, включённые в оба списка, в равной степени соответствуют критериям признания политзаключёнными, и общее число политзаключённых в России по оценке ПЦ «Мемориал» является суммой количеств фигурантов двух этих списков.

Применение описанных выше формализованных комплексных критериев предполагает необходимость аргументированного обоснования соответствия им конкретного случая лишения свободы. Разумеется, в ряде случаев, относимых к преследованию первой группы политзаключённых, которых можно назвать «узниками совести», само обвинение (например, по **ст. 284.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации (УК РФ)**, наказывающей за осуществление деятельности «нежелательной организации» или **ст. 280.1 УК РФ**, предусматривающей наказание за призывы к нарушению территориальной целостности

РФ) может иметь столь очевидно неправоовой характер, что лишение свободы на его основании практически однозначно требует считать человека политзаключённым. В большинстве же случаев лишения свободы, имеющего признаки, дающие основания считать подвергнутого ему политзаключённым, без изучения сути и доказательств обвинения не обойтись. Впрочем, едва ли не в большинстве случаев к конкретному узнику применимы несколько оснований признания политзаключённым. К тому же критерии Руководства, которыми руководствуется ПЦ «Мемориал», в любом случае предполагают необходимость проверки каждого случая лишения свободы потенциального политзаключённого на предмет применимости исключений, связанных с насилием или призывами к нему.

В силу изложенного подхода списки политзаключённых ПЦ «Мемориал» заведомо неполны и являются, скорее, достоверной оценкой минимального количества политзаключённых в России.

В самом деле, до завершения предварительного следствия ни сам обвиняемый, ни его защита, ни тем более, правозащитники не имеют возможности ознакомиться с позицией и аргументами обвинения. Это зачастую не даёт нам возможности до передачи дела в суд полноценно оценить обоснованность обвинения, наличие или отсутствие фальсификации и существенных нарушений закона, а значит, и соответствие конкретных обстоятельств уголовного преследования критериям признания политзаключённым. Типичные примеры подобной ситуации – дело псковских оппозиционных активистов **Ли и Артёма Милушкиных**, обвинённых в сбыте наркотиков, или дело саратовского оппозиционного активиста **Сергея Рыжова**, ожидающего суда по обвинению в подготовке к террористическому акту. По ряду дел, в частности, по делам, содержащим государственную и иную охраняемую законом тайну (к которым обычно, например, относят дела о шпионаже и госизмене) возможности ознакомиться с фабулой обвинения и доказательствами вины узников ни у кого кроме участников процесса не появляется даже и после вынесения обвинительного приговора. Характерный пример такого дела – дело украинского журналиста **Романа Сущенко**, осуждённого по обвинению в шпионаже и переданного Украине в ходе обмена по формуле «35 на 35» посредством помилования в сентябре 2019 года. Кроме того, с каждым годом всё большее число уголовных дел рассматривается судами РФ в особом порядке, без исследования доказательств. В 2018 году в таком порядке были вынесены почти 88% приговоров. Представляется, что во многих случаях согласие на особый порядок судебного разбирательства, гарантирующий назначение наказания, не превышающего двух третей от максимального срока, связано не столько с убедительностью доказательств, собранных обвинением, сколько с рациональным пониманием обвиняемым предопределённости обвинительного приговора и бесполезности попыток отстаивать свою невиновность в суде. Обоснованность такого представления подкрепляется статистикой вынесения российскими

судами оправдательных приговоров. Их доля неуклонно снижается и составила в 2018-м году 0,235% от всех рассмотренных дел, а за вычетом дел частного обвинения и дел, рассмотренных с участием присяжных – и вовсе около 0,01%. При всём понимании вероятной вынужденности признания осуждённым вины во многих случаях лишения свободы, имеющих признаки политической мотивации, невозможность исследования доказательств обвинения (особенно, в случаях, когда защита осуществлялась адвокатом по назначению) не позволяет вынести обоснованное суждение о том, является ли человек политзаключённым. В качестве примеров таких дел можно привести дела осуждённых жителей Украины: украинского гражданина [Алексея Сизоновича](#), осуждённого за приготовление к террористическому акту (также переданного Украине в рамках обмена «35 на 35» в сентябре 2019 года), и российского гражданина [Виктора Шура](#), осуждённого за государственную измену.

Помимо того, есть немало случаев лишения свободы, имеющих как признаки политической мотивации уголовного преследования, так и признаки серьёзного нарушения прав обвиняемого или осуждённого, избирательности или неадекватности наказания, в которых лишённое свободы лицо преследуется в связи со своими насильственными действиями или призывами к насилию, что исключает возможность признания его политзаключённым согласно принятым ПЦ «Мемориал» критериям. Такая невозможность, однако, не означает ни одобрения лишения свободы указанных лиц, ни тем более признания их преследования обоснованным и законным. Яркими представителями этой группы являются вышедший на свободу в сентябре 2019 года после отбытия срока лишения свободы публицист [Борис Стомахин](#) и бывший военнослужащий [Асхабали Алибеков](#).

Наконец, сбор и анализ материалов по уголовному делу – процедура, требующая существенных временных и трудовых ресурсов, поэтому зачастую конкретные кейсы политзаключённых попадают в наши списки с некоторым запозданием.

Всё вышесказанное даёт основание утверждать, что реальное число лиц, попадающих под критерии признания политзаключёнными, а тем более, подвергающихся политически мотивированному незаконному и/или несправедливому лишению свободы существенно превышает количество имён, содержащихся в списках ПЦ «Мемориал». Достоверно оценить общий масштаб политически мотивированного лишения свободы сложно, но можно смело утверждать, что их число не менее, чем в 2, а то и в 3 раза больше минимальной достоверной оценки, предлагаемой списками политзаключённых ПЦ «Мемориал» в каждый конкретный момент.

Для того, чтобы хотя бы частично восполнить эту неполноту, ПЦ «Мемориал» ведёт дополнительно список лишённых свободы лиц, подвергшихся уголовному преследованию, в котором с большой вероятностью присутствуют признаки политической мотивации и серьёзного нарушения закона.

В этот список включаются имена тех узников, не признанных в настоящее время политзаключёнными, в уголовном преследовании которых особенно очевидны вышеупомянутые признаки, а также лиц, соответствующих всем критериям признания политзаключёнными за исключением отсутствия насильственных действий или призывов к насилию.

Очевидно, что этот «дополнительный» список не претендует на полноту охвата всех соответствующих случаев лишения свободы даже в той мере, в какой к этой полноте стремятся собственно списки политзаключённых.

1.2. Статистика ПЦ «Мемориал».

При всей неполноте и условности учёта политзаключённых в списках ПЦ «Мемориал» динамика количества включённых в них узников даёт представление о тенденциях политических репрессий. К сожалению, по крайней мере, с 2015 года число политзаключённых в РФ неуклонно растёт (см. Диаграмму 1 и Таблицу 1).

Динамика количества заключенных в РФ в 2015-2019 годах

Диаграмма 1

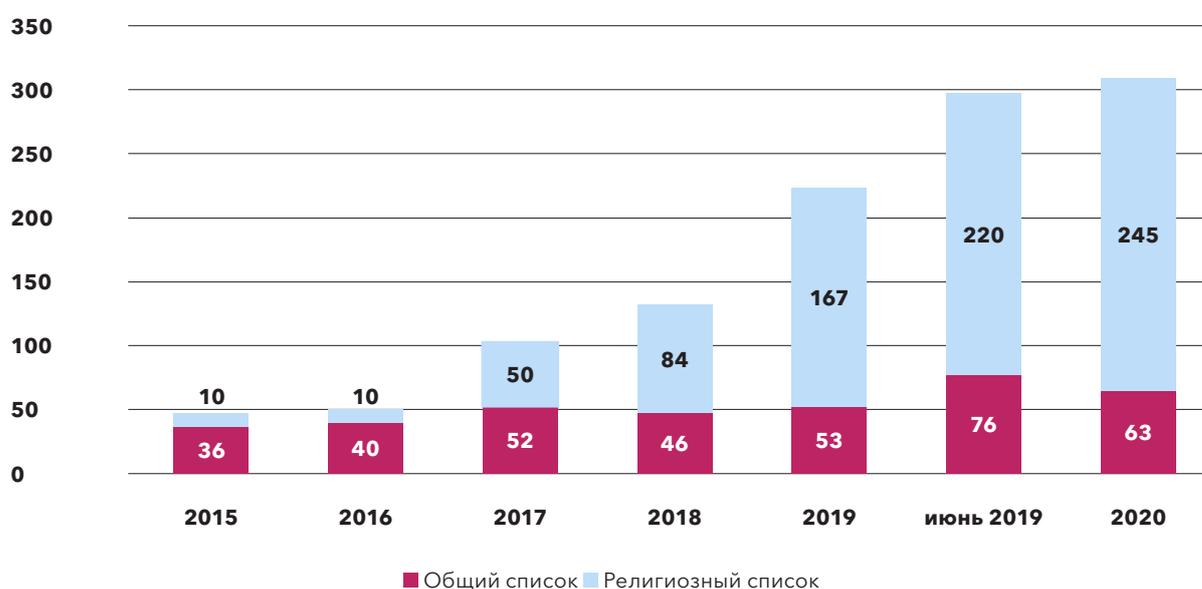

Таблица 1

(данные указаны на начало соответствующего года)

	2015	2016	2017	2018	2019	июнь 2019	2020
Общий список	36	40	52	46	53	76	63
Религиозный список	10	10	50	84	167	220	245
Всего	46	50	102	130	220	296	308

В конце 2014 года количество политзаключённых существенно сократилось, благодаря амнистии и помилованиям накануне Олимпиады в Сочи, однако, после этого мы наблюдаем постоянный рост численности политзаключённых, причём интенсивность этого роста исключает возможность его объяснения факторами, связанными с методикой составления списков ПЦ «Мемориал». Общее число политзаключённых с начала 2015 года выросло более чем в 6 раз.

Как видно из Таблицы 1, основной вклад в рост общего количества политзаключённых за эти годы внесло увеличение числа лишённых свободы в связи с реализацией права на свободу вероисповедания и религиозной принадлежностью, тогда как число прочих политзаключённых на протяжении всего периода 2015-2018 годов оставалось примерно одинаковым и серьёзно выросло только в 2019-м году в результате включения в число политзаключённых 24 военнопленных украинских моряков, снова сократившись после освобождения их и некоторых других украинских политзаключённых в сентябре этого года.

Особенно значительный рост количество политзаключённых продемонстрировало в 2018-2019 годах. За 2018-й год оно выросло со 130 до 220 человек (на 90 человек или на 69%), за первые 5 месяцев 2019 года ещё на 76 человек (на 35%), а к концу 2019 года ещё на 12 человек, несмотря на освобождение большого числа политзаключённых в результате обмена с Украиной по формуле «35 на 35» в сентябре.

Впрочем, оценка количества политзаключённых в течение года только по числу имен, включённых в списки в конкретный момент, не совсем точно отражает реальность. Эта оценка не учитывает обновления состава списков. В течение года одни люди освобождаются, а другие попадают за решётку (признаются политзаключёнными). Так в течение 2018 года вышли на свободу 26 человек, чьи имена были в «общем» списке политзаключённых в начале года или включены в него в течение этого года (5 человек были приговорены судами к наказаниям, не связанным с реальным лишением свободы, 1 освобождён условно-досрочно, уголовное преследование 1 прекращено на стадии следствия, ещё один скрылся из-под домашнего ареста, 15 человек освободились по отбытию наказания). Также вышли на свободу 4 человека, входивших в «религиозный» список. Оба списка за тот же период пополнились ещё большим числом имён. Таким образом, в целом подверглись политически мотивированному лишению свободы в 2018 году 250 человек, причём «ротация» в «общем» списке существенно выше, поскольку средний срок лишения свободы, к которому приговариваются включённые в него лица, значительно ниже, чем аналогичный срок у узников «религиозного» списка.

Помимо роста числа политзаключённых стоит отметить и увеличение количества лишённых свободы лиц, подвергшихся уголовному преследованию, в котором с большой вероятностью присутствуют признаки политической мотивации и серьёзного нарушения закона. Их количество составило на начало октября 2019 года 110 человек, большая часть которых, после завершения анализа обстоятельств их преследования с большой вероятностью пополнят списки политзаключённых.

1.3. Жертвы преследования.

Даже из вышеизложенного видно, что жертвами политических репрессий, выражающихся в лишении свободы, становятся представители самых разных групп. Несмотря на то, что такие группы можно выделить по-разному, и многие преследуемые могут быть отнесены сразу к нескольким группам, анализ структуры преследований с точки зрения объекта, вне сомнения полезен для их

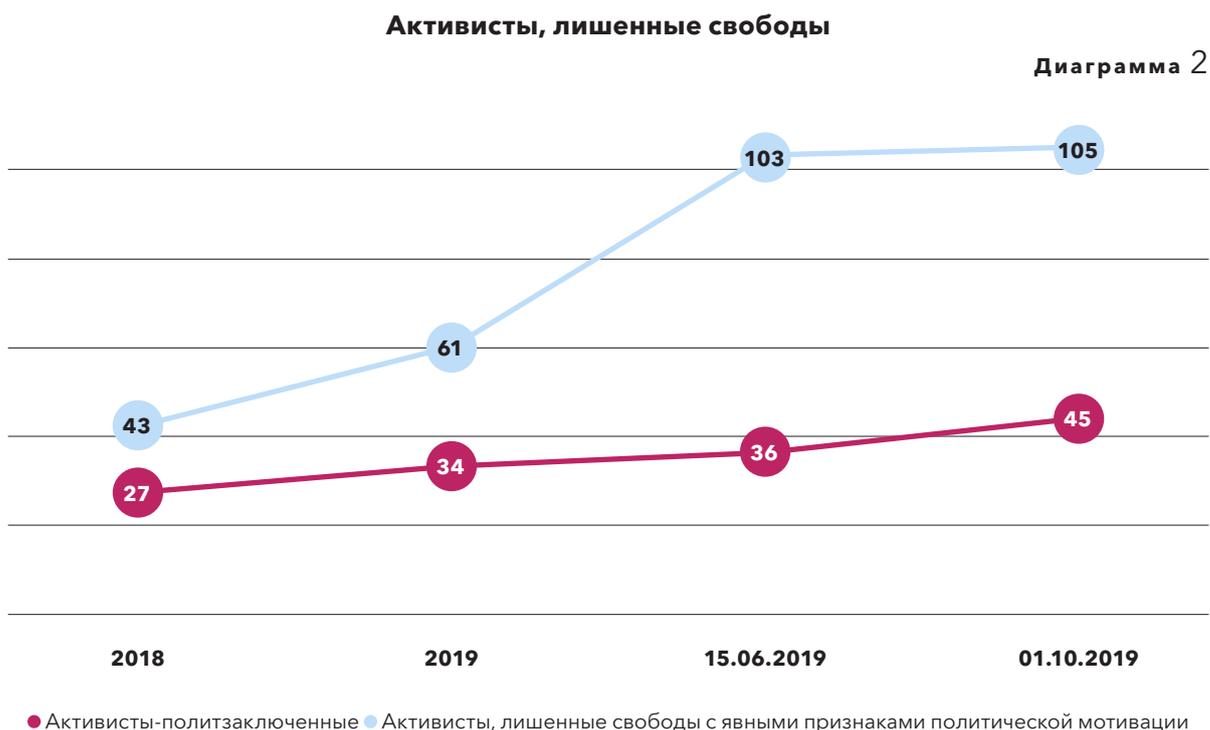

понимания, в частности, понимания мотивов власти. Такой анализ позволяет лучше понять содержание и разнообразие этих мотивов власти, маркируемых в целом как «политический мотив преследования».

Вполне естественно полагать, что распространённым вариантом политического мотива преследования должен быть мотив, связанный с публичной активностью жертвы, мотив прекращения такой правомерной деятельности.

Действительно, рассматривая такую публичную активность широко, т.е. включая в нее разнообразную оппозиционную, правозащитную, гражданскую активность, общественно важную журналистскую деятельность, общественно значимые публикации в интернете или участие в протестных акциях, мы видим, что реакция власти на такую широко понимаемую активность является одной из самых распространённых причин политически мотивированного лишения свободы.

Количественные данные отражены на Диаграмме 2.

Количество лиц, относимых к этой группе, в списках политзаключённых ПЦ «Мемориал» (без учёта тех, чьё преследование связано с реализацией права на свободу вероисповедания) колебалось в этот период в диапазоне от 27 до 45 человек. Если же рассматривать помимо политзаключённых ещё и тех активистов в самом широком смысле, в преследовании которых очевидны признаки политической мотивации и нарушения закона, но не включённые по разным

причинам в списки политзаключённых, то в течение последних полутора лет мы видим уверенный рост численности тех, кто лишён свободы в связи со своей публичной активностью, с 43 человек до 105 человек.

К активистам в широком смысле, преследуемым за публичную активность, реализующую гражданские права, можно отнести и журналистов. В списках «Мемориала» в начале 2018-го года их было 3, в октябре 2019-го остался один человек, дагестанский журналист **Абдулмумин Гаджиев** (с учётом «вероятных» жертв и жертв религиозного преследования – 5 и 3 человека соответственно). К этой же группе можно отнести и правозащитников, число которых в списках политзаключённых и в начале, и в конце охватываемого периода составляло 2 человека. Лишение свободы руководителя грозненского офиса «Мемориала» **Оюба Титиева** началось в январе 2018 года и закончилось в июне 2019-го, т.е. целиком укладывается в рассматриваемый период.

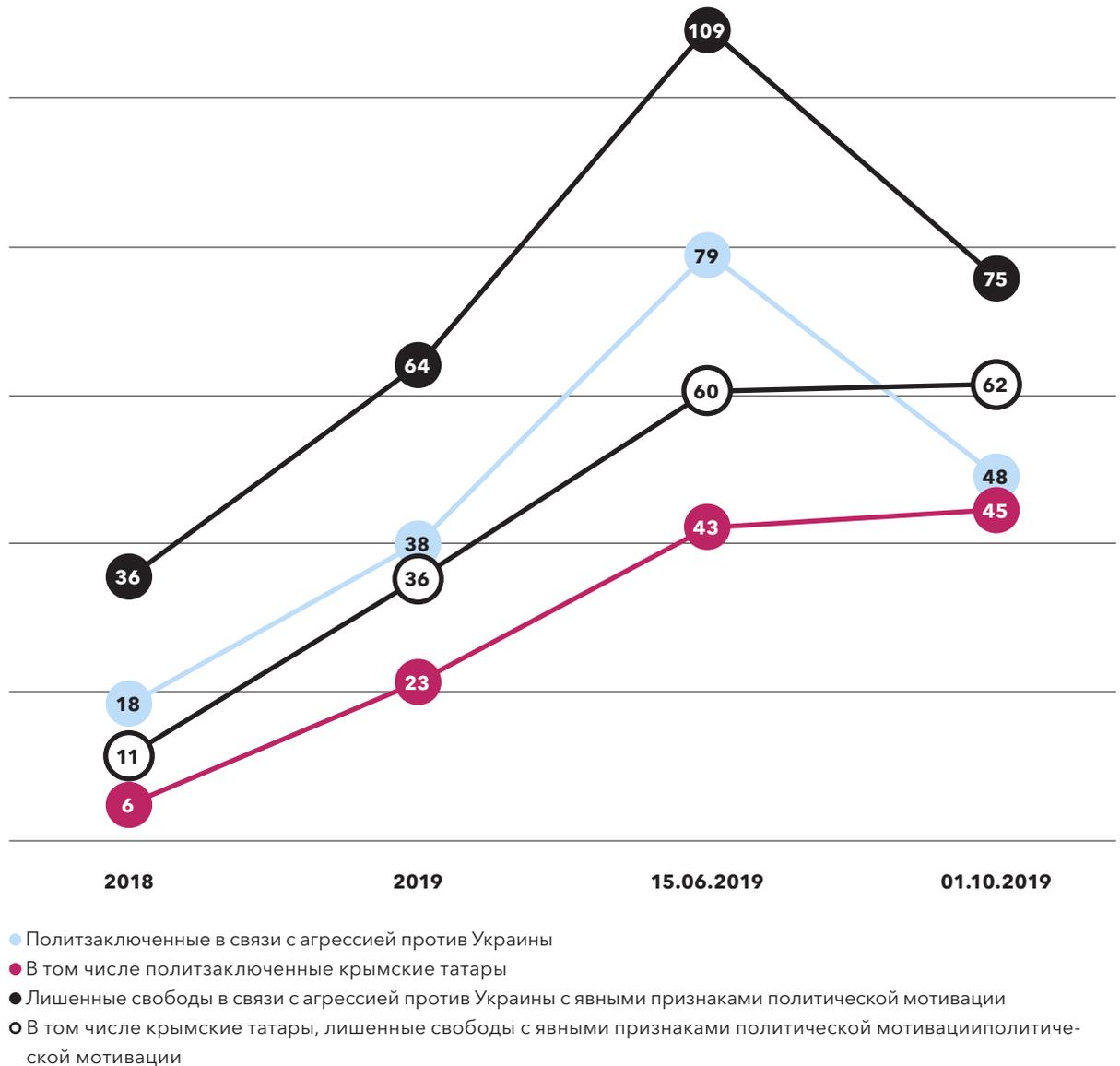
Всех представителей этой группы отличает то, что преследование и лишение свободы стали реакцией на их правомерные действия, на реализацию ими прав и свобод: на свободу выражения и мнения, на свободу собраний и ассоциаций. Репрессии против представителей этой группы имеют, в значительной степени, избирательный характер, они зачастую направлены против людей, осуществивших действия, за которые многие другие не подвергаются преследованию. Такая ситуация даёт основания полагать, что наряду с мотивом прекращения деятельности преследуемых лиц практически во всех делах имеется мотив превенции нежелательного для властей поведения. С помощью показательных репрессий власть подаёт обществу сигналы, маркирует «опасную зону» публичной гражданской активности и реализации гражданских прав.

Другая большая группа узников – преследуемые в связи с агрессией российской власти в отношении Украины, в первую очередь украинские граждане. Количественные характеристики преследования этой группы отражены на Диаграмме 3.

Лишенные свободы в связи с конфликтом с Украиной

Диаграмма 3

Количество лиц, преследуемых в связи с конфликтом с Украиной и включённых в список политзаключённых, выросло с начала 2018 года к июню 2019 года с 18 до 79 человек, а в целом – лишённых свободы с явными признаками политической мотивации в связи с этим конфликтом – с 36 до 109 человек. Из них крымских татар, включённых в списки политзаключённых, – с 6 до 43 человек (с 11 до 60 человек, включая лишённых свободы с явными признаками политической мотивации). К 1 октября 2019 года число узников, принадлежащих к этой группе, сократилось в связи с освобождением 35 человек в рамках обмена в сентябре.

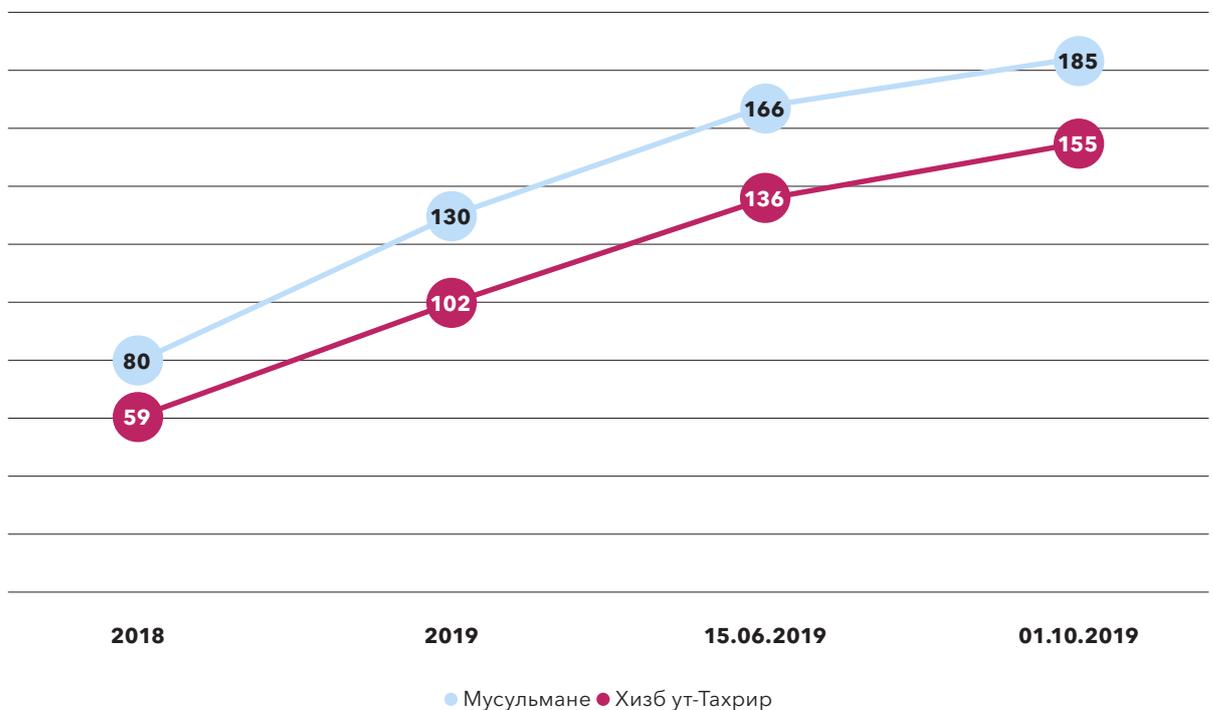
Мотивацией преследования большинства узников этой группы, за исключением крымских татар, представляется поддержка обвинительными приговорами кампании антиукраинской пропаганды. Её жертвами в подавляющем большинстве случаев являются абсолютно случайные люди.

Иной является в большинстве своём мотивация преследования крымских татар. Нам представляется, что оно обычно имеет целью воздействие на крымскотатарское население Крыма, запугивание и подавление организованной активности этого народа. Во многих случаях очевидной целью является прекращение публичной гражданской и правозащитной активности крымских татар.

Наконец, очевидным образом можно выделить разные конфессиональные группы среди политзаключённых, преследуемых в связи с реализацией права на свободу вероисповедания и религиозной принадлежностью. Большинство из них составляют мусульмане, из которых, в свою очередь, большинство составляют лица, обвинённые в участии в «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (религиозно-политической организации, объявленной в РФ террористической и запрещённой). Данные о численных характеристиках этого преследования отражены на Диаграмме 4.

Политзаключенные в связи со своей религией мусульмане

Диаграмма 4

Общая численность мусульман, включённых в списки политзаключённых, лишённых свободы в связи с реализацией права на свободу вероисповедания или религиозной принадлежностью, выросла с 80 человек в начале 2018-го года до 185 к октябрю 2019-го года. Из них лишённых свободы по обвинениям,

связанным с участие в «Хизб ут-Тахрир», – с 59 до 155 человек. Общее же число лишённых свободы в связи с такими обвинениями в РФ и Крыму в конце сентября 2019 года составляет не менее 300 человек. Другими группами мусульман-политзаключённых являются последователи турецкого богослова *Саида Нурси*, обвиняемые в участии в объявленной экстремисткой и запрещённой в РФ организации «Нурджалар», число которых в течение обозреваемого периода оставалось практически неизменным (4 в начале периода и 5 в конце) и участники также объявленного экстремистским и запрещённого движения «Таблиги Джамаат» (число которых выросло с нуля до 9 человек). Следует отметить практику фабрикации террористических обвинений против мусульман, вовсе не участвовавших в какой-то организованной религиозной или общественной активности и ставших случайными жертвами погони за цифрами отчётности раскрытия террористических преступлений и поддержания доступными средствами пропагандистского образа угрозы исламского терроризма. Единственный пример такого рода в списках политзаключённых – 15 осуждённых по делу о якобы планировавшемся взрыве кинотеатра в Москве, но дела такого рода, связанные с обвинениями в реальных криминальных действиях, представляют особую сложность для выявления и убедительного обоснования фактов фальсификации доказательств, поэтому, несмотря на то, что признаки такой фальсификации имеются во многих делах против мусульман по обвинению в терроризме, в списки политзаключённых они не попадают.

Другие, помимо мусульман, религиозные группы, подвергшиеся преследованию, это свидетели Иеговы (объявленные экстремистами и запрещённые), количество которых в списках политзаключённых выросло с 1 до 66, и несколько руководителей и участников санкт-петербургской организации Церкви Саентологии, 4 из которых были всё ещё лишены свободы в июне 2019 года.

Группируя политзаключённых по другим признакам, невозможно не отметить, что явной целью уголовного преследования были сколько-нибудь организованные структуры, особенно, имеющие в той или иной степени международный характер. К ним можно отнести все вышеупомянутые мусульманские организации, *свидетелей Иеговы*, «Нурджалар», Движение «Открытая Россия», фигурантов московского дела «Нового Величия», калининградского дела «Б.А.Р.С», пензенско-петербургского дела «Сети» и многочисленных дел «Артподготовки». Представляется, что эти усилия связаны с опасениями власти в отношении любых попыток независимой самоорганизации и организации граждан.

1.4. Права, нарушаемые преследованием.

Понятно, что во всех случаях незаконного политически мотивированного лишения свободы нарушается право на справедливый суд. Это вытекает из самого принятого подхода к понятию «политзаключённый». Очевидно, что лишение человека свободы исключительно из-за политических, религиозных или иных убеждений, а также в связи с ненасильственным осуществлением им прав и свобод, гарантированных фундаментальными международными правовыми актами или исключительно из-за ненасильственной деятельности, направленной на защиту прав человека и основных свобод или исключительно по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии и другим подобным признакам возможно только в случае, если суд действует вопреки этим международным актам.

То же касается и других оснований признания человека политзаключённым: фальсификации доказательств вины, избирательности лишения свободы, неадекватности продолжительности и условий лишения свободы вменяемому человеку правонарушению. Фактически этого права в значительной степени лишены все обвиняемые в преступлениях в РФ в силу явного обвинительного уклона судов, отсутствия полноценной состязательности судебного процесса и крайне низкого количества оправдательных приговоров, упомянутого выше. Конкретные проявления нарушения права на справедливый суд разнообразны: это и отказ в приобщении доказательств защиты, и априорное доверие суда доказательствам обвинения и, наоборот, недоверие доказательствам защиты и многое другое.

Однако помимо нарушения права на справедливый суд, политически мотивированное лишение свободы зачастую прямо направлено на подавление конкретных содержательных гражданских прав. Во многих случаях оно так или иначе ограничивает и нарушает эти права, даже если непосредственная цель уголовного преследования является иной.

Это касается права на свободу выражения и мнения, на свободу собраний и ассоциаций, на свободу совести.

Право на свободу высказывания нарушается как практикой применения статей Уголовного Кодекса, предусматривающих наказание за высказывание, к лицам реализовавшим это право, не призывая к насилию, посредством действий, не имеющих общественной опасности (**ст. 148, 280, 280.1, 282, 205.2 УК РФ**), так и преследованиями по сфальсифицированным основаниям в явной связи с реализацией права на свободу высказывания (например, фальсификации дел против журналистов).

Отдельно стоит отметить нарушение права на свободу выражения **статьями 212.1 и 284.1 УК РФ**. Эти статьи устанавливают наказание за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения публичной акции и осуществление деятельности «нежелательной» организации соответственно. Обе эти статьи предполагают необходимость наличия нескольких административных правонарушений как условия привлечения к уголовной ответственности. В качестве таких правонарушений могут рассматриваться и рассматриваются в том числе и не призывающие к насилию высказывания.

Право на свободу собраний нарушается как «профильными» статьями Уголовного Кодекса (**ст. 212, 212.1**) так и практикой преследования участников мирных публичных акций по обвинениям в насилии в отношении представителей власти (**ст. 318 УК РФ**).

Право на свободу объединения (ассоциаций) нарушается практикой произвольного объявления общественных и религиозных организаций и объединений экстремистскими или террористическими и последующего преследования их реальных или предполагаемых участников по экстремистским (**ст. 282.1, 282.2 УК РФ**) и террористическим (**ст. 205.4, 205.5 УК РФ**) статьям Уголовного Кодекса. Примерами такой практики являются преследования участников организации *«Новое Величие»*, сообщества сторонников YouTube-канала *«Артподготовка» В. Мальцева*, движения *«Б.А.Р.С.»*, *свидетелей Иеговы*, *«Хизб ут-Тахрир»* и других религиозных организаций.

Новым инструментом подавления права на свободу объединения стала **ст. 284.1 УК РФ**, на основании которой преследуются участники российского сетевого *Движения «Открытая Россия»*.

Наконец, право на свободу совести нарушается **ст. 148 УК РФ** (в первую очередь, применительно к атеистам), **ст. 282 УК РФ**, упомянутой выше практикой применения **ст. 282.2 и 205.5 УК РФ** к участникам необоснованно запрещённых религиозных организаций.

1.5. Статьи Уголовного Кодекса как инструменты преследования.

Отдельно следует отметить разнообразие инструментов (обвинений и соответствующих статей Уголовного Кодекса), используемых для преследования политзаключённых.

В Таблице 2 отражён состав статей Уголовного Кодекса РФ, применявшихся для преследования лиц, включённых в списки политзаключённых ПЦ «Мемориал» на момент начала 2019 года (при подсчёте обвинения одному лицу по нескольким эпизодам, квалифицированным по одной статье УК учитывалось только один раз).

Из таблицы видно, что для преследования политзаключённых, включённых в список лишённых свободы в связи с реализацией права на свободу вероисповедания и религиозной принадлежностью применялись в начале 2019-го года 13 разных статей УК, для преследования всех прочих политзаключённых – 30 статей УК, а в целом для преследования лиц, признанных на тот момент политзаключёнными – 36 статей Уголовного Кодекса. Такая ситуация довольно стабильна, перечень статей УК, используемых для преследования политзаключённых и общее количество этих статей в период с начала 2018 г. по июнь 2019 года отличались от данных, приведенных в Таблице 2 не более, чем на 10%.

Статьи УК РФ, применявшиеся для преследования политзаключённых, включённых в списки ПЦ «Мемориал» по состоянию на начало 2019 года

Таблица 2

Статья УК РФ	Название статьи	Количество случаев применения к включённым в список		
		Общий	Религиозный	Всего
105	Убийство	5		5
115	Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью	1		1
116	Побои	1		1
135	Развратные действия	1		1
150	Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления		2	2
162	Разбой	2		2
163	Вымогательство	1		1
166	Неправомерное завладение автомобилем ... без цели хищения	1		1
171	Незаконное предпринимательство		4	4
205	Террористический акт	2	15	17
205.1	Содействие террористической деятельности	1	7	8
205.2	Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма		3	3

Статья УК РФ	Название статьи	Количество случаев применения к включённым в список		
		Общий	Религиозный	Всего
205.4	Организация террористического сообщества и участие в нём	6		6
205.5	Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации		89	89
209	Бандитизм	3		3
210	Организация преступного сообщества или участие в нём	1		1
212	Массовые беспорядки	9		9
213	Хулиганство	1		1
222	Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов	8	19	27
222.1	Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств	5		5
223	Незаконное изготовление оружия		15	15
223.1	Незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконные изготовление, переделка или ремонт взрывных устройств	1		1
226	Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств	1		1
228	Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств...	4		4
242.2	Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов	1		1
275	Государственная измена	4		4
278	Насильственный захват власти или насильственное удержание власти		38	38
279	Вооружённый мятеж	1		1
280	Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности	5		5
282	Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства	4	8	12
282.1	Организация экстремистского сообщества	21	4	25
282.2	Организация деятельности экстремистской организации	4	87	91
282.3	Финансирование экстремистской деятельности		3	3
317	Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа	1		1
318	Применение насилия в отношении представителя власти	4		4
Всего статей УК:		30	13	36

Доля статей УК, которые могут быть охарактеризованы как безусловно политические, т.е. непосредственно направленные на необоснованное ограничение прав и свобод граждан, к которым можно отнести **ст. 148** (Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий), **ст. 212.1** (Неоднократное нарушение

установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования), **ст. 280.1** (Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации), **ст. 284.1** (Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности), **ст. 330.1** (Злостное уклонение от исполнения обязанностей, определённых законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента) в преследовании политзаключённых весьма невелика. На начало 2019 года в списках политзаключённых не было ни одного человека, преследуемого по этим статьям, хотя позднее узники, лишённые свободы в связи с обвинениями по **ст. 212.1, 280.1, 284.1** среди политзаключённых появились.

Гораздо чаще применяются против политзаключённых статьи УК, которые в принципе могут правомерно применяться к реальным общественно опасным запрещённым законом действиям, но в силу широты и неопределённости формулировок и вопиющих пороков правоприменения часто используются для криминализации вполне легальных, с точки зрения Конституции РФ и международных соглашений, подписанных Россией, действий. Это комплекс антиэкстремистских статей, антитеррористические статьи, наказывающие не за собственно осуществление теракта или подготовку к нему, а за участие в деятельности организаций и сообществ, объявленных террористическими, финансирование, оправдание или пропаганда террористической деятельности, хулиганство, государственная измена, массовые беспорядки и другие подобные нормы.

Впрочем, зачастую в случаях необоснованного политически мотивированного лишения свободы в связи с обвинениями по этой группе статей помимо заведомо неправомерной квалификации реально осуществлявшихся действий имеют место и прямая фабрикация оснований преследования как путем фальсификации вещественных доказательств и показаний свидетелей следствием, так и посредством пристрастной, с явным предпочтением доказательств обвинения оценки их судом.

Исключительно на фальсификации доказательств и вопиющей предвзятости суда при их оценке основано уголовное преследование политзаключённых, обвинённых в безусловно преступных деяниях. Такие обвинения можно условно отнести к третьей группе статей УК, используемых для преследования политзаключённых. В неё могут попасть и попадают самые разные преступления: убийства, побои, разбой, террористический акт, хранение, изготовление и прочие действия с наркотиками и оружием, насилие в отношении представителя власти и т.д.

На Диаграммах 5, 6 и 7 можно увидеть структуру совокупности статей Уголовного Кодекса, использовавшихся для преследования политзаключённых в начале 2019 года, сгруппированных по характеру обвинения и фактическим объектам вменяемого преступления. На Диаграмме 5 отражена структура обвинений в отношении всех политзаключённых кроме тех, кто преследовался в связи с религией, на Диаграмме 6 – в отношении «религиозных» политзаключённых, на Диаграмме 7 – всех политзаключённых в целом.

**Группы статей УК, применяемых против политзаключённых
(2019 год; все политзаключённые за исключением преследуемых в связи
с религией; 53 человека; 100 обвинений)**

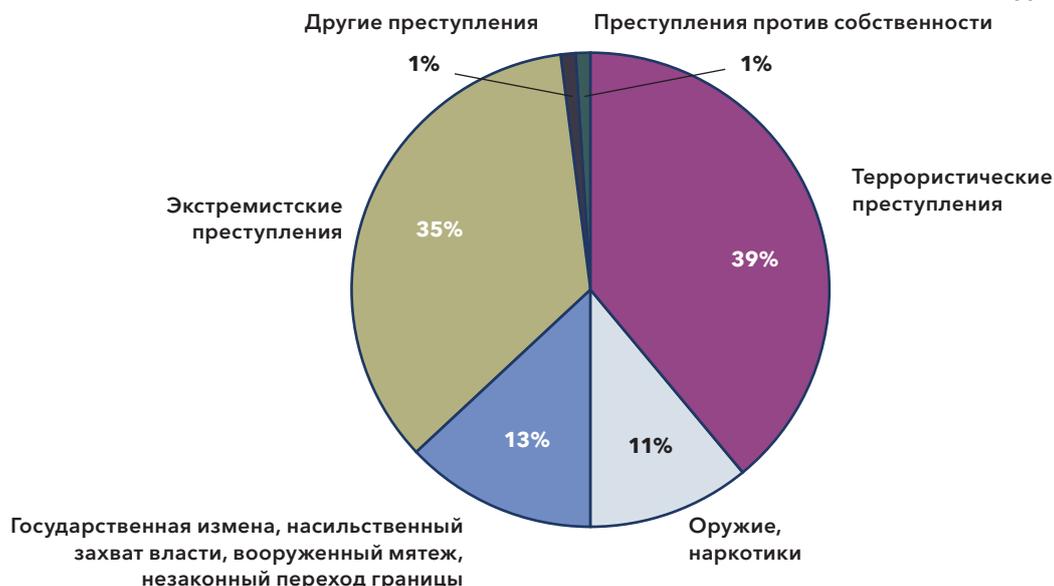
Диаграмма 5

Против тех политзаключённых, которые преследовались не в связи с реализацией права на свободу вероисповедания и религиозной принадлежностью, наиболее массово применялся комплекс антиэкстремистских статей; на втором месте – статьи, связанные с оружием и наркотиками.

**Группы статей УК, применяемых против политзаключённых
(2019 год; преследуемые в связи с религией; 167 человека; 294 обвинения)**

Диаграмма 6

Для лишения свободы в связи с реализацией права на свободу вероисповедания и религиозной принадлежностью, в первую очередь, используются обвинения в террористических преступлениях, во вторую – в экстремистских.

**Группы статей УК, применяемых против политзаключённых
(2019 год; все политзаключённые; 220 человек; 396 обвинений)**

Диаграмма 7

Следует отметить, что по сравнению с ситуацией начала 2019-го года, отражённой на диаграммах, структура статей УК, применяемых для преследования политзаключённых, претерпела два существенных изменения: во-первых, в результате освобождения большой группы граждан Украины в рамках обмена, резко уменьшилось число случаев применения **ст. 322 УК РФ** (незаконное пересечение Государственной границы РФ), по которой преследовались 24 украинских моряка, а во-вторых, после протестных акций в Ингушетии в марте и в Москве в июле 2019 года против десятков граждан были возбуждены дела по **ст. 318 УК РФ** (применение насилия в отношении представителя власти).

1.6. Другие подходы к политзаключённым.

Среди других подходов к выделению жертв лишения свободы, которое можно обозначить как политически мотивированное, в первую очередь, необходимо указать на подход *Amnesty International*, которая использует понятие «узник совести». Этим термином обозначается

«человек, чья свобода ограничена тюремным заключением или каким-либо иным образом из-за его политических, религиозных или иных добросовестных убеждений, этнического происхождения, пола, цвета кожи, языка, национального или социального происхождения, материального положения, происхождения, сексуальной ориентации или по другим признакам, и который не прибегал к насилию и не призывал к насилию и ненависти».

Фактически содержание понятия «узник совести» полностью охватывается используемым ПЦ «Мемориал» понятием «политзаключённый», однако последнее гораздо шире. Узниками совести в России, по сути, признаются только лица, лишённые свободы явно и непосредственно за реализацию своих гражданских прав и именно по обвинению в их реализации. Такая откровенность беззакония со стороны государства случается гораздо реже, чем беззаконие слегка закамouflированное. Узниками совести в последние месяцы были признаны **В. Егоров, В. Мордасов, Я. Сидоров** и **В. Шамшин, А. Шевченко, М. Беньяш**, лишённые свободы свидетели Иеговы, **О. Титиев**. Признание политзаключённым руководителя офиса ПЦ «Мемориал» в Чечне **О. Титиева** стоит особняком в этом ряду, поскольку он в очевидной связи со своей правозащитной деятельностью стал жертвой фабрикация обвинения, формально не связанного с этой деятельностью. Это важное и ценное проявление высокого стандарта защиты правозащитников. Тем не менее, подавляющее большинство жертв столь же явно сфальсифицированного политически мотивированного лишения свободы в число узников совести не попадают. Кроме

того, *Amnesty International* не ведёт сводных списков узников совести, поэтому составить представление об общей картине даже самых вопиющих случаев политически мотивированного лишения свободы на основании практики признания людей узниками совести вряд ли возможно.

Одной из крупнейших групп политзаключённых, как показано выше, являются граждане и жители Украины, включая Крым. Украинские общественные организации и СМИ составляют и поддерживают различные «списки политзаключённых», которыми иногда оперируют и государственные органы Украины. Например, список лишённых свободы по политическим мотивам граждан Украины в России и оккупированном Крыму на сайте Объединения политзаключённых Кремля или список, озаглавленный «Политические узники. Украинские заключенные в Крыму и России» на сайте проекта LB.ua.

Однако такого рода списки не содержат ни описания методологии, ни пояснения значения, в котором используется термин «политзаключённый» и схожие с ним, ни обоснований включения в списки конкретных лиц. Кроме того, в них включены как лица, лишённые свободы, так и подвергающиеся уголовному преследованию без лишения свободы.

В такой ситуации более корректным представляется использование других терминов, например, «Украинские заложники Кремля», как в списке правозащитного проекта Let My People Go.

Среди политических активистов как левого или анархического толка, так и русских националистов зачастую выделяют группы «своих» политзаключённых. Актуальных обновляемых списков и данных о систематической деятельности по учёту таких узников, однако, нам найти не удалось. Единственным условным исключением является список «Анархического Черного Креста», включающий лишённых свободы анархистов и близких к ним по взглядам лиц. О подходах к составлению списка говорится: «Мы поддерживаем всех репрессированных антиавторитариев и их сторонников, которых преследуют за их политическую деятельность или за поступки, которые не противоречат идеалам анархизма».

На полноту учёта политзаключённых претендовал проект «Новая хроника текущих событий». Его авторы декларировали применение термина «политзаключённый» в значении лица, которое подвергается уголовному преследованию по причине его политических, религиозных или атеистических убеждений, либо вследствие гражданско-политической активности при условии, если в его деятельности не имело место насилие или конкретные призывы к нему. В соответствии с этим пониманием в списки политзаключённых, публиковавшиеся на сайте *НХТС*, включались наряду с лишёнными свободы лицами и жертвы

уголовного преследования, находящиеся на свободе. При этом авторы проекта никак не обосновывали включение фигурантов уголовных дел в список, что не прибавляло ему авторитетности и затрудняло использование его данных для оценки масштаба политических репрессий в России. С 2016 года списки политзаключённых проекта *НХТС* не публиковались.

2. Объект преследования.

2.1. Понятия объекта преследования.

Классификация преследований по объекту.

За сухими цифрами любой статистики скрываются человеческие судьбы. Каждое уголовное дело чем-то отличается от других, и каждый политзаключённый является уникальной личностью. Тем не менее, анализ происходящих репрессий невозможен без того, чтобы разделить всё многообразие дел на группы по релевантным признакам. В случае политических репрессий в России проще всего сделать это, выделив объект преследования и показав логику деления политзаключённых на несколько больших групп.

В этой главе нашего доклада деление проведено главным образом по сущностному принципу, при котором основанием деления является объект преследования, понимаемый нами как социальная группа, обладающая общими признаками. Социальные группы, выделенные нами, различаются своим размером, но каждая из них, независимо от того, является она религиозной, профессиональной или выделяемой по типу неугодной властям активности, является реально существующей и занимающей важное место в современной российской жизни.

При этом из-за того, что репрессии не сосредоточены в отдельных регионах, а происходили в 2018 году по всей стране, единственной группой, выделенной по географическому принципу, являются жители Крыма и Севастополя из-за статуса этих территорий и значительных особенностей применения на их территории российского законодательства в условиях непризнания их частью России международным сообществом и международным правом.

2.2. Группы, преследуемые в рамках политических репрессий в 2018–2019 годах.

Всех лиц, преследуемых по политическим мотивам в 2018 году и в первой половине 2019 года, можно разделить на две больших группы: преследуемые по политическим мотивам в чистом виде и преследуемые по политическим мотивам в связи с реализацией права на свободу вероисповедания. Сначала проанализируем состав первой группы.

2.2.1 Политзаключённые (преследуемые не в связи с религией) и их подгруппы.

Политики и политические активисты

Группой, преследование которой в ходе политических репрессий выглядит наиболее очевидно и «естественно» (но от того не становится законным и правовым), являются политики и политические активисты, как правило, оппозиционного толка. Речь, в первую очередь, идёт об участниках многочисленных объединений так называемой «несистемной оппозиции». К ним относятся оппозиционеры разных взглядов: либералы, социалисты и коммунисты, анархисты, националисты (как русские, так и представители иных этнических групп), общепозиционные активисты. Преследованию по политическим мотивам в то же время подвергаются и участники системных политических партий, которые в ряде случаев являются наиболее влиятельной частью оппозиции на региональном и местном уровне.

В 2018 и первых трёх кварталах 2019 года наиболее активным преследованиям подвергались сторонники оппозиционных политиков **Алексея Навального** и **Михаила Ходорковского**. Это проявлялось как в форме уголовных дел в отношении активистов штабов Навального, сотрудников **ФБК** и членов незарегистрированной партии «*Россия будущего*», и, соответственно, «*Открытой России*», так и в привлечении к уголовной ответственности неорганизованных сторонников оппозиции, посещавших массовые акции, организованные штабами **Навального** в Москве и регионах. Так, в частности, мы можем упомянуть дела сторонниц «*Открытой России*» **Анастасии Шевченко** и **Яны Антоновой**, преследование в рамках «московского дела» **Сергея Фомина** и **Алексея Миняйло**, работавших в избирательном штабе **Любови Соболь**, и «дело **ФБК**».

Участники публичных мероприятий

В некоторых случаях участники публичных мероприятий, привлекавшиеся к уголовной ответственности по обвинению в нападении на сотрудников полиции или в участии в массовых беспорядках, являются достаточно известными политическими активистами. Особенно это касалось дел о событиях на Манежной площади 11 декабря 2010 года и на Болотной площади 6 мая 2012 года.

В 2018 году ситуация была иной – все известные нам участники публичных мероприятий, осуждённые по **ст. 318 УК РФ**, не являлись активистами, участвующими в политической деятельности на постоянной основе. Более того, из числа осуждённых за участие в митинге 26 марта 2017 года на Тверской улице города Москвы и продолжавших отбывать наказание в 2018 году лиц только **Дмитрий Борисов** и **Станислав Зимовец** чётко артикулировали наличие последовательно оппозиционных политических взглядов. Все остальные обвиняемые и осуждённые заявляли, что оказались на митинге случайно и уже в ходе него противодействовали полиции из-за возмущения её неоправданно жестокими действиями.

Впрочем, уже в следующем 2019 году, в ходе преследования участников мирных митингов в Москве и Магасе, отмечалось массовое незаконное привлечение к уголовной ответственности не только рядовых участников митингов, но и известных оппозиционных активистов, таких, как **Егор Жуков** и **Ахмед Барахоев**. Эти два дела стали крупнейшими примерами преследования участников публичных мероприятий за последние годы. Несмотря на большую разницу в политической обстановке, составе митингующих, их целях и задачах, эти дела многое объединяет.

В Ингушетии после подписания соглашения о чечено-ингушской границе осенью 2018 года начался политический кризис, сопровождающийся массовыми акциями национал-демократической оппозиции, недовольной как фактом невыгодного, с её точки зрения, соглашения, так и тем, что оно было подписано без консультации с широкими слоями ингушского общества. После относительного затишья зимой 2018–2019 года в марте 2019 года митинги в столице Ингушетии Магасе возобновились, продолжая носить исключительно мирный характер вплоть до неудачной попытки разгона утром 27 марта 2019 года, когда протестующие оказали сопротивление сотрудникам Росгвардии, первыми применившим к ним насилие. Через несколько дней в республике начались массовые задержания десятков участников этого митинга, при этом рядовых участников обвиняли в насилии в отношении представителей власти. К уголовной ответственности по делу о событиях в Магасе по состоянию на 1 мая 2020 года в общей сложности были привлечены 44 человека. Уголовное преследование троих из них было прекращено, 34 человека обвиняются в насилии против

сотрудников правоохранительных органов на 27 марта 2019 года. Восемь лидеров ингушской оппозиции, признанных *«Мемориалом»* политзаключёнными, обвиняются в организации этого насилия, создании экстремистского сообщества и участии в нём, а ещё один активист обвиняется в подстрекательстве к неопасному для здоровья силовиков насилию.

Московское дело о событиях 27 июля 2019 года и последующие за ним репрессии тоже стали следствием острого политического кризиса, связанного с массовым снятием с выборов кандидатов в *Московскую городскую Думу*. Мирная несогласованная акция оппозиции 27 июля 2019 года была жестоко разогнана, после чего были возбуждены уголовные дела о якобы организации массовых беспорядков и о насилии в отношении сотрудников полиции и ОМОНа. Обвинение в участии в массовых беспорядках из-за своей явной абсурдности в итоге было снято со всех обвиняемых, а 8 обвиняемых были освобождены в связи с полной невиновностью. 15 человек, однако, были обвинены в совершении преступления, предусмотренного **ч. 1 ст. 318 УК РФ** и, в случае **Егора Жукова** – **ч. 2 ст. 280 УК РФ**, из них 9 осуждены к лишению свободы сроком от 1 до 3,5 лет.

3 и 10 августа 2019 года разгоны мирных акций повторились, в результате чего к незаконной уголовной ответственности были привлечены случайно оказавшийся в центре Москвы актёр **Павел Устинов**, обвинённый в совершении преступления, предусмотренного **ч. 2 ст. 318 УК РФ**, и гражданский активист **Константин Котов**, которому была вменена **ст. 212.1 УК РФ**. Если **Устинова** после беспрецедентной кампании солидарности приговорили к условному сроку, то **Котов** был приговорён к 4 годам колонии общего режима.

Правозащитники и адвокаты

Не слишком большую, но важную часть политических репрессий в России составляют преследования правозащитников. В определённой степени к этой группе можно отнести и адвокатов, и иных профессиональных юристов в случае, если их преследуют исключительно в связи с защитой ими законных прав и интересов подзащитных. Особенно это касается случаев, когда их подзащитные стали жертвами преследования по «экстремистским» статьям УК РФ или по другим явно политически мотивированным уголовным или административным делам. Наиболее ярким примером такого преследования в 2018 году стали уголовные дела, возбуждённые в отношении адвокатов **Михаила Беньяша** в Краснодарском и **Романа Ожмегова** – в Алтайском краях.

Из числа дел против правозащитников в самом узком смысле слова наиболее известным и вопиющим представляется преследование нашего коллеги из «Мемориала» **Оюба Титиева**, шедшее весь 2018 год и сопровождавшееся

широкомасштабной кампанией солидарности с ним. С нашей точки зрения, условно-досрочное освобождение **Оюба Титиева** весной 2019 года стало, в значительной степени, её результатом. Продолжают находиться под стражей историк, председатель Карельского отделения Российского общества «Мемориал», член Комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий при Правительстве Республики Карелия **Юрий Дмитриев** и осуждённый к 12 годам колонии строгого режима активист помощи крымскотатарским жертвам политических репрессий **Эмир-Усеин Куку**. С мая 2018 года под стражей по обвинению в участии в террористической организации и приготовлении к насильственному захвату власти находится создатель и координатор движения «Крымская Солидарность» **Сервер Мустафаев**. Все трое правозащитников были признаны ПЦ «Мемориал» политзаключёнными в связи с явной незаконностью их преследования.

Журналисты

Определённую, хоть и небольшую, часть политзаключённых составляют журналисты. В списке политзаключённых ПЦ «Мемориал» в рассматриваемый период были включены 4 журналиста, ставших жертвами политических репрессий.

После незаконного задержания в апреле 2016 года журналист интернет-издания «Кавказский Узел» **Жалауди Гериев** стал, по нашему мнению, жертвой подброса наркотиков. Он был признан политзаключённым Правозащитным центром «Мемориал», но, несмотря на очевидную фабрикацию уголовного дела, провёл в общей сложности 3 года в местах лишения свободы.

Жертвой провокации стал депутат Калининградской областной Думы и редактор независимой газеты «Новые колёса Игоря Рудникова» **Игорь Рудников**, которого пытались обвинить в вымогательстве 50 тысяч долларов у руководителя областного СК РФ. 17 июня 2019 года Московский районный суд Санкт-Петербурга фактически оправдал журналиста, признав его виновным только в покушении на самоуправство и неисполнении обязанности по подаче уведомления о наличии иностранного гражданства, освободив его из-под стражи в зале суда.

Летом 2019 года известность приобрели сразу два громких дела, сфабрикованных в отношении журналистов: расследователя **Ивана Голунова** из «Медузы» и редактора раздела «Религия» **Абдулмумина Гаджиева** из «Черновика» (г. Махачкала).

Дело **Голунова**, ставшего жертвой подброса наркотиков, было прекращено в результате мощной кампании солидарности журналистского сообщества

и массовых акций протеста, продолжавшихся все те дни, которые он провёл за решёткой или под домашним арестом и даже на следующий день, после его освобождения, 12 июня 2019 года.

Что же касается преследования **Гаджиева**, признанного «Мемориалом» политзаключённым, то оно на момент подготовки доклада продолжалось даже несмотря на крайнюю нелогичность и даже абсурдность обвинения. Отметим, что, в отличие от **Голунова, Гаджиеву** следствие прямо вменило ему его профессиональную деятельность, заявив, что формой его участия в запрещённой террористической организации «Исламское государство» является взятое им в 2013 году интервью у исламского проповедника.

Блогеры и публицисты

Значительно чаще, чем штатных сотрудников СМИ, к уголовной ответственности по политическим мотивам привлекают блогеров и публицистов оппозиционных взглядов. Это связано с несколькими факторами, важнейшими из которых, на наш взгляд, являются следующие:

- блогеры и независимые публицисты, не являясь штатными сотрудниками СМИ и в меньшей степени имея возможность рассчитывать на механизмы журналистской солидарности, слабо защищены от произвола со стороны сотрудников силовых структур;
- зачастую представители данной категории преследуемых являются, к тому же, заметными на региональном уровне оппозиционными политиками и активистами, что предопределяет более высокую интенсивность преследования со стороны силовиков;
- редакторы и сотрудники независимых СМИ, как правило, работают на основе профессиональных стандартов, снижающих число поводов для их уголовного преследования, тогда как блогеры зачастую реализуют право на общественную критику в более экспрессивных формах, делающих их более лёгкой целью для силовиков.

Численность журналистов независимых СМИ значительно меньше, чем численность оппозиционных блогеров, что связано со всё большим распространением социальных сетей. Критерии отнесения пользователя соцсетей к числу блогеров имеются в российском законодательстве (суточное посещение страницы более 3000 пользователей), но потенциально репрессивная норма о ведении реестра блогеров, введённая в 2014 году, практически не применялась, а в 2017 году была отменена. Впрочем, подобное искусственное выделение блогеров из числа прочих пользователей социальных сетей лишь по признаку их популярности представляется нам излишним, в связи с чем мы не пользуемся им в нашей деятельности.

Учёные

Исторически одной из первых значимых групп политзаключённых в современной России стали учёные, очевидно ложно обвинявшиеся в измене Родине как в связи с ведомственными интересами органов контрразведки, так и с целью намеренного усиления шпиономании, формирования образа России как осажденной врагами крепости. Эти преследования напрямую посягали на право свободного обмена информацией, гарантированного **ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод**. По большинству вызывающих сомнения дел такого рода «Мемориал» не смог сформулировать свою позицию из-за крайне ограниченного объема информации о них, не позволяющего оценить обоснованность выводов следователей ФСБ и судей, т.к. такие дела практически всегда имеют секретный характер.

Тем не менее, благодаря деятельности правозащитной «Команды 29», журналистов и адвокатов, общественной работе научного сообщества в некоторых случаях вскрываются такие нарушения законности со стороны ФСБ и такая степень абсурдности обвинений, которые позволяют говорить о безусловном соответствии дела критериям признания политзаключёнными. К таким делам относятся дела отбывающих многолетние сроки Святослава Бобышева (досрочно освобожден в сентябре 2019 года после 9,5 лет заключения), Геннадия Кравцова и Владимира Лапыгина, а также 76-летнего Виктора Кудрявцева, ожидающего суда под подпиской о невыезде после освобождения из СИЗО в связи с наличием онкологического заболевания.

Другие жертвы шпиономании

Не все жертвы шпиономании в России являются учёными. Некоторые «шпионы» в принципе никогда не имели доступ к государственной тайне, в т.ч. группа жителей Сочи, осуждённых по обвинению в сотрудничестве с грузинской разведкой. В настоящее время в заключении продолжает оставаться один из них, 64-летний авиадиспетчер Пётр Парпулов, признанный ПЦ «Мемориал» политзаключённым.

Из-за того, что доступ к материалам уголовных дел этих людей ещё более ограничен из-за режима секретности, окружающего расследование уголовных дел, а также из-за отсутствия профессионального сообщества, которое могло бы оценить правомерность этих обвинений, «Мемориал» не смог сформулировать позицию по большей части таких дел. Тем не менее мы продолжаем тщательно следить за уголовными делами гражданина Украины Виктора Шура, сотрудника Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (ОВЦС МП) Евгения Петрина и многими другими, имеющими явные признаки нарушения прав обвиняемых и осуждённых.

Украинцы и жители Крыма

С весны 2014 года не прекращается антиукраинская кампания в государственных средствах массовой информации и в высказываниях официальных лиц, занимающих высшие руководящие должности в Российской Федерации. Одной из составных частей этой кампании стало возбуждение уголовных дел против лиц, публично выражающих отличную от официальной позицию по событиям в Украине, и непосредственно против граждан Украины, в т.ч. проживающих на территории Крыма. Среди украинских граждан, оказавшихся в местах лишения свободы в России, были люди, выступавшие против аннексии Крыма (**Олег Сенцов** и другие обвиняемые в якобы «терроризме», **Владимир Балух**, **Эдем Бекиров**), обвиняемые в шпионаже **Роман Сущенко** и **Юрий Солошенко**, участники запрещённого в России «*Правого сектора*», а также украинские военные, в первую очередь, 24 украинского моряка и сотрудника СБУ, взятых в плен 25 ноября 2018 года.

После обмена политзаключёнными и военнопленными между Россией и Украиной по формуле «35 на 35», имевшего место 7 сентября 2019 года, число украинских политзаключённых в России значительно снизилось, изменился и их состав. Так, сразу после осуществления обмена 45 из 48 жителей Украины и Крыма, признанных *Правозащитным центром «Мемориал»* политзаключёнными, являлись крымскими татарами, формально преследуемыми за принадлежность к легальным на территории Украины, но запрещённым в России, исламским организациям, главным образом, к «*Хизб ут-Тахрир аль-Ислами*». Преследование представителей этой группы продолжается. Так в конце 2019 списки политзаключённых «*Мемориала*» пополнились именем гражданина Украины **Александра Марченко**, уже в начале 2020-го года в них были включены 11 крымских татар, лишённых свободы ещё в конце 2017-го – начале 2019-го годов. Фактическое число преследуемых российскими силовыми структурами по политическим мотивам украинцев и крымчан, очевидно, значительно выше. Так, по данным украинской общественной кампании #LetMyPeopleGo, по состоянию на 8 сентября 2019 года их число составляло 86 человек, включая лиц, к материалам уголовных дел которых у «*Мемориала*» нет доступа, и тех, кто по тем или иным причинам не был признан подпадающим под критерии признания политзаключённым.

Случайные жертвы политических преследований

Перечисление множества категорий лиц, преследуемых по политическим мотивам, не должно заставлять думать, что политические репрессии в Российской Федерации ведутся строго целенаправленно. Зачастую их жертвами становятся случайные люди, не имеющие никакого отношения к политической деятельности и привлечённые в качестве обвиняемых по ведомственным мотивам,

в статистических или пропагандистских целях. Большинство этих людей привлекаются к уголовной ответственности за действия, совершённые в интернет-пространстве, такие, как репосты, неосторожные комментарии в ходе споров в интернете, размещение «экстремистских» материалов.

Иногда жертвами политических репрессий становятся случайные лица, привлекаемые к ответственности за действия, совершённые не на просторах сети Интернет. К ним можно отнести жителя Санкт-Петербурга **Павла Зломнова**, первоначально обвинённого в торговле оружием и, по информации ОНК, подвергнутого пыткам, но повторно взятого под стражу по обвинению в оправдании архангельского левого радикала, совершившего самоподрыв в здании УФСБ. Дело **Зломнова** является ярким примером того, как политические репрессии применяются к людям, первоначально с политикой никак не связанным.

2.2.2 Лица, преследуемые по политическим мотивам в связи с реализацией права на свободу вероисповедования.

Мусульмане

15 лет «Мемориал» наблюдает за различными формами давления на мусульман в России, фабрикой уголовных дел по несуществующим преступлениям экстремистской и/или террористической направленности. Государственная пропаганда использует и усугубляет бытовую исламофобию, сращивает ислам и терроризм в сознании обывателя. Гражданский контроль за такого рода преследованиями минимален, спецслужбы получают возможность многократно завышать показатели раскрываемости (собственную полезность), манипулируют представлениями о террористической угрозе, подменяют реальную антитеррористическую борьбу имитационной.

Под предлогом борьбы с реальным исламистским терроризмом в Российской Федерации оказались лишены свободы сотни людей, вся вина которых заключалась в неподконтрольности власти и официальным религиозным структурам, а то и просто ставших случайными жертвами фальсификации. Мусульман, незаконно подвергающихся уголовному преследованию по политическим мотивам, можно разделить на несколько основных групп.

Участники «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (организация в России признана террористической)

В материалах многочисленных уголовных дел, проанализированных сотрудниками *Правозащитного центра «Мемориал»*, исламская партия «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» называется международной террористической организацией.

В таком качестве она запрещена *Верховным судом РФ* 14 февраля 2003 года. В решении *ВС РФ* деятельности «Хизб ут-Тахрир» посвящены три предложения, в первом из которых декларируется её цель – создание всемирного исламского халифата, во втором отмечается ведение массивной исламистской пропаганды, в третьем упоминается запрет ее деятельности в Узбекистане и некоторых арабских странах. Данные формулировки сами по себе не могут служить основанием для признания организации террористической, поэтому мы полагаем, что признание «Хизб ут-Тахрир» террористической организацией неправомерно, а следовательно, неправомерно и вменение обвинений в терроризме только на основании членства в «Хизб ут-Тахрир».

Начиная с ноября 2013 года, когда **ст. 205.5** (*Организация деятельности террористической организации*) была введена в **УК РФ**, только одного факта присоединения к «Хизб ут-Тахрир» или участия в мероприятиях организации стало достаточно для осуждения по террористической статье, санкция которой предполагает до 20 лет лишения свободы. «Раскрытие» серийных дел о членстве в «Хизб ут-Тахрир» было предельно упрощено, для достижения «высоких результатов» (в некоторых случаях – осуждения десятков обвиняемых в рамках одного дела) требуются минимальные усилия. В то же время, в последние годы именно антитеррористическими соображениями объясняется принятие законов, ограничивающих конституционные права граждан. Таким образом, антитеррористические имитации работают на упрочение субъектами власти властных полномочий.

Несмотря на то, что программные положения «Хизб ут-Тахрир» и тексты, размещённые на интернет-сайтах этой организации, во многом несовместимы с идеями демократии и прав человека в понимании *Всеобщей Декларации прав человека* и развивающих её международных актов, а в предлагаемое «Хизб ут-Тахрир» устройство будущего Халифата заложена дискриминация по признакам религии и пола, в демократических государствах Северной Америки и Западной Европы, за исключением Германии, её деятельность легальна и уголовных дел в связи с членством в ней нет. Запрет на деятельность организации в Германии связан с антисемитскими публикациями и высказываниями.

На 20 октября 2019 года *Правозащитному центру «Мемориал»* известно, как минимум, о 301 человеке, лишённом свободы по делам о причастности к «Хизб ут-Тахрир». Этот список, приведённый на сайте «Мемориала», является заведомо неполным, но даже он позволяет понять масштаб репрессий в отношении участников организации.

Как минимум 197 человек были осуждены, 50 из них получили сроки от 10 до 15 лет, а 58-15 и более лет лишения свободы. Над 30 фигурантами уголовных дел в первой половине октября 2019 года шёл суд. В списке «Мемориала» на тот

момент также состояли 55 человек, находившихся под следствием. Имена ряда фигурантов, находящихся под следствием, нам пока неизвестны. 19 человек, ранее включенных в списки, освободились по отбытии назначенного срока лишения свободы, с 1 человека обвинения были сняты.

«Мемориал» на 1 октября 2019 года признал политическими заключёнными 155 фигурантов дел о причастности к «Хизб ут-Тахрир». Вопросы о признании политзаключёнными фигурантов других дел рассматриваются по мере получения процессуальных документов по этим крайне однотипным делам.

**Участники «Таблиги Джамаат»
(организация в России признана
экстремистской)**

«Таблиги Джамаат» – международное проповедническое исламское движение, объединяющее миллионы последователей во всем мире. Основано в индо-пакистанском регионе (провинция Меват Британской Индии) в 1920-х годах, как ответ на западные миссионерские христианские инициативы. Основатели поставили своей целью приведение к исламу «номинальных мусульман» – тех, кто признает себя мусульманами, но не исполняет полностью религиозных обрядов. Участники «Таблиги Джамаат» периодически выезжают для пропаганды основ ислама в другие регионы и страны. Во время таких поездок проповедники обычно живут в мечетях, разъясняют на улицах ценности Корана и исламских обрядов. Как отмечает эксперт по исламскому экстремизму в постсоветском регионе *Виталий Пономарёв*, политические темы в проповедях не затрагиваются.

Судьей Верховного Суда РФ *Николаем Романенковым* 7 мая 2009 года эта организация была запрещена как «экстремистская», в связи с чем с этого времени одного факта присоединения к «Таблиги Джамаат» или участия в её мероприятиях стало достаточно для осуждения по **ст. 282.2 УК РФ**. Доказывать при этом факты подготовки или осуществления экстремистских действий стало необязательным. Отметим, что ни в решении *Верховного Суда* о запрете «Таблиги Джамаат», ни в материалах уголовных дел, расследовавшихся в России, нет конкретных фактов, свидетельствующих об экстремистской или какой-либо насильственной деятельности организации.

Правозащитный центр «Мемориал», как и экспертный *Информационно-аналитический центр «Сова»*, находят, что движение «Таблиги Джамаат» занимается пропагандой ислама и не было замечено в каких-либо призывах к насилию, считает, что решение *ВС РФ* неправомерно, а следовательно, неправомерно и вменение обвинений в экстремизме только на основании участия в «Таблиги Джамаат».

Во всех известных нам делах об участии в «*Таблиги Джамаат*» фигурантам не вменяется пропаганда насилия, озвучивание экстремистских угроз, унижение или дискриминация по признакам религии или национальности: только поиск и убеждение новых сторонников, групповое чтение и хранение литературы организации. В настоящее время нам известно как минимум о 9 осуждённых за участие в «*Таблиги Джамаат*», находящихся в местах лишения свободы, и о 3 фигурантах, получивших условные сроки. 8 из них проходили по уголовному делу, возбуждённому в Москве, а ещё 4 – в Крыму.

Последователи Саида Нурси

Уже более 15 лет в России продолжается преследование последователей турецкого исламского мыслителя *Саида Нурси* (1878–1960 гг.), изучающих сборник его трудов «*Рисале-и Нур*», взаимодействующих между собой, но не являющихся структурированной организацией. Всё это время репрессии, начавшиеся с выдворения граждан Турции и давления на частные образовательные учреждения с турецким участием, постепенно ужесточались, для них создавалась правовая база. Действия властей сопровождалась пропагандистской кампанией, создававшей образ врага, распространяющего исподволь иностранное политическое влияние.

Поскольку в 2008 году *Верховный суд РФ* вынес по заявлению Генерального прокурора РФ решение о признании экстремистским международного религиозного объединения «*Нурджулар*», мирных мусульман привлекают к уголовной ответственности за якобы участие в деятельности этой, в реальности никогда не существовавшей, организации. Фактически регулярное групповое изучение книг *Саида Нурси* в России систематически приравнивается к уголовному преступлению, о чём свидетельствует доклад Правозащитного центра «Мемориал» 2012 года.

По нашим оценкам, на 1 октября 2019 года в местах лишения свободы находились как минимум 5 последователей *Нурси*, а ещё 3 преследовались без лишения свободы, отбывая условные сроки. Двое из находившихся под стражей и трое преследуемых без лишения свободы были осуждены за участие в деятельности «движения «*Джамаат Хезмет*», объявленного судом гюленовской ветвью организации «*Нурджулар*». Важно отметить, что международная исламская организация «*Хизмет*», возглавляемая турецким проповедником *Фетхуллахом Гюленом*, является самостоятельной организацией, не запрещённой в России, а её привязка к «*Нурджулар*» является искусственной и не имеющей отношения к реальности, что делает преследование российских гюленистов ещё более неправомерным и абсурдным.

Салафиты

Сторонники салафизма или возврата к «чистому исламу», свободному, по их мнению, от всех нововведений и наиболее близкому к первоначальному вероучению VII века, являются одной из сравнительно маргинальных групп мусульман в России. В связи с тем, что салафитских взглядов придерживаются в т.ч. и представители реально существующих террористических группировок, таких, как запрещённые в России ИГИЛ и «Джамаат Кавказ», в глазах органов власти и значительной части общества, в т.ч. многих мусульман и жителей Северного Кавказа, все салафиты воспринимаются в качестве активных или потенциальных экстремистов и террористов. *Правозащитный центр «Мемориал»* всегда выступал против столь радикального подхода и считал необходимым диалог с умеренной частью этой общины. По этой причине мы осуждаем политические репрессии в отношении известных представителей общины, безусловно отрицающих терроризм и никогда не дававших повода усомниться в обратном.

В настоящее время под стражей находятся два представителя этого течения ислама, признанных «Мемориалом» политзаключёнными. Это имам из дагестанского города Хасавюрт **Магомеднаби Магомедов** и журналист дагестанской газеты «Черновик» **Абдулмумин Гаджиев**. Преследование обоих, формально ведущееся с использованием антитеррористического законодательства, как мы полагаем, связано с их религиозными убеждениями и не преследует никаких «антитеррористических целей», т.к. они неоднократно и последовательно выступали за мирное решение общественных конфликтов, диалог разных групп дагестанского общества и осуждали терроризм.

Сравнительно малое число салафитов в списках политзаключённых *Правозащитного центра «Мемориал»* объясняется несколькими причинами. Во-первых, большая часть несправедливо преследуемых приверженцев этого направления ислама обвиняется в совершении преступлений террористического характера, что делает значительно более сложным принятие решения о признании человека политзаключённым из-за исключительной сложности дел такой категории и их особой чувствительности для общества. Во-вторых, в значительной мере преследование салафитов ведётся с использованием внеправовых механизмов, в первую очередь в Чечне, но также и в Дагестане, где сотрудниками программы «Горячие точки» ПЦ «Мемориал» с начала 2000-х годов были отмечены многочисленные случаи исчезновений и внесудебных казней представителей «нетрадиционного ислама», зачастую не имеющих отношения к террористическому подполью. В-третьих, многие мусульмане, де-факто придерживающиеся салафитских взглядов, не заявляют о них публично, называя себя просто мусульманами-суннитами (что не мешает спецслужбам их преследовать именно как салафитов), что делает крайне сложным вычленение репрессий против этой группы из общего потока репрессий против мусульман,

особенно когда они идут в отношении представителей иных организаций, в ряды которых вступают в т.ч. и салафиты (например, это касается запрещённой «Хизб ут-Тахрир аль Ислами»).

Представители традиционного ислама и исламского духовенства

В ряде случаев преследованию подвергаются представители традиционных для России форм суннитского ислама и организованного исламского духовенства. Сайт «Голос Ислама» в 2017 году приводил информацию об уголовном преследовании как минимум 6 имамов, в т.ч. не являющихся салафитами.

К самым ярким примерам такого преследования относится уголовное дело в отношении имама московской мечети «Ярдям» **Махмуда Велитова**. Он был безосновательно обвинён в оправдании терроризма в связи с произнесением им заупокойной молитвы об убитом в Дагестане предполагаемом члене «Хизб ут-Тахрир» **Абдулле Гаппаеве**. Несмотря на абсурдность обвинения и отсутствия даже намёков на призывы к насилию, пожилого имама осудили к 3 годам колонии общего режима, которые он полностью отбыл, освободившись в сентябре 2019 года.

В некоторых случаях поводом к возбуждению уголовных дел в отношении мусульман является исключительно факт их принадлежности к исторически немусульманским народам. Последовательная маргинализация «русских мусульман» (при использовании данного термина мы должны оговориться, что среди них есть представители и других этнических групп) проявляется как в давлении на их объединения и организации, фактически запрещённые в России, так и в создании их образа, оправдывающего низовые репрессии. Русских мусульман как группу безосновательно обвиняют в массовой склонности к терроризму и экстремизму. В их отношении власти, многие годы распространяющие бытовую исламофобию с целью создания образа врага, и поддерживающие их СМИ и «эксперты» не соблюдают даже те нормы политкорректности, которые характерны при описании иных мусульманских групп. В типичной статье на сайте государственного *РИА «Новости»*, к примеру, можно прочитать о том, что якобы 2/3 русских мусульман придерживаются экстремистских взглядов, что эта группа поддерживает антироссийские силы на территории СНГ, что среди них много террористов и экстремистов и т.д.

Случайные жертвы исламофобии

Часть преследуемых мусульман стала случайной жертвой «войны с террором», требующей раскрытия всё новых террористических ячеек. В большинстве случаев *Правозащитный центр «Мемориал»* не может однозначно судить о виновности или невинности преследуемых по такого рода делам из-за неполноты

информации и невозможности полноценного анализа всех материалов дела, но как минимум в одном случае мы зафиксировали массовые нарушения – это дело 15 мусульман, задержанных в Москве в 2013 году и обвинённых в подготовке террористического акта в кинотеатре «*Киргизия*». Мы можем с уверенностью утверждать, что большая часть обвиняемых не знала друг друга, и что единственным связующим звеном между ними было то, что все эти люди в момент задержания находились в мусульманском хостеле на востоке Москвы. С нашей точки зрения, есть все основания считать, что такого рода необоснованное преследование мусульман по террористическим обвинениям является массовым явлением.

Немусульманские жертвы религиозных гонений

Свидетели Иеговы

До 2017 года уголовным преследованиям за исповедование той или иной религии подвергались практически исключительно мусульмане. Редким исключением были попытки возбуждения уголовных дел об организации экстремистских сообществ в отношении верующих *свидетелей Иеговы*. В 2017 и особенно в 2018 году, однако, ситуация резко поменялась, и представители данной религии заняли твёрдое второе место по числу политзаключённых после сторонников запрещённой «*Хизб ут-Тахрир аль-Ислами*».

По данным ПЦ «Мемориал», на конец октября 2019 года не менее 33 *свидетелей Иеговы* находились под стражей или в исправительных учреждениях, а не менее 28 – под домашним арестом. Помимо этого, нам было известно как минимум о 145 *свидетелях Иеговы*, в отношении которых были избраны иные меры пресечения или отбывавших наказание, не связанное с лишением свободы.

Все эти люди отнесены нами к числу политзаключённых, поскольку обвинения, предъявленные лишь на основании того, что те или иные люди, будучи верующими *свидетелями Иеговы*, принимали участие в обрядах и собраниях или распространяли материалы этой конфессии, являются дискриминационными и нарушают международные правовые нормы, в частности, право на свободу вероисповедания. Наиболее распространённое обвинение по **ст. 282.2 УК РФ** прямо сводится к тому, что верующий был членом организованной религиозной группы и является безусловно неправомерным. Обвинение *свидетелей Иеговы* по **ст. 282** и **282.3 УК РФ** аналогичным образом являются дискриминационными, потому что они криминализируют законную деятельность верующих: распространение религиозных материалов и финансирование их общин соответственно.

Сторонники Церкви Саентологии

Пятеро управленцев Церкви Саентологии Санкт-Петербурга обвиняются ФСБ в унижении достоинства нескольких прихожан (**п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ**), создании экстремистского сообщества (**ч. 1 ст. 282.1 УК РФ**) и незаконном предпринимательстве (**п. «а» и «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ**). Они подвергаются уголовному преследованию с июня 2017 года. С нашей точки зрения, они стали жертвами дискриминации вследствие своего вероисповедания, а их уголовное преследование является безусловно незаконным. На момент подготовки доклада данное уголовное дело является единственным, в рамках которого проходят последователи этого вероучения, однако мы опасаемся, что оно может стать прецедентным и положить начало репрессиям в отношении ещё одной религиозной группы.

Ранее, в 2011 году, *Щелковский городской суд* признал экстремистскими семь трудов основателя саентологии *Рона Хаббарда*. Решение, базирующееся на утверждении, что саентологи хотят разрушить все социальные группы, кроме своей, не выглядит убедительным. Суд счел, что цель саентологов – формирование «правильной» социальной группы в противовес всем остальным и расширение своей до пределов всего мира.

Прочие жертвы религиозных гонений

В условиях усиления гонений на инакомыслящих, в т.ч. в религиозной сфере, последовательно ухудшается положение и иных религиозных групп. Наиболее значимыми примерами гонений на представителей не перечисленных выше религиозных групп представляется уголовное дело, возбуждённое в отношении сторонников буддистского движения *«Алеф»*, рассматриваемого как ответвление от признанной в России террористической организации *«Аум Сенрикё»*, осудившее насилие, к которому прибегали члены материнской организации. Несмотря на отсутствие каких-либо террористических проявлений с их стороны и, как представляется, общую утрату интереса к политике, они были названы участниками террористического сообщества, объявлены в розыск и заочно арестованы по, очевидно, ведомственным мотивам сотрудников ФСБ, нашедших лёгкий способ раскрыть действительность очередной террористической организации.

Помимо религиозных преследований в уголовном порядке известно и о многих других формах преследования религиозных общин в России. Например, в рамках «пакета Яровой» в регионах имеются случаи возбуждения административных дел в отношении представителей протестантских церквей. Проблемы с возможностью отправления религиозных обрядов, случается, испытывают также иудеи (например, в городе Сочи) и неоязычники (стоит отметить ситуацию в Ставропольском крае), но в последнем случае вероятным мотивом являются

предполагаемые связи части из них с украинскими националистами и негативное отношение к военному конфликту на Востоке Украины, а не богословские особенности исповедуемого ими религиозного течения. Разного рода ограничениям и репрессивным воздействиям подвергаются и представители многих других религиозных групп, рассматриваемых властью как «не традиционные» для России.

2.3. Группы, преследование которых перестало носить массовый характер.

Некоторые группы, активно преследовавшиеся в 2000-х годах, перестали быть объектом широкомасштабного политического преследования в 2010-х. Примером таких групп являются фигуранты «дела ЮКОСа» и этнические чеченцы, которых активно преследовали во время разгрома компании ЮКОС и активной стадии боевых действий в Чечне соответственно. В первом случае, впрочем, даже ликвидация *НК ЮКОС* и освобождение большей части фигурантов (кроме **Алексея Пичугина**, осуждённого пожизненно) не означали, что методы действующей власти в отношении **Михаила Ходорковского**, его структур, партнеров и сотрудников принципиально изменились. Сам **Ходорковский** и его бывший деловой партнёр **Леонид Невзлин** находятся в международном розыске по обвинению в организации заказных убийств,

Что касается чеченцев, то, к сожалению, прекращение фабрикации уголовных дел «чеченских террористов» после 2007 года не означало, что ситуация с правами человека в Чечне и в России в целом улучшилась. Скорее, с нашей точки зрения, имели место два параллельно идущих процесса: 1) так называемой «стабилизации» на территории республики, по сути означавшей передачу всей полноты власти **Рамзану Кадырову** и подконтрольным ему силовым структурам; 2) завершение трансформации террористического подполья, в ходе борьбы с которым имели место массовые нарушения прав человека, в связи с тем, что оно окончательно перестало носить характер националистического/сепаратистского и стало общекавказским-джихадистским. В этих условиях новым объектом незаконных преследований, в ходе которых раскрывались мнимые террористические заговоры, стали все мусульмане в целом (включая этнических чеченцев), особенно, но не исключительно, салафиты.

Стоит упомянуть и ситуацию с преследованием сторонников **Эдуарда Лимонова**, состоящих в партии «*Другая Россия*». Их преследование, практически прекратившееся после 2012-го и 2014-го годов, когда во время т.н. «Русской весны»

«Другая Россия» безусловно поддержала политику российских властей в отношении Украины, в последние годы имело лишь редкие рецидивы. К сожалению, из-за отказа представителей партии от помощи со стороны «Мемориала» после признания «Мемориалом» политзаключённой украинской военнопленной **Надежды Савченко**, мы не обладаем доступом к материалам уголовных дел в отношении сторонников *Лимонова* и можем судить о них только из сообщений СМИ.

2.4. Объект преследования с точки зрения интерсекционального анализа.

Вышеописанная относительно стройная классификация, однако, лишь очень приблизительно позволяет отделять разные группы политзаключённых друг от друга. Это связано с тем, что часто жертвы политических преследований имеют несколько социальных ролей и/или идентичностей, в т.ч. таких, которые в российских условиях повышают шансы стать жертвой уголовного преследования или системной дискриминации. В этих условиях представляется важным хотя бы кратко перечислить наиболее уязвимые группы и примеры влияния социально-демографического статуса подозреваемых и обвиняемых на их положение после возбуждения уголовного дела.

Множественность признаков объекта преследования

Примером групп, имеющих несколько идентичностей, которые сами по себе делают вероятным преследование, но сочетание которых тем более повышает риск преследования, как показывает практика, являются как минимум следующие:

- обвиняемые по делам о реальном или мнимом участии в деятельности «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» крымские татары, преследуемые и по линии «Хизб ут-Тахрир», и из-за принадлежности к практически единственной группе населения Крыма, активно выступавшей против присоединения его к России в 2014 году;
- журналисты и публицисты, участвующие в деятельности оппозиционных организаций и активистских групп;
- участники русского националистического движения, выступавшие с антивоенных или, тем более, с проукраинских позиций во время активной фазы конфликта России и Украины в 2014–2015 годах. Насколько можно судить, силовые структуры особенно нетерпимо относятся к проявлению

солидарности с Украиной именно со стороны лиц с националистическими взглядами, что, возможно, связано с официальными заявлениями об особой роли запрещённого в России «Правого сектора» на киевском «Майдане» и в конфликте на Донбассе.

2.5. Религиозные и этнические группы, непропорционально подвергающиеся политическому преследованию

Некоторые группы населения России и территорий, фактически контролируемых её властями, подвергаются значительно более жёсткому преследованию со стороны силовых структур, чем другие. В результате этого они составляют непропорционально большую часть списка политзаключённых. К числу этих групп относятся:

- *свидетели Иеговы*, составляющие около 0,1% населения России, что не мешает списку политзаключённых «Мемориала» состоять приблизительно на 15% именно из них;
- мусульмане, как преследуемые по религиозным причинам, так и по чисто политическим. К последним, в частности, относятся участники ингушского, татарского и башкирского национально-демократического движения, исповедующие ислам, но преследуемые исключительно из-за их оппозиционных взглядов;
- представители крымскотатарского меньшинства, преследуемые как по обвинению в членстве в запрещённых в России, но разрешённых в Украине исламских группах, так и по несвязанным с религией обвинениям.

Как можно заметить, представители третьей выделяемой нами группы полностью входят во вторую, что в очередной раз подтверждает высокую степень пересечений идентичностей политзаключённых.

2.6. Региональный разрез преследования

В 2018 и 2019 годах политические репрессии точно продолжались по всей территории России, концентрируясь в регионах повышенной протестной активности, таких, как Москва, Ингушетия, Архангельская и Свердловская область, Санкт-Петербург.

По состоянию на 1 октября 2019 года стабильно тяжёлой продолжала оставаться ситуация в Крыму: усилились репрессии в отношении представителей крымскотатарского меньшинства, обвиняемых в участии в запрещённой «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Помимо Крыма, большая часть преследуемых по этим обвинениям проживала в двух республиках Поволжья с преобладанием этнических групп, традиционно исповедующих ислам, Татарстане (71 фигурант уголовных дел об участии в «Хизб ут-Тахрир») и Башкортостане (66). Значимое количество преследуемых, принадлежащих к этой группе, в Москве (32), Санкт-Петербурге (19), Челябинской области (20) и Дагестане (11). В остальных регионах число преследуемых было незначительно в связи с единичным характером уголовных дел об участии в «Хизб ут-Тахрир».

Мы также не можем не упомянуть про особо сложную ситуацию с правами человека вообще и с политическими репрессиями в частности в регионах Северного Кавказа и Юга России, особенно в Чеченской Республике. Близость к зонам многолетних военных конфликтов, распространённость неформальных социально-экономических отношений, высокая роль силовых структур и, возможно, иные факторы привели к тому, что на этих территориях сформировалась правовая культура, являющаяся репрессивной даже по общероссийским меркам. Для этой «южнороссийской» правовой культуры характерным является более низкий порог терпимости к критике в отношении власти, выход за который влечет за собой репрессивную реакцию силовиков, активное применение подбросов наркотиков оппонентам власти, уникальные репрессивные конструкции: «покушение на организацию массовых беспорядков» в ростовском деле **Яна Сидорова** и **Владислава Мордасова**, многочисленные дела о «шпионаже» и «измене Родине» в отношении обычных жителей Сочи, наиболее активное применение **ст. 284.1 УК РФ** по сравнению со всеми другими регионами России.

При этом сочетание произвола силовых структур с реальным наличием вооруженного подполья и сторонников различных террористических организаций, исключительно затрудненный доступ к информации об обстоятельствах уголовных дел и массовость преследований делают практически невозможным для нас полноценный анализ большинства уголовных дел, потенциально имеющих признаки незаконности и политической мотивации, в Чечне, Дагестане

и некоторых других регионах Северного Кавказа. Слабая представленность случаев уголовного преследования, осуществляемого в этих регионах, в списках политзаключенных совсем не означает меньшего уровня политических репрессий, а лишь отражает объективно обусловленную неполноту этих списков.

2.7. Социальный статус жертв политических репрессий

Анализ списков преследуемых не позволил нам сделать безусловный вывод о социальном составе российских политзаключённых и том, является ли он репрезентативным для российского общества в целом. Повышенный процент лиц рабочих профессий среди участников запрещённых *«Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»*, *«Артподготовки»* и *свидетелей Иеговы*, с нашей точки зрения, не вызван какими-либо предрассудками представителей силовых структур или их желанием найти более «лёгкие» цели, как это бывает в случае преследования лиц, обвиняемых в совершении уголовных преступлений.

В то же время у нас есть основания говорить о наличии как минимум одной группы, имеющей более высокий риск стать жертвой политически мотивированного преследования именно из-за своего низкого социально-экономического статуса. Речь идёт о трудовых мигрантах-мусульманах, которые являются удобной целью для фабрикации уголовных дел террористического характера. *«Мемориал»* пока не располагает полноценной статистикой, которая позволила бы с уверенностью говорить о распространённости этого феномена, но дела о теракте в метро Санкт-Петербурга, о якобы подготовке теракта в кинотеатре «Киргизия» в Москве и некоторые другие выявили тенденцию привлечения случайных обитателей общежитий для трудовых мигрантов и т.п. к уголовной ответственности за терроризм и включения их в состав якобы существовавших террористических ячеек.

При этом вышеупомянутое преобладание лиц рабочих профессий среди ряда групп российских политзаключённых, резко повышенный процент этнических и религиозных меньшинств среди них, отсутствие у них достаточных связей с представителями юридического сообщества, с журналистами и сотрудниками НКО в ряде случаев крайне усложняет их защиту.

Так, широко распространённые в России кавказо-, мигранто- и исламофобия негативно отражаются на степени общественного внимания, проявляемого в отношении жертв политического преследования из числа этнорелигиозных меньшинств. Аналогичным образом практически полное отсутствие представителей *свидетелей Иеговы*, связанное с особенностью их религиозной доктрины, в нерелигиозных СМИ, в органах власти, в крупном бизнесе, в некоммерческих организациях, сделало их идеальным объектом религиозных гонений среди всех других «нетрадиционных религий» и «сект» неисламской направленности.

Иными словами, отсутствие адекватной репрезентации ряда социальных групп в средствах массовой информации и в общественном восприятии ведёт к тому, что репрессии в отношении них приобретают всё более массовый характер, тогда как общественная поддержка политзаключённых концентрируется на более близких и «понятных» жителям крупных городов участниках оппозиционных митингов и гражданах Украины.

В то же время, нам известно и явное нивелирование высокого социального статуса лиц, преследуемых по политически мотивированным, а не «обычным» делам. Это можно наблюдать на примере уголовных дел **Михаила Ходорковского** и **Платона Лебедева, Евгения Урлашова** и других представителей экономической и политической элиты. В большой степени это зависит от инициатора преследования, которым с 2015 года всё чаще становится ФСБ, осуществляющая оперативное сопровождение по сути всех громких уголовных дел в отношении министров, депутатов, членов *Совета Федерации РФ*, губернаторов и мэров. Наличие статуса, привилегий и социальных связей в этом случае перестаёт быть значимым не только в вопросе назначения сроков, но и в невозможности регулярных свиданий с адвокатами из-за того, что их содержат в курируемом *ФСБ СИЗО «Лефортово»*, известном недостаточным количеством кабинетов для свидания адвокатов со своими подзащитными. Т.н. «статусные» подследственные лишены и возможности пользоваться горячей водой, и предоставляемыми в других СИЗО бытовыми удобствами, и даже имеющейся, насколько известно, во всех остальных московских СИЗО нелегальной мобильной связью.

2.8. Гендерный дисбаланс.

Важной и практически не меняющейся за многие годы мониторинга политических преследований, ведущегося «Мемориалом», характеристикой их является гендерный дисбаланс. Процент женщин, в делах которых можно обнаружить политический мотив, является незначительным по сравнению с процентом мужчин, что связано, очевидно, с культурными установками сотрудников правоохранительных органов и судов, считающих женщин из потенциально нелояльных категорий менее опасными, а также с тем, что данные случаи преследования в среднем вызывают гораздо больший общественный резонанс. Ярким примером этого является кампания по освобождению **Анны Павликовой** и **Марии Дубовик**, проходящих по делу «Нового Величия», результатом которой стало их освобождение из СИЗО под домашний арест.

Ранее достаточно большое количество женщин проходило по шпионским делам, связанным с якобы сотрудничеством жительниц города Сочи с грузинской разведкой перед Пятидневной войной 2008 года, а также с делами в отношении сторонников **Эдуарда Лимонова**. Процент женщин, преследуемых по всем остальным видам дел, никогда не превышал 5%.

Крупной группой преследуемых, которая в 2018–2019 годах давала значимое количество женщин, признаваемых «Мемориалом» политзаключёнными, являются запрещённые в России *свидетели Иеговы*.

Помимо женщин, исповедующих религию *свидетелей Иеговы* или обвиняемых по делу «Нового Величия», в 2018 году в России, по нашим данным, имелась только одна женщина-политзаключённая – осуждённая к 11 годам лишения свободы по сфабрикованному делу о подготовке теракта в кинотеатре «Киргизия» **Матлюба Насимова**. В 2019 году к ним прибавились находящаяся под домашним арестом участница «Открытой России» **Анастасия Шевченко** и помещённая в СИЗО ингушская оппозиционерка **Зарифа Саутиева**, что может говорить об опасной тенденции роста числа политзаключённых активисток.

3. Статьи Уголовного Кодекса РФ в политических репрессиях.

В данной главе будет показано, какие уголовные статьи в 2018–2019 годах использовались в преследованиях по политическим мотивам, какие особенности преследований связаны с определёнными статьями. Применяемые государством для целей политических репрессий уголовные статьи, приведенные ниже, охватывают спектр от чисто политических, единственная функция которых наказывать за мирную реализацию прав, до общеуголовных.

3.1. Статьи, карающие исключительно за реализацию права на свободу собраний и ассоциаций.

В 2019 году впервые начала применяться **ст. 284.1 УК РФ** (*Осуществление деятельности нежелательной организации на территории Российской Федерации*). Эта статья появилась ещё в 2015 году. Она наказывает за руководство нежелательной организацией или за третий в течение года факт участия в деятельности таковой. Первые два факта участия считаются административными правонарушениями и караются по **ст. 20.33 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации** (КоАП). В свою очередь, нежелательной может быть признана иностранная или международная неправительственная организация, решение принимается *Генеральной прокуратурой РФ* во внесудебном порядке.

Административная **ст. 20.33 КоАП** предполагает для частных лиц наказание в виде штрафа от 5 до 15 тыс. руб., а вот уголовная **ст. 284.1 УК РФ** относит деяние к категории тяжких – до 6 лет колонии.

В списке нежелательных в конце 2019 года было 19 организаций, среди них фонды, исследовательские учреждения, общественные объединения. В апреле 2017 года *Генпрокуратура РФ* внесла в список две британские организации: *Open Russia Civic Movement* и *OR (Otkrytaya Rossia)*. Эти организации созданы

Михаилом Ходорковским, бывшим российским олигархом, а затем политзаключённым, отсидевшим в местах лишения свободы десять лет и в 2013 году помилованным *Владимиром Путиным*.

В России, в свою очередь, **Ходорковский** и другие граждане создали в ноябре 2016 года общественное сетевое движение «Открытая Россия». Представитель Генпрокуратуры *Александр Куренной* заверял СМИ, что признание британских НКО «нежелательными» не отразится на работе российского движения («*Наши инициативы касаются исключительно обществ, зарегистрированных в Британии*», – подчёркивал он).

Тем не менее, в 2018 году участников российской «Открытки» стали активно привлекать к административной ответственности, а с начала 2019 года стартовала кампания по вменению им **ст. 284.1 УК РФ**. Первой её жертвой стала ростовская активистка **Анастасия Шевченко** – с 23 января 2019 года она находится под домашним арестом.

Шевченко обвиняется в том, что, будучи дважды привлечённой к административной ответственности (первый раз за участие в дебатах, второй раз – за организацию лекции), она осенью 2018 года выступила на собрании «Открытой России» в Ульяновске и вышла на митинг «Надоел», «основной целью которого являлась дискредитация органов исполнительной власти».

Обвинение по **ст. 284.1 УК РФ** за причастность к «Открытой России» в дальнейшем предъявили также **Яне Антоновой** (Краснодар) и **Максиму Верникову** (Екатеринбург). Они на данный момент не арестованы, над ними идут суды.

В 2019 году «реанимирована» **ст. 212.1 УК РФ** (Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования).

Статья была введена в УК РФ в 2014 году в контексте многолетней традиции задержаний и административных наказаний по **ст. 20.2 КоАП** за участие в демонстрациях, не согласованных с органами исполнительной власти. Участие в несогласованном мероприятии может привести к уголовному обвинению по **ст. 212.1 УК РФ**, если в течение последних полугода человек уже подвергался за это трём административным наказаниям. Уголовная статья предполагает до 5 лет колонии.

В 2015 году по **ст. 212.1 УК РФ** обвинили четырёх московских оппозиционных активистов. Во всех случаях имели место фальсификации доказательств, в частности одиночные пикеты, не требующие согласования, описывались полицией как массовые демонстрации, проводимые «в количестве примерно двух человек».

Дело в отношении **Марка Гальперина** не дошло до суда. **Владимир Ионов** и **Ирина Калмыкова** покинули Россию в период судебного разбирательства: первый получил политическое убежище на Украине, вторая – в Литве.

Наиболее суровому на тот момент преследованию подвергся **Ильдар Дадин**. Его приговорили к 3 годам колонии общего режима, в апелляции срок был сокращён до 2 лет и 6 месяцев. Осенью 2016 года он сообщил, что подвергался пыткам в ИК-7 Карелии.

В феврале 2017 года Конституционный суд РФ вынес постановление № 2-П о том, что «нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования лицом, ранее не менее трёх раз в течение ста восьмидесяти дней привлекавшимся к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьёй 20.2 КоАП Российской Федерации, не является само по себе достаточным основанием для привлечения к уголовной ответственности, которая может наступать только в случае, когда оно повлекло за собой причинение вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, иным конституционно охраняемым ценностям или содержало реальную угрозу причинения такового».

Вскоре **Верховный суд** оправдал **Дадина** по формальным основаниям: на момент возбуждения дела наказания за предшествующие административные правонарушения не вступили в законную силу. Часть общества восприняла это как сигнал, что **ст. 212.1 УК РФ** применяться больше не будет. Об этом говорила, например, политолог **Екатерина Шульман**:

*«**Дадин** был тем человеком, который сознательно пробовал на себе это законодательство. Благодаря ему и благодаря его защитникам, благодаря этой кампании эта статья, судя по всему, не будет больше применяться. Мы не улучшили наше законодательство, к сожалению, но мы фактически отменили одну из новых репрессивных статей».*

Однако вопреки ожиданиям и позиции **Конституционного суда** в 2019 году были возбуждены три новых дела по **ст. 212.1 УК РФ**. В сентябре 2019 года московского активиста **Константина Котова** осудили к 4 годам колонии общего режима. Его признали виновным в том, что он четырежды участвовал в акциях, не согласованных с исполнительной властью, и один раз призывал участвовать в такой акции. Суд согласился с обвинением в том, что действия **Котова** содержали реальную угрозу общественному порядку и конституционно охраняемым ценностям. Так, например, с точки зрения обвинения, **Котов** мешал гражданам

свободно перемещаться по Москве и осматривать достопримечательности. В действительности акции были мирными, малочисленными, и **Котов** никоим образом общественный порядок не нарушал.

Два других дела касаются «мусорных» протестов: к ответственности привлекли активистов, протестовавших против строительства мусорных полигонов неподалёку от места их проживания. В сентябре 2019 года архангелогородца **Андрея Боровикова** приговорили к 400 часам обязательных работ. Дело против жителя подмосковной Коломны **Вячеслава Егорова** ещё не дошло до суда, он находится под запретом определённых действий, с февраля по июль 2019 года содержался под домашним арестом.

3.2. Статьи, карающие за высказывания.

В российском УК не менее десятка статей, которые могут применяться для преследования за публичные высказывания. По нашим наблюдениям, в преследованиях по политическим мотивам чаще всего используются следующие статьи:

ст. 205.2 – Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма;

ст. 280 – Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности;

ст. 282 – Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства;

ст. 280.1 – Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации;

ч. 1 ст. 148 – Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих;

ст. 354.1 – Реабилитация нацизма.

В 2018 году произошла частичная декриминализация **ч. 1 ст. 282 УК РФ**. Если деяние, описываемое в данной части, совершено впервые за год, за него наступает административная ответственность по **ст. 20.3.1 КоАП** (для граждан

штраф до 20 тыс. руб., обязательные работы до 100 часов или административный арест до 15 суток). При повторном правонарушении в течение года грозит вменение уголовной статьи.

Декриминализации предшествовал общественный резонанс, который вызвали дела **Марии Мотузной** и других пользователей Интернета, публично сообщивших, что их преследуют за репосты шуточных картинок во «ВКонтакте». В июле 2018 года 23-летняя жительница Барнаула **Мария Мотузная** решила рассказать в *Twitter* о том, что её преследуют по **ч. 1 ст. 282** и **ч. 1 ст. 148 УК РФ**. К делу подключились журналисты и правозащитники, кроме того, аналогичные истории рассказали другие жители Барнаула – **Антон Ангел, Андрей Шашерин, Даниил Маркин**. Всем им была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде.

В октябре суд вернул дело **Мотузной** в прокуратуру. Через некоторое время она покинула Россию. После частичной декриминализации **ст. 282 УК РФ** все перечисленные выше дела были закрыты.

Декриминализация дала возможность нескольким осуждённым по **ст. 282 УК РФ** политзаключённым сократить срок наказания. Досрочно освобождён **Вадим Тюменцев**, отбыв чуть менее четырёх лет из назначенных пяти, на восемь месяцев сократили трёхлетний срок татарскому оппозиционеру **Данису Сафаргали**, на два месяца – публицисту **Борису Стомахину**.

С февраля 2019 года в России начала использоваться новая административная **ст. 20.3.1 КоАП. Информационно-аналитическому центру «Сова»** на 1 октября 2019 года было известно более 90 случаев её применения. Чаще всего людей, привлечённых по этой статье, подвергали штрафу, реже административному аресту и обязательным работам.

В то же время, в арсенале правоохранительных органов остаётся **ст. 280 УК РФ**, «близкородственная» **ст. 282 УК РФ**. Согласно определению экстремизма из федерального закона «*О противодействии экстремистской деятельности*», экстремизм – это в том числе и возбуждение розни, пропаганда превосходства, дискриминация по национальному, расовому, религиозному, социальному и другим признакам. После частичной декриминализации **ст. 282 УК РФ** правоохранительные органы вольны квалифицировать такие деяния как по **ст. 20.3.1 КоАП**, так и, если сочтут нужным, по **ст. 280 УК РФ**.

Определение «экстремистской деятельности» значительно более широко, оно включает также и «*изменение основ конституционного строя*», а по факту применяется к любым призывам сменить власть. В 2018 году московского оппозиционера **Марка Гальперина** осудили по **ч. 2 ст. 280 УК РФ** к двум годам

условно за видеоролики «*Мы приобретаем боевую готовность на улицах!*» и «*Мой ответ РЕН ТВ – Майдану быть!*». 4 декабря 2019 года *Реутовский городской суд* заменил условный срок на реальное лишение свободы сроком 1 год 6 месяцев с отбыванием в колонии-поселении, обосновав это решение административными правонарушениями, связанными с участием в публичных мероприятиях, якобы совершенными **Гальпериным**. Так же к полугодовому условному сроку в июне 2018 года приговорили и активиста «Яблока» из Тверской области **Владимира Егорова**: его пост о том, что надо «валить кремлёвскую крысу», расценили как призыв к убийству *Владимира Путина*, а значит к экстремизму. Юрист из Владивостока **Дмитрий Третьяков** в марте 2019 года также получил два года условно за перепост текста *Аркадия Бабченко*, посвящённого уличным протестам. До приговора **Третьяков** провёл год, а **Егоров** несколько месяцев в СИЗО, **Гальперин** до вынесения приговора, назначившего ему условный срок, содержался под домашним арестом, а после замены условного срока на реальный был взят под стражу.

Сравнительно редко используемая **ст. 280.1 УК РФ** в 2019 году снова появилась в мемориальском списке политзаключённых: в марте по ней был арестован участник башкирского национального движения **Айрат Дильмухаметов**, который ранее уже отбыл трёхлетний срок за «оправдание терроризма». На этот раз его преследуют за ролик, в котором он объявил себя кандидатом в президенты Башкирии и заявил о «намерении создать новую федерацию».

2018 и начало 2019 года стали периодом «расцвета» самой суровой из всех уголовных статей, карающих за высказывания – **ст. 205.2 УК РФ**. Во-первых, число приговоров, в которых эта статья была основной в обвинении, в 2018 году не только росло (как и в предыдущие пять лет), но и в итоге оказалось большим, чем число таких же приговоров по **ст. 280 УК РФ**. Во-вторых, всё чаще преследования по ней стали касаться политических активистов, журналистов, правозащитников.

В марте 2018 года в аннексированном Крыму по этой статье был арестован гражданский журналист **Нариман Мемедеевич**: его обвинили в освещении мероприятий «Хизб ут-Тахрир». В октябре 2019 года он был приговорён к 2,5 годам колонии-поселения. В мае фигурантом уголовного дела по **ст. 205.2 УК РФ** стал омский публицист и правозащитник **Виктор Корб**: поводом стала публикация последнего слова **Бориса Стомахина**, которое тот произнёс тремя годами ранее в рамках открытого судебного заседания. В дальнейшем **Корб** покинул Россию.

31 октября 2018 года в Архангельске 17-летний студент, анархист **Михаил Жлобицкий** взорвал себя в здании регионального управления ФСБ. Он погиб, трое сотрудников ФСБ были ранены. Перед взрывом **Жлобицкий** опубликовал

пост в *Telegram*, где объяснял свою мотивацию: «Т. к. ФСБ о**ло, фабрикует дела и пытается людей, я решился пойти на это». Эти трагические события стали отправной точкой для волны репрессий против людей, которые хоть сколько-нибудь позитивно отзывались о действиях *Жлобицкого*. В частности калининградского левого активиста **Вячеслава Лукичёва**, назвавшего *Жлобицкого* «настоящим героем», приговорили к штрафу 300 тыс. руб. До приговора он больше пяти месяцев отсидел в СИЗО. В феврале 2019 года у журналистки «Эха Москвы в Пскове» **Светланы Прокопьевой** прошёл обыск, она стала фигуранткой уголовного дела из-за эфира, в котором обсуждала самоподрыв *Жлобицкого*.

Следует отметить, что с середины 2016 года использование интернета является в рамках этой статьи отягчающим обстоятельством, протеррористические высказывания в интернете квалифицируются по **ч. 2**, предполагающей от 5 до 7 лет колонии. Суды не имеют права назначать по этой статье условный срок или срок ниже нижнего предела (кроме рассмотрения дел в особом порядке при полном признании вины). Единственная альтернатива – крупные штрафы, однако, в 80% случаев в 2018 году суды приговаривали по **ст. 205.2 УК РФ** к реальным срокам.

Ещё одним печальным трендом последних полутора-двух лет стало вменение **ст. 205.2 УК РФ** осуждённым к лишению свободы с целью продления срока. Это происходит как с политическими, так и с «обыкновенными» заключёнными. Известен ряд подобных дел с явными признаками фальсификации, основанных почти полностью на показаниях зависимых свидетелей (осуждённых).

Одним из наиболее вопиющих случаев стало дело петербуржца **Павла Зломнова**, который содержался под стражей по делу о торговле оружием. По его словам, дело сфабриковано, и оперативники выбивали у него показания под пытками. **Зломнов** рассказывал об этом членам ОНК. 30 января 2019 года в день истечения предельного срока содержания под стражей **Зломнову** добавили обвинение по **ч. 1 ст. 205.2 УК РФ**: по версии следствия, он в кругу других арестантов назвал *Жлобицкого* «настоящим героем народным». **Зломнова** вновь взяли под стражу, затем перевели под домашний арест. 2 сентября 2019 года стало известно, что он исчез из-под домашнего ареста.

Ранее три года к сроку добавили анархо-коммунисту **Илье Романову**, который отбывал наказание в мордовской ИК-22. Провокатор из числа других осуждённых предложил **Романову** пользоваться нелегальным телефоном, помог завести аккаунт в *Facebook*. Впоследствии в этом аккаунте оказался ролик «Приглашение на джихад» (сам **Романов** убеждённый атеист, не имеет никакого отношения к исламу).

3.3. Статьи об экстремистских и террористических объединениях.

Криминализация религиозных или политических групп лежит в основе наиболее масштабных репрессий в современной России. Если группа признана решением *Верховного суда РФ* экстремистской или террористической организацией, то причастность к ней карается **статьями 282.2 и 205.5 УК РФ** соответственно. Если такого решения нет, а тот факт, что данное объединение людей преследовало экстремистские и террористические цели, обосновывается в ходе следствия и суда, группу называют экстремистским или террористическим сообществом и причастность к ней карается по **статьям 282.1 и 205.4 УК РФ** соответственно.

В первом случае вступившее в силу решение о признании организации экстремистской или террористической существенно облегчает работу стороне обвинения. Требуется доказать лишь то, что обвиняемый имел отношение к организации. Доказывать, что обвиняемые совершали или планировали насильственные преступления, теракты, пропагандировали насилие, нет никакой необходимости, поскольку преступный характер группы будто бы уже доказан решением Верховного суда. Если же есть данные о конкретных преступлениях, совершённых членом организации, такие обвинения вменяют дополнительно. Сами по себе **статьи 282.2 и 205.5 УК РФ** карают, по сути, только «за бренд».

Одна из проблем заключается в том, что строгость наказания «за бренд» слишком высока (часто выше, чем за сами преступления, которые могла бы совершить группа). В первую очередь, это касается террористической **ст. 205.5 УК РФ**: участие в террористической организации (**ч. 2**) предполагает от 10 до 20 лет колонии, организация ячейки (**ч. 1**) карается сроками от 15 лет до пожизненного. По **ст. 282.2** участники (**ч. 2**) могут получить от 2 до 6 лет колонии, а организаторы (**ч. 1**) – от 6 до 10 лет.

Вторая проблема в том, что решение *Верховного суда*, запускающее преследования десятков людей, может быть необоснованным, однако, оспорить его фактически невозможно. *Правозащитный центр «Мемориал»*, в частности, считает необоснованным признание «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» террористической организацией, «Нурджулар», свидетелей Иеговы и «Правый сектор» – экстремистскими организациями.

«Лицом» политических репрессий по **ст. 205.5 УК РФ** были и остаются преследования за причастность к «Хизб ут-Тахрир». По состоянию на 1 октября 2019 года только с начала 2018 года российские власти задержали по таким делам более 50 человек. Из них в аннексированном Крыму с начала 2019 года задержаны 35 человек (это примерно 13% от всех известных нам людей, лишённых свободы российскими властями по обвинению в причастности к «Хизб ут-Тахрир»).

С начала 2018 года по октябрь 2019 года за причастность к «Хизб ут-Тахрир» по **ст. 205.5 УК РФ** осуждены как минимум 96 человек. В Уфе в 2018 году установлен «рекорд» наказания – **Ринат Нурлыгаянов** приговорён к 24 годам колонии строгого режима. Предыдущим «историческим максимумом» был срок в 19 лет и 2 месяца у **Асгата Хафизова** из Казани.

Ст. 282.2 УК РФ также стала одним из основных инструментов преследования «опальных» религиозных групп. В 2017 году Верховный суд РФ признал *свидетелей Иеговы* экстремистской организацией, тогда же стали возбуждаться первые дела в отношении «иеговистов» по **ст. 282.2 УК РФ** и был взят под стражу проживавший в Орле датчанин **Деннис Оле Кристенсен**. Репрессивная кампания против *свидетелей Иеговы* стала набирать обороты в апреле 2018 года. На 1 октября 2019 года по **ст. 282.2 УК РФ** преследуются более 200 человек по обвинению в причастности к этой религиозной организации. Более 30 человек находились на эту дату под стражей по таким обвинениям и не менее 28 человек под домашним арестом. В феврале 2019 года **Кристенсен** был приговорён к 6 годам колонии общего режима. В сентябре шесть *свидетелей Иеговы* были приговорены к срокам от 2 до 3,5 лет в колонии общего режима.

Другая религиозная группа, подвергшаяся репрессиям с использованием **ст. 282.2 УК РФ**, исламское проповедническое движение «Таблиги Джамаат», запрещённое в России в 2009 году. В 2018 году в Москве осудили восемь последователей этого движения на сроки от 4 до 6,5 лет общего режима. В начале 2019 года вынесен приговор по делу о крымской ячейке «Таблиги Джамаат»: **Ренат Сулейманов**, обвинённый в организации этой ячейки, получил 4 года общего режима, другие трое обвиняемых приговорены к условным срокам.

Наконец, статья об участии в экстремистской организации стала одним из инструментов антиукраинских репрессий. Это стало возможным вследствие того, что в 2014 году Верховный суд РФ признал украинскую националистическую организацию «Правый сектор» экстремистской и запретил её деятельность в России. В основу этого решения легло фейковое «обращение **Дмитрия Яроша** к **Доку Умарову**» и необоснованные, на момент вынесения решения,

не подтверждённые даже формально приговором, утверждения из обвинения по делу **Олега Сенцова**. По факту российские правоохранительные органы криминализуют участие в «*Правом секторе*» не только в России, но и на территории Украины.

В 2018 году было вынесено как минимум четыре приговора по **ч. 2 ст. 282.2 УК РФ** за участие в «*Правом секторе*». Украинцы **Николай Дадеу** и **Роман Терновский** временно проживали в России с семьёй, при этом ранее на Украине **Дадеу** был волонтером, поддерживал украинскую армию и добровольческие формирования, а **Терновский** активно участвовал в деятельности харьковского отделения «Правого сектора». **Дадеу** получил 1,5 года колонии-поселения и уже освобожден, **Терновского** приговорили к 2 годам и 3 месяцам общего режима, он также вышел на свободу в августе 2019 года.

Украинский военнослужащий **Александр Шумков** утверждает, что был вывезен в Россию недобровольно. Он принимал участие в «*Правом секторе*» с начала событий на киевском Майдане, был охранником **Дмитрия Яроша** и участвовал в АТО в составе добровольческого корпуса «Правого сектора», однако, эти события имели место до того, как российский **Верховный Суд** принял решение о запрете «*Правого Сектора*» в России. В дальнейшем **Шумков** заключил контракт с ВСУ и прекратил участие в организации. Он получил 4 года общего режима.

Ещё один приговор был вынесен в отношении россиянина **Дениса Бахолдина** – 3 года 6 месяцев общего режима. Его обвинили в том, что летом 2015 года он участвовал в АТО в составе разведбатальона добровольческого корпуса «*Правого сектора*». На данный момент **Бахолдин** освобожден по истечении срока.

Если критерии участия в террористической или экстремистской организации очень формальны, то критерии участия в террористическом или экстремистском сообществе, наоборот, размыты. Во многих случаях существование сообщества доказывается показаниями участников, в том числе, если обвиняемые в дальнейшем заявляют, что дали ложные показания под пытками или иным давлением. Есть и другие специфические моменты, связанные с вменением **статей 282.1 и 205.4 УК РФ**.

Во-первых, лицо, вступающее в сообщество, может и не знать, что оно экстремистское или террористическое – ведь соответствующего решения суда нет. Тем не менее, преступление по **ч. 2** соответствующих статей (участие в сообществе) считается оконченным с момента вступления, а по **ч. 1** (создание сообщества) с момента объединения хотя бы двух человек. Именно такое понимание содержится в **Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации** от 9 февраля 2012 года № 1 «**О некоторых вопросах судебной**

практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Во-вторых, как правило, все члены сообщества несут коллективную ответственность за любые действия, совершённые кем-то из сообщества. Это открывает большой простор для злоупотреблений: в сообщество могут быть объединены разные, едва знакомые между собой люди, тем не менее, ответственность за преступления будут нести все.

2018 год известен двумя резонансными политическими делами: о террористическом сообществе *«Сеть»* (ст. 205.4 УК РФ) в Пензе и Санкт-Петербурге и об экстремистском сообществе *«Новое величие»* (ст. 282.1 УК РФ) в Москве. В 2019 году стартовали судебные процессы по этим делам.

Аресты по делу *«Сети»* начались ещё в октябре-ноябре 2017 года. Тогда в Пензе задержали пять человек – **Дмитрия Пчелинцева, Илью Шакурского, Егора Зорина, Василия Куксова и Андрея Чернова**; в Санкт-Петербурге был задержан **Арман Сагынбаев**. В январе 2018 года в Санкт-Петербурге задержали **Игоря Шишкина, Виктора Филинкова и Юлия Бояршинова**, в июле в Москве – **Максима Иванкина и Михаила Кулькова**. По делу проходит также **Александра Аксёнова**, жена **Виктора Филинкова**, получившая политическое убежище в Финляндии.

Задержанные, в основном, анархисты и антифашисты, увлекавшиеся страйкболом (игровым видом спорта, в котором участники имитируют боевые действия и иные военизированные ситуации). Именно страйкбольные тренировки с использованием массогабаритных макетов оружия им вменяют как обучение методам насильственного захвата власти. Также следствие считает, что предполагаемые участники *«Сети»* обсуждали планы по свержению власти, когда наступит подходящий момент, именуемый в материалах дела *«часом X»*. В феврале 2020-го года семеро обвиняемых по пензенской части дела *«Сети»* были приговорены к лишению свободы на сроки от 6 до 18 лет.

В марте 2018 года в Москве задержали восемь мужчин и двух молодых девушек, одна из которых на момент задержания была несовершеннолетней. Их обвинили в создании экстремистского сообщества *«Новое величие»*. Вероятнее всего, в группу молодёжи, обсуждавшую политические проблемы, внедрился агент *«Руслан Д.»*, который активно способствовал тому, чтобы встречи стали системными, а объединение формализованным. Он же подготовил проект *«Устава»*, в котором было записано, что *«в случае народных восстаний»* группа примет в них участие.

[Рустам Рустамов](#) и [Павел Ребровский](#) заключили сделки со следствием, первый получил условное наказание, а второй – 2 года и 6 месяцев реального срока. В дальнейшем [Ребровский](#) отказался от сделки со следствием, приговор был отменён, дело повторно рассматривается судом. Под стражей в СИЗО сейчас находятся [Руслан Костыленков](#), [Пётр Карамзин](#), [Вячеслав Крюков](#) и [Дмитрий Полетаев](#), под домашним арестом – [Анна Павликова](#), [Мария Дубовик](#), [Максим Роцин](#), [Сергей Гаврилов](#).

Выбор, квалифицировать сообщество как экстремистское или как террористическое, бывает во многом произвольным. Так, в октябре 2017 года было признано экстремистским движение «[Артподготовка](#)» саратовского оппозиционера [Вячеслава Мальцева](#). [Мальцев](#) в течение долгого времени вёл одноимённый канал на *YouTube*, на котором утверждал, что 5 ноября 2017 года в России произойдёт революция. Сам он, опасаясь преследования, летом 2017 года уехал из страны, но продолжал призывать своих сторонников собраться в этот день в центре Москвы. Ни революции, ни массовых беспорядков, ни столкновений с полицией в этот день не произошло, однако, правоохранительные органы начали волну репрессий в связи с «революцией Мальцева».

Хотя Верховный суд РФ определил статус «[Артподготовки](#)» как экстремистской организации, многим сторонникам [Мальцева](#) вменяли и вменяют гораздо более жёсткое обвинение – в участии в террористическом сообществе. С [Сергея Озерова](#), [Олега Дмитриева](#) и [Олега Иванова](#), осуждённых в Москве в 2019 году, обвинение по **ст. 205.4 УК РФ** сняли, но только потому что прокурор сочла их сообщество слишком недолго просуществовавшим и недостаточно устойчивым. Другие московские сторонники «[Артподготовки](#)» – [Юрий Корный](#), [Андрей Толкачёв](#) и [Андрей Кептя](#) – по-прежнему обвиняются по этой статье.

В 2018 году было утяжелено обвинение и по делу «[Балтийского авангарда русского сопротивления \(БАРС\)](#)». Изначально жителей Калининградской области [Александра Оршуевича](#), [Александра Мамаева](#), [Игоря Иванова](#) и [Николая Сенцова](#) арестовали в связи с обвинением по **ст. 282.1 УК РФ**, однако, в октябре 2018 года им была вменена **ст. 205.4 УК РФ**. Так называемому «террористическому сообществу» инкриминировались эпизоды с нанесением надписей на стены, размещением в соцсети «[ВКонтакте](#)» изображений, расклейкой листовок и другие обвинения, вызывающие недоумение у любого человека, знакомого с понятием «терроризм». Впоследствии, весной 2020-го года, уже в суде, обвинение было вынуждено вернуться к первоначальной позиции.

3.4. Иные «террористические» статьи.

Для политических репрессий российские власти используют не только обвинения в причастности к террористическим группам или пропаганде терроризма. Политическим заключённым вменяют также собственно подготовку или реализацию терактов (**ст. 205 УК РФ**), а также различные формы содействия террористической деятельности (**ст. 205.1 УК РФ**).

Сергея Озерова, Олега Дмитриева и Олега Иванова, приехавших в Москву на поиски работы и заодно на «революцию *Мальцева*», осудили за приготовление к теракту. В квартире, где они снимали комнату, в ночь на 1 ноября прошёл обыск: на балконе были обнаружены бутылки с бензином. Из обстоятельств дела становится понятно, что, вероятнее всего, бутылки и бензин принёс в квартиру их четвёртый сосед *Вадим Майоров*, необъяснимым образом избежавший ареста. Даже если бы бутылки принадлежали фигурантам дела, и они бы готовились использовать коктейли Молотова на «революции», нет никаких оснований квалифицировать это как террористический акт: речь может идти о массовых беспорядках, хулиганстве, вандализме, поджоге и т.д. Обвинение даже не уточнило объект посягательства этих троих предполагаемых злоумышленников, но уверенно вменило подготовку именно к теракту. В январе 2019 года **Озеров** и **Дмитриев** получили по 8 лет, а **Иванов** – 7 лет колонии строгого режима.

14 июня 2019 года в Дагестане был задержан журналист независимой газеты «Черновик» **Абдулмумин Гаджиев**. Ему вменили финансирование терроризма (**ч. 4 ст. 205.1 УК РФ**) и участие в ИГИЛ (**ч. 2 ст. 205.5 УК РФ**). Следствие считает, что **Гаджиев** перечислял деньги на счета благотворительных фондов *Абу Умара Саситлинского* (*Исраил Ахмеднабиев*). Этого дагестанского проповедника следствие считает организатором финансирования террористов через благотворительные фонды под предлогом строительства мечетей и помощи малоимущим мусульманам. *Саситлинский* отвергает свою причастность к преступлению и скрывается за рубежом. По делу арестованы также глава благотворительного фонда «Ансар» **Абубакар Ризванов** и предприниматель **Кемал Тамбиев**. Последний заявил, что дал показания против **Гаджиева** под пытками.

3.5. Статьи о массовых беспорядках и насилии над представителями власти.

На протяжении многих лет власти в качестве инструмента уголовных репрессий против участников протестных демонстраций используют две статьи **УК РФ**:

ст. 318 – Применение насилия к представителю власти;

ст. 212 – Массовые беспорядки.

Как правило, обвинения по этим статьям имеют общие черты. Например:

- поводом для уголовного дела о насилии над представителем власти может стать любой физический контакт с сотрудником полиции;
- полицейскому не нужно подтверждающих документов о полученном повреждении, достаточно заявить об испытанной физической боли, показания потерпевшего сотрудника полиции и его коллег безоговорочно принимаются судом на веру;
- насилие со стороны полиции органами власти никогда не оценивается и не учитывается как контекст оборонительных действий со стороны демонстрантов, судами игнорируется и то, что в некоторых случаях обвиняемые пострадали гораздо сильнее, чем потерпевшие от их действий полицейские;
- при наличии политической воли единичные столкновения с полицией могут быть названы массовыми беспорядками.

Подмосковного предпринимателя **Дмитрия Борисова** в феврале 2018 года осудили к году колонии за то, что он рефлексивно дёргал ногой, когда его 26 марта 2017 года во время антикоррупционной демонстрации несли пятеро полицейских. Сочинский адвокат **Михаил Беньяш** сам не участвовал в демонстрациях, но защищал людей, которых привлекали к административной ответственности, и собирался это делать в том числе в Краснодаре 9 сентября 2018 года, когда по всей России проходили акции против повышения пенсионного возраста. Однако незадолго до начала митинга **Беньяш** был схвачен сотрудниками полиции в гражданской одежде и жестоко избит: у него диагностировали травматический отит и многочисленные ушибы, также было ретравмировано большое колено. Тем не менее, он стал обвиняемым в насилии над полицейскими, провёл под стражей полтора месяца и в октябре 2018 года был освобождён под залог. 11 ноября 2019 года **Михаил Беньяш** был приговорён к штрафу в размере 30 тысяч рублей.

«Революция Мальцева» стала поводом не только для обвинений в терроризме, но и по ставшим классическими для «митинговых» преследований статьям. К трём годам общего режима по **ст. 318 УК РФ** приговорили рабочего из Костромской области **Вячеслава Шатровского**, который 5 ноября 2017 года оказался на Пушкинской площади, где и была назначена «революция». После столкновения с полицейскими **Шатровский** получил открытую черепно-мозговую травму, но по этому факту дело возбуждено не было. По версии обвинения, сам **Шатровский** ударил полицейского **Павлова** по затылку и схватил за шею. **Павлову** диагностировали подозрение на лёгкое сотрясение мозга, которое в дальнейшем не подтвердилось, и ссадину на шее, при этом в деле есть признаки фальсификации медицинских документов **Павлова**.

Несколько участников событий «5.11.17» преследуются по **ч. 1 ст. 30 ч. 2 ст. 212 УК РФ** (Приготовление к участию в массовых беспорядках), **ч. 3 ст. 30 ч. 2 ст. 212 УК РФ** (Покушение на участие в массовых беспорядках) или **ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 212 УК РФ** (Покушение на организацию массовых беспорядков). Житель Красноярского края **Роман Марьян** получил 3 года и 2 месяца общего режима за то, что в конце октября 2017 года выехал в Москву на поезде, чтобы поучаствовать в «революции».

В покушении на массовые беспорядки обвинили также троих жителей Ростова-на-Дону и Ростовской области, двое из которых провели 5 ноября 2017 года мирный антиправительственный пикет. **Ян Сидоров** и **Владислав Мордасов** в октябре 2019 года были приговорены Ростовским областным судом к 6 годам 6 месяцам и 6 годам 7 месяцам колонии строгого режима соответственно. **Вячеслав Шамшин** получил наказание в виде 3 лет лишения свободы условно.

В 2019 году наиболее заметны были два репрессивных сюжета, связанных с применением **ст. 212** и **318 УК РФ** к участникам демонстраций: ингушское и московское дело.

26 марта 2019 года в столице республики Ингушетия Магасе проходил митинг, продолжавший кампанию протеста против передачи без учета мнения граждан части территории республики соседней Чечне, в котором принимало участие, по данным «Мемориала», около 20 000 человек. Митингующие требовали отставки главы, правительства и парламента Ингушетии, проведения прямых свободных выборов главы и парламента республики, недопущения изменений в местный закон о референдуме. Примерно 400 человек остались на месте проведения митинга после его окончания и объявили бессрочную акцию протеста. Утром 27 марта 2019 года начался силовой разгон протестующих.

В последующие дни было заведено больше двадцати уголовных дел против ингушских оппозиционеров по **ч. 2 ст. 318** (Применение к представителю власти насилия, опасного для жизни и здоровья). Следствие утверждает, что

«... участники несанкционированного митинга... применили в отношении них [полицейских] насилие, опасное для здоровья, нанеся сотрудникам правоохранительных органов удары руками и ногами по различным частям тела и конечностям, а также бросая в них камни, стулья, металлические турникеты и другие подручные предметы».

Следствие полагает, что насилие над полицией было организовано шестерыми лидерами ингушской оппозиции. Им вменили **ч. 3 ст. 33 ч. 2 ст. 318 УК РФ** (Организация применения к представителю власти насилия, опасного для жизни и здоровья). Все они находятся под стражей в СИЗО. Среди «рядовых» участников митинга под стражей по **ч. 2 ст. 318 УК РФ** в октябре 2019 года находилось не менее 21 человека.

В Москве летом 2019 года проходила серия демонстраций в связи с недопуском независимых кандидатов на выборы в Мосгордуму. 27 июля 2019 года полиция жёстко разогнала одну из таких демонстраций. Было задержано больше тысячи участников, десятки избиты. Мэр Москвы Сергей Собянин публично заявил, что оценивает произошедшие события как массовые беспорядки, заранее спланированные протестующими. 31 июля 2019 года начались аресты по делу. На последующих акциях полицейское насилие и задержания продолжились.

В сентябре пять человек были осуждены по **ч. 1 ст. 318, ч. 2 ст. 318** и **ч. 2 ст. 212 УК РФ**. Из них только актёр Павел Устинов получил условный срок в результате большого общественного резонанса, который приобрело его дело. Остальные получили от 2 до 3,5 лет общего режима. На 1 октября 2019 года ещё три человека находились под стражей и один под домашним арестом в ожидании суда по этим статьям.

Ч. 2 ст. 321 УК РФ (Применение насилия в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей) является во многом аналогом **ст. 318 УК РФ**, только применяемым в местах лишения свободы. Доказательства вины в ещё большей степени строятся на показаниях «потерпевших», сотрудников колоний и изоляторов, а у обвиняемого практически нет шансов доказать свою невиновность: нельзя найти альтернативное видео и, как правило, невозможно добиться, чтобы другие осуждённые (крайне зависимые от администрации) свидетельствовали в пользу защиты.

В 2018 году по этой статье осудили крымчанина проукраинских убеждений Владимира Балуха, уже ранее осуждённого по сфабрикованному делу о хранении оружия. Балуха обвинили в том, что он ударил локтем в живот начальника

Раздольненского ИВС капитана полиции *Валерия Ткаченко*, после чего зашел в камеру, взял флакон моющего средства и снова ударил его по правой руке. Защита утверждает, что *Ткаченко* первым напал на **Балуха**, регулярно оскорблял его и унижал по национальному признаку. По этому обвинению **Балух** получил 3 года общего режима, фактически к предыдущему приговору присоединили 1 год и 5 месяцев. В настоящее время **Балух** освобождён в рамках обмена заключёнными между Россией и Украиной.

3.6. Некоторые другие преступления против государственной власти.

В ряде случаев российские органы используют для политических преследований такие статьи, как **ст. 275 (Государственная измена)** и **ст. 276 (Шпионаж) УК РФ**. Эти статьи близки по своему смыслу, разница заключается в том, что первая используется против граждан России, вторая – против иностранцев.

Основная особенность таких дел – максимальная непрозрачность. В ряде случаев подсудимые утверждают, что не смогли даже узнать, в чём конкретно их обвиняют, потому что эта информация составляла государственную тайну. В этом заключается одна из причин низкой осведомлённости общества о таких делах. *Правозащитный центр «Мемориал»*, как правило, не может получить полную и объективную информацию по делам о госизмене и шпионаже, поэтому часто затрудняется в признании их фигурантов политическими заключёнными. Так, в 2018 году был вынесен приговор украинскому журналисту **Роману Сущенко**, которого ФСБ называет кадровым разведчиком Минобороны Украины. Мы не можем проанализировать выдвинутые против него обвинения, однако, предполагаем, что это преследование является политически мотивированным. **Сущенко** также был освобождён в сентябре 2019 года в результате обмена заключёнными между Россией и Украиной.

В 2018 году в аннексированном Крыму были вынесены приговоры по одному из дел о подготовке диверсии в августе 2016 года (**ч. 1 ст. 30 п. «а» ч. 2 ст. 281 УК РФ**): **Евгений Панов** получил 8 лет, **Андрей Захтей** – 6 лет и 6 месяцев колонии строгого режима. **Дмитрий Штыбликов**, **Владимир Дудка** и **Алексей Бессарабов** были обвинены в подготовке диверсии в ноябре 2016 года. **Штыбликов**, признавший вину, ещё в 2017 году получил 5 лет колонии, а **Дудка** и **Бессарабов**, настаивавшие на своей невинности, по 14 лет. Преследование по таким делам, как и по делам о подготовке терактов, характеризуется широкими возможностями для злоупотреблений со стороны

следствия: в основу доказательств ложатся подбросы оружия и выбитые пытками показания, это, как и в случае с обвинениями в госизмене, сопровождается значительной непрозрачностью дел.

Новым инструментом репрессий в отношении пленных украинских военных в 2018 году стала **ч. 3 ст. 322 УК РФ** (Незаконное пересечение Государственной границы РФ в составе организованной группы). Если раньше некоторым политзаключённым вменяли в качестве дополнительного обвинения **ч. 1** этой статьи (например, **Леониду Развозжаеву, Надежде Савченко**) и делалось это для маскировки факта насильственного вывоза людей в Россию, то в ноябре 2018 года в результате конфликта в Керченском проливе Россия захватила в плен 24 членов экипажей кораблей военно-морских сил Украины «Бердянск», «Никополь» и «Яны Капу», вменив им уголовное обвинение в групповом нарушении границы. Они также были отпущены в результате обмена.

3.7. Статьи о хранении наркотиков и оружия.

Преследование московского журналиста-расследователя «Медузы» **Ивана Голунова**, который в июне 2019 года провёл в неволе пять дней и был полностью освобождён со снятием всех обвинений, стало самой известной историей подброса наркотиков как минимум в последние несколько лет. Тем не менее, ряду активистов и журналистов повезло меньше, они стали жертвами политического преследования по антинаркотической **ст. 228 УК РФ** (Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества). В 2018-2019 годах таких случаев было несколько.

В январе 2018 года был арестован глава грозненского представительства «Мемориала» **Оюб Титиев**. Его обвинили в том, что он имел при себе чуть более 200 граммов марихуаны. Несмотря на общественное внимание к процессу и убедительные доказательства подброса, **Титиева** приговорили к 4 годам колонии. В июне 2019 года он был освобождён условно-досрочно. Арестованный в апреле 2018 года оппозиционер и предприниматель из Минеральных вод **Михаил Савостин** получил условный срок после того, как провёл в СИЗО больше года. По версии следствия, **Савостин**, когда сотрудники правоохранительных органов остановили его машину, выбросил пакет с марихуаной под колесо.

В январе 2019 года свободы были лишены супруги **Артём и Лия Милушкины** из Псковской области, оба – оппозиционные политические активисты. Их обвинили в хранении и продаже амфетамина. **Артём Милушкин** находится под стражей в СИЗО, **Лия** – под домашним арестом. Практически одновременно с делом **Голунова** в июне 2019 года стало известно о предположительном подбросе пакета с марихуаной черкесскому журналисту **Мартину Кочесоко**, он провёл под стражей больше двух недель, потом был переведён под домашний арест.

Особенность вменения этой статьи в том, что обвинённой персоне, как правило, сложно доказать, что имел место подброс. Человек может противопоставить полицейским рапортам только свой рассказ, и степень доверия общества будет зависеть от его/её репутации. Формально гарантией законности действий силовиков являются понятые (или представители общественности), но фактически либо ими бывают зависимые от властей люди, в некоторых случаях сопровождающие многие следственные действия (так называемые «профессиональные понятые»), либо их личные данные придумываются, а подписи фальсифицируются. Обвиняемые часто говорят о том, что их принуждают потрогать компрометирующую находку, чтобы в дальнейшем обнаружить на ней отпечатки пальцев или биологические следы.

Точно так же обстоит дело с группой статей о незаконном изготовлении и хранении оружия и взрывчатых веществ:

ст. 222 – Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов;

ст. 222.1 – Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств;

ст. 223 – Незаконное изготовление оружия;

ст. 223.1 – Незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконные изготовление, переделка или ремонт взрывных устройств.

В декабре 2018 года по **ч. 2 ст. 222** и **ч. 2 ст. 222.1 УК РФ** был арестован активист крымскотатарского национального движения **Эдем Бекиров**. Его обвинили в том, что он передал некому лицу сумку с 47 тротильными шашками массой 11,62 кг и 192 патронами к пистолету Макарова и дал указание поместить их в тайник. Якобы исполнитель выполнил указание, а после этого совершил явку с повинной. При этом данные о его личности засекречены. **Бекиров** освобождён в результате обмена заключёнными между Россией и Украиной.

Аспиранта МГУ **Азата Мифтахова**, задержанного 1 февраля 2019 года, подозревали в изготовлении взрывчатого вещества. Следствию не удалось взять его под стражу по этому делу, так как, по всей видимости, на момент принятия судом решения о мере пресечения доказательств по делу было явно недостаточно. Но и отпущен **Мифтахов** не был – ему вменили **ч. 2 ст. 213 УК РФ** (Хулиганство, совершённое группой лиц по предварительному сговору), обвинив в нападении на офис «Единой России» 31 января 2018 года: в тот день в офисе разбили окно и забросили туда дымовую шашку, при этом никто не пострадал.

Статьи об оружии часто вменяют дополнительно к основному обвинению, например, в подготовке теракта или диверсии. В частности, такие статьи вменяются уже упомянутым выше «севастопольским диверсантам», а некоторым фигурантам подобных дел (например, **Глебу Шаблю**, **Алексею Стогнию**) вменяют только оружие.

3.8. Статьи об экономических преступлениях.

Традиционно для политических преследований используются статьи о хищениях (**ст. 164 УК РФ**), растрате (**ст. 160 УК РФ**), вымогательстве (**ст. 163 УК РФ**), мошенничестве (**ст. 159 УК РФ**), легализации незаконно нажитого имущества (**ст. 174 УК РФ**) и пр. Такие статьи часто применяются против должностных лиц или предпринимателей.

Так, в июне 2018 года был взят под стражу глава Серпуховского муниципального района **Александр Шестун**. Его обвиняют в том, что в 2010 году он продал подконтрольной компании земельные участки, которые находились в муниципальной собственности, по сниженной цене. Вероятной причиной преследования стал конфликт с губернатором Московской области **Андреем Воробьёвым** из-за того, что **Шестун** с 2014 года сопротивлялся слиянию Серпуховского района в единый городской округ с городом Серпухов. Бывший председатель ТСЖ в подмосковном Реутове **Евгений Куракин** в июне 2019 года был повторно арестован по делу о мошенничестве. В 2014–2015 годах **Куракин** полтора года содержался в СИЗО, в 2017 году после беспрецедентно долгого рассмотрения **Реутовский городской суд** вернул дело в прокуратуру, однако, сейчас преследование возобновлено. **Куракина** обвиняют в том, что он закупал коммунальные услуги у управляющей компании «Велес», которая столкнулась с противодействием реутовской администрации, а не у других поставщиков. Есть все основания полагать, что в действительности уголовное дело связано с его общественной деятельностью по защите своих жилищных прав, и прав своих соседей.

В последние годы известны несколько случаев обвинения в вымогательстве журналистов и активистов, публикующих информацию о злоупотреблениях должностных лиц. В Калининграде редактор газеты «*Новые колёса*» **Игорь Рудников** провёл под стражей более полутора лет. Следствие считало, что **Рудников** вымогал \$50.000 за прекращение публикации порочащих сведений о главе Следственного Управления Следственного Комитета РФ по Калининградской области генерал-лейтенанта юстиции **Виктора Леденёва** («*Новые колёса*» опубликовали статьи, в которых содержалась информация, что генерал **Леденёв** якобы является фактическим собственником незадекларированной недвижимости стоимостью в 150–200 миллионов рублей). В июне 2019 года **Рудникова** освободили, переqualифицировав обвинение на **ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 330 УК РФ** (Покушение на самоуправство).

Вероятно, в похожей ситуации находится главный редактор интернет-издания «*Блог Сочи*» **Александр Валов**, содержащийся под стражей с января 2018 года. По версии обвинения, **Александр Валов** в 2016 году предлагал за 300 тысяч рублей удалить с сайта статью о захвате депутатом Госдумы от ЛДПР **Юрием Напсо** части общественного пляжа в Сочи и другую компрометирующую парламентария информацию и получил эти деньги. **Валов** также якобы требовал от **Напсо** ежемесячной платы за отсутствие критических материалов о нём в размере 20–30 тысяч рублей.

3.9. Статьи о физическом насилии и убийствах.

Необоснованные обвинения в убийстве (**ст. 105 УК РФ**) периодически применяются российскими властями как инструмент политических репрессий. Так, в заключении остаётся бывший сотрудник ЮКОСа **Алексей Пичугин**. За покушение на убийство осуждён украинец **Андрей Коломиец**, которому вменили лишь то, что он участвовал в киевском Майдане и кидал коктейли Молотова.

В 2018 – первой половине 2019 года мы не наблюдали случаев политического преследования по этой статье. Однако власти неожиданным образом использовали **ч. 1 ст. 119 УК РФ** (Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью). В мае 2019 года под домашний арест был помещён один из наиболее известных наблюдателей на выборах **Роман Удот**. Поводом стало то, что больше года назад он в сердцах сказал преследовавшим его журналистам **НТВ** **Александре Мирошниченко** и **Эдуарду Журавлёву**: «Я вас убью, я вас точно убью». Лишь через год выяснилось, что журналисты «восприняли угрозу реально», хотя ранее они не подавали заявлений по этому поводу. В ноябре 2019 года **Удот** был признан виновным и приговорен к обязательным работам.

4. Формы политических преследований.

В данной главе мы рассматриваем реализацию политически мотивированного уголовного преследования на всех его этапах и стадиях: от избрания меры пресечения обвиняемым до контроля над отбывшими наказание осуждёнными.

4.1. Меры пресечения.

Практически всем обвиняемым до суда, а также во время него и до обжалования приговора избирается какая-либо мера пресечения. В соответствии со **ст. 97 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (УПК РФ)** мера пресечения избирается, если есть достаточные основания полагать, что обвиняемый скроется от следствия, продолжит заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелям или уничтожить доказательства.

Существуют несколько видов мер пресечения, из которых чаще всего мы наблюдаем следующие:

- содержание под стражей;
- домашний арест;
- подписка о невыезде;
- запрет определённых действий.

Меры пресечения в виде содержания под стражей, домашнего ареста и запрета определённых действий на досудебных стадиях уголовного процесса избираются и продлеваются судом по ходатайству следствия. Суд должен рассмотреть, насколько мера пресечения обоснована. В реальности суды почти всегда становятся на сторону следствия. По данным Судебного департамента при *Верховном Суде РФ* в 2018 году суды удовлетворили порядка 90% ходатайств о взятии под стражу и порядка 88% ходатайств о домашнем аресте. Если же говорить о продлении этих мер пресечения, то показатель ещё выше: порядка 98% удовлетворённых ходатайств о продлении содержания под стражей и 95% удовлетворённых ходатайств о продлении домашнего ареста.

На 1 октября 2019 года под стражей до приговора находились 26 человек из общего списка политзаключённых и более 70 из списка преследуемых за религию. Ещё 6 человек из общего и 44 из религиозного списка ожидали рассмотрения судами их апелляционных жалоб на приговоры, находясь под стражей.

Об обоснованности и сроках содержания под стражей подробно рассказывается в главе 6.

Домашний арест применяется значительно реже. Под домашним арестом на 1 октября 2019 года находятся некоторые фигуранты дела «Нового величия» (**Анна Павликова, Мария Дубовик, Максим Роцин, Сергей Гаврилов**), обвиняемая в соучастии с «Открытой Россией» **Анастасия Шевченко**, обвиняемый в экстремизме студент ВШЭ **Егор Жуков**, фигурант дела о массовых беспорядках в Москве **Сергей Фомин**, более 30 обвиняемых в причастности к свидетелям Иеговы, трое петербургских саентологов. Ранее в 2019 году под домашним арестом содержались член совета движения «Голос» **Роман Удот** и коломенский экоактивист **Вячеслав Егоров**.

Домашний арест фактически применяется как более мягкий аналог содержания под стражей. По нашим наблюдениям, его, как правило, избирают вместо содержания в СИЗО либо при наличии определённых гуманитарных обстоятельств (пожилой возраст, серьёзные болезни и т.д.), либо в случае большого общественного резонанса дела, известности фигуранта или фигурантки. Однако ни то, ни другое не является гарантией, что суд не изберёт в качестве меры пресечения содержание под стражей.

Помимо запрета покидать дом, домашний арест может подразумевать запрет на общение с определёнными людьми (часто со свидетелями или другими фигурантами дела), на использование Интернета, на получение и отправку корреспонденции. В некоторых случаях суд разрешает ограниченные по времени прогулки. Формально некоторые ограничения под домашним арестом могут быть даже жёстче, чем в СИЗО: в СИЗО предусмотрены прогулки арестантов, можно получать и отправлять письма.

Если ранее один день домашнего ареста засчитывался в случае приговора к реальному сроку как один день в колонии, то с середины 2018 года два дня домашнего ареста равны только одному дню в колонии.

Среди мер пресечения, не связанных с лишением свободы, наиболее частой является подписка о невыезде.

В 2018 году в Уголовно-процессуальном кодексе появилась такая мера пресечения, как запрет определённых действий. В соответствии со **ст. 105.1 УПК РФ** суд может запретить выходить из дома в определённые периоды времени,

находиться в определённых местах, посещать определённые мероприятия, общаться с определёнными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и Интернет, управлять автомобилем и т.д.

Под запретом определённых действий с мая по сентябрь 2019 года находился архангелогородец **Андрей Боровиков**, обвиняемый в неоднократном нарушении правил проведения демонстраций. Ему было запрещено участвовать в массовых мероприятиях, общаться с организаторами митинга 7 апреля 2019 года против незаконной мусорной свалки в Шиесе, пользоваться средствами связи с целью организации массовых мероприятий. Другой известный случай применения данной меры пресечения – дело **Романа Удота**: ему было полностью запрещено пользоваться мобильной связью и Интернетом, а также покидать ночью квартиру. В этих двух случаях запрет определённых действий позволяет прекратить не устраивающую власти деятельность: участие в митингах и наблюдение на выборах соответственно.

Крайне редко в делах, которые мы наблюдаем, суды соглашаются на залог. Пример такой меры пресечения – сочинский адвокат **Михаил Беньяш**, обвинявшийся в нападении на полицейских. В октябре 2018 года его отпустили из-под стражи после масштабной общественной кампании под залог в 600 тысяч рублей.

4.2. Лишение свободы.

4.2.1 Режим исправительного учреждения

В России существует пять видов режимов исправительных учреждений: колония-поселение, общий, строгий, особый режимы и тюрьма. Женщинам могут быть назначены только первые два.

Из всех перечисленных режимов колония-поселение является наиболее мягким по условиям содержания. Осуждённые свободно перемещаются по территории колонии в дневное время, могут носить гражданскую одежду, иметь при себе деньги. Количество свиданий, посылок и передач на этом режиме не ограничено.

Осуждённые на общем и строгом режиме, а также осуждённые на особом режиме, кроме тех, кто приговорены к пожизненному лишению свободы, содержатся в общежитиях. Основная разница между этими режимами состоит

в количестве разрешённых свиданий, посылок, передач и лимите денег, которые может ежемесячно расходовать с личного счёта осуждённый. Осуждённые к пожизненному лишению свободы содержатся в камерах не более чем по два человека. В тюрьме людей содержат в запираемых общих камерах, ограничения по свиданиям, посылкам и деньгам при этом максимальные.

На 1 октября 2019 года в списке «Мемориала» не было политзаключённых, которые бы содержались в колонии-поселении. 2 октября 2019 года к 2,5 годам колонии-поселения был приговорён **Нариман Мемедеминов**, 4 декабря условный срок лишения свободы был заменен на реальные 1,5 года колонии-поселения **Марку Гальперину**. К лишению свободы в колонии общего режима на 01.10.2019 г. были приговорены 10 человек из включенных в основной список политзаключённых (из них шестеро ожидали апелляции) и 41 человек из списка осуждённых в связи со своими религиозными убеждениями (из них семеро ожидали апелляции). К строгому режиму на 1 октября 2019 года были приговорены 9 осуждённых из общего списка и 97 человек из «религиозного» списка (37 ожидали апелляции).

На особом режиме содержатся осуждённые к пожизненному заключению **Расул Кудаяев** и **Алексей Пичугин**. Также вторым приговором за участие в «Хизб ут-Тахрир» на особый режим со строгого переведён **Зикруллохон Рахмонходжаев**.

4.2.2 Закон о части срока в тюрьме

В декабре 2018 года был принят федеральный закон **№ 569-ФЗ**, согласно которому мужчинам, осуждённым к лишению свободы за большинство террористических преступлений (теракт, содействие и обучение террористической деятельности, организация деятельности террористической организации и участие в ней, организация террористического сообщества), а также за участие в незаконном вооружённом формировании, подготовку насильственного захвата власти, вооружённый мятеж и некоторые другие преступления, суд должен назначать как минимум год в тюрьме.

Под действие закона попадут люди, задержанные с начала 2019 года, в том числе, например, 24 фигуранта симферопольского дела «Хизб ут-Тахрир», если в их отношении будет вынесен обвинительный приговор. В целом данная норма коснётся большого количества людей, обвиняемых в терроризме, в том числе и по сфабрикованным делам.

Мужчинам, осуждённым за протеррористические высказывания, участие в террористическом сообществе и некоторые другие преступления, суд также может на своё усмотрение назначать часть срока в тюрьме.

4.2.3 Выбор колонии

Согласно **ст. 73 Уголовно-исполнительного кодекса РФ**, осуждённые к лишению свободы должны отбывать наказание в том регионе, где они проживали или были осуждены. Однако есть несколько оговорок, делающих на практике эту норму не обязательной к исполнению. Во-первых, если в регионе проживания осуждённого нет исправительного учреждения нужного типа или в таком учреждении нет свободных мест, осуждённого можно направить в другой регион, при этом закон не обязывает выбирать ближайшие регионы. В Москве, к примеру, до 2020 года не было ни одной исправительной колонии (с 1 января 2020 г. УФСИН по Москве была передана колония-поселение в Зеленограде), а женских колоний нет во многих российских регионах. Во-вторых, норма не действует для осуждённых по ряду статей УК, среди которых и те, что часто используются для политических преследований (статьи о терроризме, об экстремистских организациях и сообществах, о госизмене, мятеже, насильственном захвате власти и т.д.). Более того, поправки, внесённые в декабре 2018 года, предполагают, что даже если люди не обвиняются в террористических преступлениях, но «имеется информация», что они исповедуют или пропагандируют террористическую идеологию, они также могут быть направлены в абсолютно любой регион для отбывания наказания.

Отправка осуждённого в отдалённый регион может использоваться как дополнительное наказание, если человека увозят за несколько тысяч километров от семьи. Кроме того, ряд колоний находятся в районах Крайнего Севера, отличающихся суровым холодным климатом. Так, **Олег Сенцов** около полутора лет провёл в колонии Якутске и ещё столько же в Ямало-Ненецком автономном округе. Оба региона относятся к зоне вечной мерзлоты, а зимние температуры в них могут опускаться до -60°C .

4.2.4 Меры взыскания в колониях

Администрация колоний может злоупотреблять мерами взыскания в отношении неугодных, в том числе политических, заключённых. Наиболее часто применяются серийные водворения в штрафной изолятор (ШИЗО). ШИЗО может назначаться на срок до 15 суток, но неограниченное число раз.

«Осуждённым к лишению свободы, водворенным в штрафной изолятор, запрещаются свидания, телефонные разговоры, приобретение продуктов питания, получение посылок, передач и бандеролей. Они имеют право пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью один час»,

– говорится в **ч. 1 ст. 118 Уголовно-исполнительного кодекса**. В некоторых случаях осуждённых водворяют в ШИЗО под надуманным предлогом непосредственно перед свиданием.

По рассказам многих осуждённых, нары в ШИЗО в дневное время пристёгнуты к стене, лежать запрещено. Так, весной 2018 года украинца, осуждённого за события на Майдане, **Андрея Коломийца** в ИК-14 по Краснодарскому краю поместили в ШИЗО за то, что он спал на полу в ШИЗО:

«26 февраля посадили в ШИЗО за несоблюдение формы одежды на 10 суток, за сутки до выхода опять сфоткали, что он спит не по режиму (на полу), вышел 8 марта, и следом написали на него рапорт из-за сна. Сегодня его опять закрывают в ШИЗО на 10 суток»,

– писала его жена **Галина Коломиец** 9 марта 2018 года в **Фейсбуке**.

Изоляция может сопровождаться холодом, если помещение плохо отапливается, или голодом, если администрация намеренно использует криминальные понятия, чтобы вынудить осуждённых отказаться от еды, кроме хлеба и чая (еда подаётся на «неприемлемой» в криминальном мире посуде, которой пользуются только «опущенные» заключённые).

Строгие условия содержания (СУС), помещения камерного типа (ПКТ) и единые помещения камерного типа (ЕПКТ) – варианты наказаний для осуждённых. В СУС осуждённым ограничивают свободу перемещения по колонии, количество свиданий, посылок и передач в большей степени, чем осуждённым, содержащимся в обычных условиях. Вернуться в обычные условия можно не ранее, чем через полгода при отсутствии взысканий.

В ПКТ и ЕПКТ максимально жёстко лимитированы краткосрочные свидания и передачи, а долгосрочные свидания запрещены. Осуждённые не могут самостоятельно выходить из камер. Предполагается, что их водят на прогулку лишь на полтора часа в день.

Крымчанина **Владимира Балуха** помещали в ШИЗО пять раз с момента его доставления в ИК-4 Тверской области в конце марта 2019 года, после чего перевели на ПКТ, где он содержался до начала процедуры обмена. Украинский военнослужащий **Александр Шумков** поступил в ту же колонию, что и **Владимир Балух**, в апреле 2019 года и был помещён в ШИЗО дважды, а 14 мая переведён в ПКТ на полгода.

4.2.5 Ужесточение режима исправительного учреждения

В соответствии со ст. 78 Уголовно-исполнительного кодекса РФ в ходе отбывания наказания суд может изменить вид (режим) исправительного учреждения как в сторону смягчения для положительно характеризующихся осуждённых, так и в сторону ужесточения для злостных нарушителей порядка.

18 января 2018 года *Курганский городской суд* принял решение о переводе публициста **Алексея Кунгурова** из колонии-поселения в колонию общего режима. До этого его несколько раз подряд водворяли в ШИЗО. Другой публицист **Борис Стомахин** отбывал часть своего срока в самом жёстком из видов исправительных учреждений – в тюрьме, хотя изначально был приговорён к колонии строгого режима. В тюрьму его поместили ещё в 2017 году после многочисленных надуманных взысканий в колонии.

Изменений для политзаключённых вида исправительного учреждения в сторону смягчения мы в рассматриваемом периоде не наблюдали.

4.3. Наказания, не связанные с лишением свободы, и дополнительные наказания.

Приоритетом для Программы поддержки политзаключённых являются случаи политического преследования, сопряжённые именно с лишением свободы. Тем не менее, в поле нашего зрения попадают и альтернативные наказания, применяемые по политическим мотивам.

4.3.1 Условное осуждение

Условное лишение свободы – наиболее популярный вид альтернативного наказания. В 2018 году, согласно сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, примерно 26% всех осуждённых в России были приговорены к лишению свободы условно, тогда как реальный срок получили около 29% осуждённых. В течение назначенного судом испытательного срока, который может совпадать со сроком условного лишения свободы или отличаться от него, осуждённые находятся под контролем уголовно-исполнительной инспекции.

В 2018 году по 2 года условно было назначено оппозиционным активистам **Марку Гальперину** (как упомянуто выше, условное наказание позднее было заменено на реальное лишение свободы) и **Владимиру Егорову**. В 2019 году

блогер **Дмитрий Третьяков** получил 2 года условно, оппозиционный активист из Ставрополя **Михаил Савостин** – 3,5 года условно. В сентябре 2019 года **Павлу Устинову**, осуждённому в первой инстанции к реальному сроку за насилие над полицейским, заменили 3,5 года общего режима на 1 год условно.

4.3.2 Обязательные работы, штраф

Осуждённым могут быть назначены обязательные работы на безвозмездной основе. Они отбываются в свободное от основной работы время. В 2018 году такое наказание получили порядка 17% осуждённых. В 2018 году к 400 часам обязательных работ был приговорён поэт из Орловской области **Александр Бывшев**. В сентябре 2019 года 400 часов обязательных работ было назначено архангельскому эоактивисту **Андрею Боровикову**.

Штраф – ещё одна популярная мера наказания (в 2018 году назначена 13% осуждённых). В марте 2019 года к штрафу в размере 300 тыс. руб. был приговорён анархист из Калининграда **Вячеслав Лукичёв**.

Штраф также нередко применяется в качестве дополнительного вида наказания. Например, осуждённые по уфимскому делу 20-ти членов «Хизб ут-Тахрир», помимо огромных сроков лишения свободы, приговорены также к штрафам от 100 до 700 тыс. руб.

4.3.3 Запрет на определённые виды деятельности

Ряд преступлений предусматривают в качестве дополнительного наказания запрет занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью в течение определённого срока. Как правило, это касается экстремистских статей (публичные призывы к экстремизму, участие в экстремистских группах), а также статьи о протеррористических высказываниях в интернете.

В частности, такому наказанию подверглись трое осуждённых в 2018–2019 годах за публичные призывы к экстремизму. **Марк Гальперин** и **Дмитрий Третьяков** лишены права участия в общественных объединениях, **Владимиру Егорову** запрещено модерировать сайты.

4.3.4 Ограничение свободы

В соответствии со **ст. 53 УК РФ** ограничение свободы может быть как основным, так и дополнительным наказанием. Людям, к которым применено это наказание, запрещено менять место жительства без согласия специализированного госоргана, а также выезжать за пределы муниципального образования. Здесь следует отметить, что в небольших городах в одно муниципальное образование могут входить сам город и его пригороды, но в Москве и Санкт-Петербурге муниципальным образованием является внутригородской район, что крайне затрудняет исполнение наказания.

Суд также возлагает на осуждённого обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осуждёнными наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации. Осуждённому может быть запрещено уходить из дома в определённое время суток, посещать определённые места, посещать места проведения массовых и иных мероприятий и участвовать в них.

Ограничение свободы назначается только гражданам России.

В 2018 году к ограничению свободы как к основному наказанию были приговорены порядка 23 тыс. человек, а к ограничению свободы как к дополнительному наказанию чуть менее 9 тыс. человек.

Ограничение свободы как основное наказание назначается за преступления небольшой и средней тяжести. В 2019 году **Владиславу Кулешову**, осуждённому за призывы к массовым беспорядкам в интернете, было назначено ограничение свободы сроком на полтора года.

Ограничение свободы как дополнительное наказание чаще применяется к осуждённым за особо тяжкие преступления. Среди политзаключённых чаще всего его получают организаторы ячеек «Хизб ут-Тахрир», которых приговаривают по **ч. 1 ст. 205.5 УК РФ**. Ограничение свободы как дополнительное наказание обязательно и при некоторых других преступлениях, связанных с террористической деятельностью, насильственным захватом власти, созданием экстремистского сообщества или ячейки экстремистской организации и участием в них.

4.4. Наказание после наказания: административный надзор.

Административным надзором называют наблюдение органами внутренних дел за человеком, освободившимся из мест лишения свободы. Он регулируется федеральным законом **№ 64-ФЗ** от 6 апреля 2011 года.

Административный надзор устанавливается судом по заявлению исправительного учреждения. Общим требованием для всех поднадзорных является явка в органы внутренних дел от одного до четырёх раз в месяц (точное количество раз устанавливает суд). Кроме того, суд может наложить запреты на:

- пребывание в определённых местах;
- посещение массовых и иных мероприятий;
- пребывание вне дома в определённое (обычно ночное) время суток;
- выезд за пределы определённой территории.

Административный надзор устанавливается за людьми, отбывшими наказание за тяжкое или особо тяжкое преступление, при рецидиве преступлений и в некоторых других случаях, если во время отбывания наказания они были признаны злостными нарушителями порядка. Другое основание – человек после выхода из колонии с непогашенной судимостью совершает за год два или более административных правонарушения.

Наконец, существует список преступлений, осуждённым за которые назначают административный надзор после отбытия наказания независимо от того, были ли они злостными нарушителями. В числе этих преступлений сексуальное насилие, тяжкие телесные повреждения, убийства. В 2017 году были приняты поправки, добавившие в этот перечень и преступления по статьям, связанным с экстремизмом или терроризмом и часто используемым в политических репрессиях.

Срок надзора может совпадать со сроком снятия судимости или быть меньше (срок погашения судимости: 3 года для преступлений небольшой или средней тяжести, 8 лет для тяжких, 10 – для особо тяжких). При этом те, кто приговорён к ограничению свободы после отбытия тюремного срока, сначала отбывают ограничение, а потом за ними устанавливается административный надзор.

21 декабря 2018 года судья *Первомайского районного суда Новосибирска Антонина Свирина* вынесла решение об установлении административного надзора сроком на восемь лет в отношении мусульманина **Комила Одилова**, осуждённого за чтение книг *Саида Нурси*. **Одилову** в течение восьми лет после

освобождения предписано еженедельно являться в органы внутренних дел, не выезжать за пределы Новосибирска и с 22 часов до 6 утра находиться по месту жительства.

На три года установлен административный надзор за башкирским публицистом **Робертом Загреевым**. Он также обязан находиться дома ночами, не выезжать из Уфы, кроме того, ему запрещено посещать массовые мероприятия.

В феврале 2018 года татарский активист и бывший политзаключённый **Рафис Кашапов** написал, что покинул Россию из-за очередного иска об административном надзоре. В 2017 году администрация ИК-19 Республики Коми, в которой **Кашапов** отбывал наказание за антивоенные посты во «ВКонтакте», уже добивалась установления над ним административного надзора, однако, в апелляционной инстанции отказалась от иска. 31 января 2019 года уже освободившегося **Кашапова** вызвали в УМВД по городу Набережные Челны. Там ему вручили копию нового административного искового заявления об установлении административного надзора.

4.5. Внесение в список Росфинмониторинга – внесудебное наказание.

Подозреваемые и обвиняемые в преступлениях террористической или экстремистской направленности, а также осуждённые за такие преступления включаются Федеральной службой по финансовому мониторингу в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Это означает блокировку имеющихся банковских счетов и невозможность открывать новые, запрет на обмен крупных сумм валюты.

Лицо, внесённое в список Росфинмониторинга, в соответствии со **ст. 6 Федерального закона «О противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путём»**, имеет право снимать из зарплаты лишь по 10 тысяч рублей в месяц на себя и каждого члена семьи, не имеющего другого дохода. Также разрешается получать социальные выплаты. На практике это означает, что каждое получение денег требует предоставление пакета документов в банк. Вот как описывает «ОВД-Инфо» процесс получения пенсии **Юрием Мухиным**, осуждённым **по ст. 282.2 УК РФ** за участие в организации «Армия воли народа»:

«Сейчас он на пенсии и каждый раз вынужден обращаться к сотрудникам «Сбербанка» для её получения.

*Сотрудники стараются не слишком задерживать **Мухина**. Как правило, берут документы и отпускают. Потом звонят по телефону и сообщают, что разрешение выдать пенсию получено, но нужно подойти в строго оговоренное время, в которое чиновники откроют пенсионный счет.*

*«В остальное время мой пенсионный счет заблокирован и для работников банка. Старший смены банка тратит час, пока дозвонится, передаст заявление и убедится, что всё правильно. Потом у оператора и кассира обычная работа по ручному снятию пенсии, которую я раньше сам снимал с карточки», – объясняет **Мухин**.»*

Кроме того, нахождение в списке делает крайне затруднительным трудоустройство из-за невозможности завести зарплатную карту, что, в свою очередь, мешает исполнять наказания в виде штрафа или исправительных работ.

Исключение из списка возможно в случае отмены приговора, прекращения уголовного преследования или снятия судимости.

Блокировка финансовых операций является внесудебным наказанием, которое применяется в том числе и к людям, которые не признаны виновными.

5. Мотивы преследования.

5.1. Понятие мотива преследования.

Политически мотивированные уголовные дела принципиально отличаются от всех остальных случаев незаконного и необоснованного уголовного преследования. Это связано с тем, что наличие в таких делах у органов власти политического мотива придает нарушениям целенаправленный характер, наносит особенно явный урон верховенству закона по сравнению даже с иными сфабрикованными делами. Нарушения закона в таких делах служат средством дальнейшего системного ухудшения ситуации с правами человека, уничтожению политической конкуренции, плюрализма и серьёзному ограничению основных конституционных прав.

В Резолюции ПАСЕ № 1900 (2012), которая, опираясь на работу экспертов по оценке ситуации в Намибии, Армении и Азербайджане, сформулировала критерии выделения политических заключённых из общей массы заключённых, неоднократно использовано понятие «политических мотивов», не было, однако, дано их определения. В 2013 году группа правозащитников из нескольких стран Восточной Европы, в которую входили и представители ПЦ «Мемориал», составила «Руководство по определению понятия «политический заключённый», опирающееся на эту резолюцию и развивающее её содержание для целей практического применения. Именно это *Руководство* применяется в настоящее время *Правозащитным Центром «Мемориал»*. В частности, в этом руководстве, исходя из буквы и духа *Резолюции*, практики *Совета Европы*, *ЕСПЧ* и других международных организаций сформулировано толкование политического мотива власти.

В этом *Руководстве*

«под политическими мотивами понимаются реальные основания неприемлемых в демократическом обществе действий или бездействия правоохранительных и судебных органов, иных субъектов властных полномочий, направленных на достижение хотя бы одной из следующих целей:

а) упрочение либо удержание власти субъектами властных полномочий;

b) недобровольное прекращение или изменение характера чьей-либо публичной деятельности».

В ранее использовавшихся «Мемориалом» критериях признания политическими заключёнными под политическим мотивом понималось:

«выявленное либо доказательно обоснованное влияние на действия и решения правоохранительных органов и суда со стороны любых должностных лиц или органов государственной власти и органов местного самоуправления в целях:

– упрочения либо сохранения политической или экономической власти этих лиц, либо отдельных групп и государственных структур;

– прекращения или изменения характера законной должностной, общественно-политической или иной деятельности преследуемого лица либо иных лиц;

– отъёма или перераспределения, частной и корпоративной собственности в пользу государства либо третьих юридических и физических лиц;

– проведения органами государственной власти и местного самоуправления кампаний по борьбе с отдельными видами правонарушений, совершаемыми определёнными категориями или группами граждан».

Как можно убедиться, понимание того, что является политическим мотивом, было принципиально упрощено для того, чтобы исключить смешение чисто политических дел с корпоративными спорами и кампаниями, которые, даже в случае нарушения прав человека в ходе их осуществления, не могут автоматически признаваться частью политических репрессий.

5.2. Описание основных типов политического мотива.

Политический мотив, как свидетельствует наша практика, может быть разделён на несколько наиболее распространённых типов.

5.2.1 Прекращение общественно-политической деятельности.

Первым и главным мотивом ведущихся в России политических репрессий является прекращение неудобной властям правомерной общественно-политической деятельности активистов, журналистов, верующих и многих других групп.

Прекращение деятельности, направленной на защиту прав и свобод человека

В первую очередь, среди них стоит выделить преследование правозащитников, адвокатов и иных лиц, осуществляющих деятельность, направленную на защиту основных прав и свобод человека. Это связано с особой опасностью, которую представляют репрессии в отношении правозащитников для иных групп населения, лишаящихся возможности получить юридическую и информационную помощь, что делает мотив прекращения правозащитной деятельности особенно опасным.

В отдалённых от Москвы или сложных с точки зрения работы правозащитных организаций регионах арест даже одного правозащитника способен резко снизить объём и качество поступающей с мест информации, уровень помощи лицам, права которых нарушаются властью. С этой точки зрения важнейшим для «Мемориала» в 2018 году было дело руководителя представительства нашей организации в Чеченской Республике Оюба Титиева, приведшее к фактическому сворачиванию деятельности правозащитного центра в республике.

Прекращение оппозиционной политической деятельности

Мотив прекращения оппозиционной политической деятельности является одним из самых распространённых, если говорить о политических репрессиях в 2018–2019 годах. Из-за многочисленности толкований таких понятий, как «политика» и «оппозиция» мы посчитали необходимым его разделение по признаку того, к каким именно органам власти проявляется оппозиционность: к общероссийским – условному «Кремлю», или к местным: региональным, городским, районным.

Прекращение общеопозиционной деятельности

Мотив подавления общеопозиционной или, как её иногда называют сами оппозиционеры, «антипутинской» политической деятельности являлся одним из основных драйверов политических репрессий с начала 2000-х годов. Он сохранял свою важность и в 2018 году, а с началом «Московского дела» летом 2019 года на какое-то время и вовсе стал определяющим фактором действий российской власти, осуществлявшей жёсткое подавление деятельности оппозиции.

Этот мотив являлся, на наш взгляд, одним из определяющих в ходе преследования большей части участников массовых акций в Москве и регионах, при подавлении организованных структур разной политической направленности и разной степени влияния, при возбуждении уголовных дел в отношении лиц,

высказывавших критические оценки внутренней и внешней политики российской власти в публичном пространстве, в т.ч. в интернете. Фактически, этот мотив так или иначе применим к преследованию практически всех публичных критиков власти, оппозиционеров и правозащитников, кроме тех случаев, когда преследованию подвергаются активисты, прямо не высказывающие оппозиционных взглядов и не выступающие против политической системы в целом.

Прекращение оппозиционной деятельности, угрожающей региональным и местным властям, ведомствам и негосударственным структурам

Общественная деятельность, становящаяся причиной для уголовного преследования, далеко не всегда направлена на изменение политического курса государства или его правящей элиты. Зачастую крайне жёсткое противодействие со стороны силовых структур и местных властей вызывает локальный активизм, никак не проявляющий нелояльности правящему режиму в целом. Иногда активисты, выступающие с локальными требованиями, придерживаются оппозиционных взглядов и даже являются членами общероссийских оппозиционных партий и движений, но эта сторона их деятельности является вторичной по отношению к той, которая вызывает наибольшее недовольство у местного начальства. Такими формами местной общественно-политической деятельности могут быть экологическая (дела [Андрея Боровикова](#) и [Вячеслава Егорова](#)) или градозащитная (дело [Валентина Соколова](#)), борьба с злоупотреблениями в сфере ЖКХ (дела [Ивана Барыляка](#) и [Евгения Куракина](#)).

В некоторых случаях мотивом преследования является не конфликт с местными властями, а противодействие нарушению прав граждан со стороны государственных, в т.ч., но не только, силовых ведомств, а также крупных частных и государственных корпораций. Отличие заключается в том, что при данном типе мотива речь идёт не о защите интересов местных властей, а о фактическом «захвате государства» внутренними или внешними акторами, использующими его в своих интересах.

В более ранний период наиболее яркими делами такого рода были дела профсоюзных лидеров: [Валентина Урусова](#) из Якутии и [Леонида Тихонова](#) из Находки. В 2018–2019 же годах в качестве примера мотива прекращения активности, угрожающей ведомственным интересам, и мести за неё стало преследование жителя Санкт-Петербурга [Павла Зломнова](#), взятого под стражу и, по его утверждению, подтвержденному членами ОНК, подвергнутого пыткам сотрудниками ФСБ по делу о незаконном обороте оружия, но получившего дополнительное, явно политизированное, обвинение в оправдании терроризма после того, как он сообщил о фактах пыток правозащитникам и журналистам. Такое же обвинение в оправдании терроризма было вменено

стороннице движения «граждан СССР» из Кургана **Любови Кудряшовой**, которая при этом является активисткой движения против разработки урановой руды и считает реальной причиной преследования свою экологическую деятельность, неугодную «Росатому».

Прекращение журналисткой или публицистической деятельности

Мотив прекращения независимой журналистской или публицистической деятельности практически всегда присутствует в ходе политически мотивированного преследования журналистов и публицистов (при том, что возможны и иные мотивы, см. ниже). Также он часто является значимым в ходе преследования гражданских и политических, а иногда даже и мусульманских активистов. Так, одной из причин уголовного преследования **ФБК** и сторонников **Навального**, являющихся организованными политическими структурами оппозиционного толка, очевидно является желание остановить выпуск антикоррупционных расследований. Аналогично дела крымскотатарского журналиста **Наримана Мемедеминова** и симферопольское дело 24-х, обвиняемых в участии в запрещённой «Хизб ут-Тахрир», очевидно, связаны с той информационной работой по освещению репрессий в отношении крымских татар, которой они занимались.

5.2.2 Прекращение законной религиозной деятельности.

Мотив прекращения законной религиозной деятельности является наиболее распространённым и очевидным тогда, когда речь идёт о лицах, преследуемых в связи с религиозной принадлежностью. Тем не менее, не все «религиозные» политзаключённые преследуются только из-за своей веры, а некоторые политзаключённые их общей части списка политзаключённых стали жертвами в т.ч. и религиозных преследований.

Случаи религиозного преследования, включая даже преследование *свидетелей Иеговы* после фактического запрета их религии в 2017 году, как правило, камуфлируются борьбой с терроризмом и экстремизмом, что позволяет говорить также и об иной, в частности, ведомственной мотивации при раскрытии всё новых ячеек запрещённых «Хизб ут-Тахрир», «Нурджалар» и «Таблиги Джамаат», а также якобы готовившихся терактов, как в случае со сфабрикованным делом о подготовке теракта в кинотеатре «Киргизия» в Москве в 2013 году, по обвинению в котором осудили 15 невиновных мусульман. В Крыму, где большая часть мусульман является исторически наименее лояльными российским властям крымскими татарами, а большая часть крымских татар – верующими мусульманами, в принципе можно говорить о том, что мотив религиозных преследований является вторичным по отношению к мотиву подавления нежелательной властям общественно-политической деятельности и национальной самоорганизации.

Среди наиболее ярких примеров такого рода дел в Крыму можно упомянуть ялтинское дело о членстве в запрещённой «Хизб ут-Тахрир», в рамках которого был осуждён известный правозащитник **Эмир-Усеин Куку**, и симферопольское дело 24-х о членстве в этой же организации, в котором практически все обвиняемые являются участниками организации «Крымская солидарность», помогающей политзаключённым крымским татарам.

В случае же политзаключённых, преследуемых преимущественно по иным причинам, чем религиозные, можно упомянуть одного из фигурантов дела «Б.А.Р.С.» **Александра Мамаева** (о. Николая), священника «Русской православной церкви за границей», альтернативной РПЦ МП, редактора раздела «Религия» дагестанской газеты «Черновик» **Абдулмумина Гаджиева** и бывшего заключённого Гуантанамо **Расула Кудяева**, приговорённого к пожизненному лишению свободы за якобы участие в нападении на Нальчик в 2005 году. Они преследуются преимущественно по другим мотивам (например, прекращения общественной или журналистской деятельности), но есть серьёзные основания полагать, что их религиозная принадлежность стала важным фактором привлечения к ним интереса спецслужб.

5.2.3 Повторное преследование бывших политзаключённых.

В некоторых случаях силовики продолжают преследование бывших политзаключённых уже после их освобождения, особенно в ситуациях, когда первоначальное дело развалилось. Это связано, очевидно, не только с желанием «мести» жертвам неудавшегося преследования, но и тем, что такие люди по сути навсегда становятся объектами незаконного формального или неформального (в виде мониторинга социальных сетей или проявления особого «интереса») учёта со стороны МВД и других силовых структур. Эта практика, наиболее активно и явно используемая на Северном Кавказе, по нашей информации существует и в других регионах. Есть все основания предполагать, что люди, стоящие на спецучёте или просто ранее попавшие в поле зрения силовиков, становятся приоритетными объектами избирательных репрессий (например, по делам о публикациях в интернете), часто назначаются подозреваемыми или обвиняемыми по резонансным делам, становятся жертвами целенаправленных провокаций и фабрикация уголовных дел.

Яркими примерами этого было осуждение анархистов **Алексея Гаскарова** по «Болотному делу» в 2014 году после того, как он был оправдан судом по обвинению в нападении на администрацию города Химки в 2010 году, и **Алексея Сутуги** по сфабрикованному обвинению в хулиганстве с применением оружия в этом же году после того, как он был амнистирован в рамках предыдущего дела о драке в клубе «Воздух», а попытка обвинить его в нанесении тяжких телесных повреждений провалилась. Националиста же **Рихарда Соболева**

после того, как в 2010 году он был полностью оправдан судом присяжных по делу группировки «Белые волки», в 2012 году обвинили в участие в событиях на *Болотной площади*, несмотря на то, что в тот день он участвовал в митинге на *Манежной площади* (он был амнистирован в 2013 году), а в 2016 году задержали за якобы причастность к другому убийству; в 2018 году **Соболев** был повторно оправдан судом присяжных, что является уникальным случаем трехкратного неудачного преследования по тяжким и особо тяжким статьям УК РФ. Меньше повезло Расулу Кудяеву, приговорённому, несмотря на алиби, к пожизненному лишению свободы за якобы участие в нападении на Нальчик в 2005 году, как мы полагаем, исключительно из-за предыдущего нахождения в американской тюрьме в Гуантанамо, откуда он был освобождён без предъявления каких бы то ни было обвинений.

Уже в 2019 году после конфликта представителей чеченской и азербайджанской диаспор у кафе «*Неолит*» среди арестованных оказался Лорс Хамиев, ранее признанный «*Мемориалом*» политзаключённым по делу о якобы подготовке покушения на *Рамзана Кадырова* в 2007 году. Имеются все основания предполагать, что как минимум часть обвиняемых по этому делу не имели никакого отношения к конфликту и были подвергнуты уголовному преследованию исключительно в связи с постановкой на учёт и тем, что они были известны силовым структурам.

5.2.4 Политические преследования, связанные с ведомственно-корпоративными интересами силовых структур.

В условиях существования т.н. «палочной» системы сотрудники силовых структур, принимающие решения о возбуждении уголовных дел по «политическим» статьям, зачастую исходят не из своего понимания пользы такого преследования для сохранения и укрепления правящего строя, но, в первую очередь, из общих и частных ведомственных, корпоративных интересов. Эти интересы проявляются как в необходимости обеспечения постоянного объёма работы силовых структур, демонстрирующего их необходимость и полезность, так и в очевидном желании достижения максимально высоких показателей, обещающих награды и повышения по службе, за счёт явно сфабрикованных или спровоцированных, порой даже посредством прямого подстрекательства, дел.

Есть все основания считать, что подобного рода мотивация играет ключевую роль в делах об участии в экстремистских и террористических организациях, делах о высказываниях со стороны малоизвестных пользователей интернета и т.п. Ярким примером того, как, например, раскрытие придуманных террористических заговоров благоприятно влияет на карьерную траекторию, является перевод руководителя УФСБ по Пензенской области на аналогичную должность

в более значимой Челябинской области. Имеются все основания предполагать, что ключевой причиной такого карьерного роста стало «раскрытие» дела за-прещённой «Сети» и «разоблачение» группы анархистов, якобы составляющих межрегиональное террористическое сообщество.

«Ведомственно-политические» преследования ведутся в контексте многочисленных кампаний по борьбе с различными видами преступлений. Эти кампании, порождая погоню за отчётностью, зачастую приобретают в значительной мере неправовой характер и влекут массовые нарушения прав граждан. В качестве таких кампаний можно назвать борьбу с наркотиками, отдельные элементы которой носили абсолютно репрессивный и незаконный характер (преследование ветеринаров в начале 2000-х годов, преследование предпринимателей, торгующих пищевым маком, продолжающееся в том числе и в 2018 году); кампанию по раскрытию преступлений сексуального характера в отношении детей, когда общественно-полезной и важной целью искоренения преступной деятельности педофилов оправдывают грубые нарушения законности при раскрытии – или фабрикации – таких дел; а также кампанию преследования врачей по обвинению в нарушении прав пациентов, инициированную СК РФ в 2018 году и сопровождающуюся протестами медицинского сообщества.

Несмотря на неочевидность различия между политическими репрессиями, осуществляемыми в связи с ведомственными интересами исполнителей, и кампаниями, не имеющими явного политического содержания, различие между ними можно и нужно проводить. До 2014 года «Мемориал» использовал при решении вопроса об отнесении тех или иных узников к политзаключённым критерии, в которых под политическим мотивом, в частности, понималось, как мы ранее указывали, «проведение органами государственной власти и местного самоуправления кампаний по борьбе с отдельными видами правонарушений, совершаемыми определёнными категориями или группами граждан».

Данное определение политических мотивов являлось весьма широким и ограничительно использовалось «Мемориалом» в повседневной работе из-за того, что буквальное его прочтение могло трактоваться как необходимость признания политзаключёнными, к примеру, всех незаконно осуждённых по целому ряду категорий дел, не имеющих прямого отношения к политике, в частности лиц, первоначально задержанных в связи со своей этнической или расовой принадлежностью, арестованных в ходе операций «Мак» или «Табор», ветеринаров, осуждённых за оборот кетамина, и многих других в том случае, если выполнялось одно из следующих условий:

- «длительность и/или условия принудительного содержания под стражей явно несоразмерны в соответствии с существующими стандартами преследования за правонарушение, в котором это лицо было признано виновным или подозревается;
- преследование осуществляется на заведомо исключительных основаниях по сравнению с другими лицами, обвиняемыми или не привлекающимися к ответственности за аналогичные правонарушения;
- преследование осуществляется с явными нарушениями процессуальных гарантий, закрепленных в Конституции и действующем законодательстве РФ, Европейской Конвенции по правам человека и Протоколах к ней, прецедентных решениях Европейского суда по правам человека.»

Очевидно, что подобного рода нарушения прав человека, особенно касающиеся длительности содержания под стражей и нарушения процессуальных гарантий, имеют место в огромном количестве дел, не имеющих никакого отношения к политике и политическим репрессиям. К тому же подобное расширительное толкование политических мотивов серьёзно расширило бы списки политзаключённых и снизило бы их информативность, серьёзно уменьшило бы содержание поддержки политзаключённых и уменьшило бы её эффективность. Помимо этого, многие кампании настолько широки и массовы, что включение всех их жертв в списки жертв политических репрессий требовало бы столь больших ресурсов, что становилось бы практически нереальным. В первую очередь, речь идёт о жертвах российской карательной наркополитики, создающей огромные возможности для злоупотреблений со стороны представителей правоохранительных органов, в частности, для подбросов наркотиков и искусственного увеличения объёма изъятых наркотических веществ с целью ужесточения квалификации.

В силу этого в настоящее время, после принятия новых критериев, ПЦ «Мемориал» ограничивается анализом правоприменительной практики, складывающейся в ходе проведения кампаний, которые являются явно политическими и подпадающими под действие критериев ПЦ «Мемориал» уже по самой своей сути.

5.2.5 Пропагандистский мотив.

Нельзя не упомянуть и о той роли, которую играет в политических преследованиях желание силовых и пропагандистских структур выстроить «правильный» нарратив, объясняющий происходящие в стране и мире события. Раскрытие реальных и мнимых преступлений, используемых для создания образа осаждённой крепости, формирования образа врага, оправдания действий власти

или, напротив, для демонстрации высокого качества государственного управления продолжает оставаться столь же актуальным, как и во время показательных процессов, имевших место во времена СССР.

Мы полагаем, что значима роль пропагандистского мотива и в политически мотивированных необоснованных уголовных делах по чисто уголовным обвинениям против представителей оппозиции и гражданского общества. В этих случаях он принимает форму цели компрометации жертв и групп, к которым они принадлежат, в глазах общества. Особый интерес с точки зрения таких пропагандистских усилий властей вызывают обвинения в действиях, которые безоговорочно осуждаются обществом. В первую очередь это, конечно же, террористическая деятельность и педофилия. В меньшей степени пропагандой используются уголовные дела, позволяющие обвинить оппозиционеров в экономических преступлениях и в причастности к обороту наркотиков.

Обвинение в собственно «политической» деятельности (например, связи с участием в массовых акциях, в т.ч. переросших в столкновения с полицией) в статьях и сюжетах пропагандистских СМИ часто соседствуют с, как правило, ложными сведениями о якобы получении оппозиционерами средств от иностранных разведывательных служб или уехавших из России представителей крупного бизнеса. Это связано с тем, что «политические» обвинения сами по себе в гораздо меньшей степени способны дискредитировать нежелательных лиц в глазах общественного мнения в целом, и, напротив, только повышают их авторитет среди критически настроенных слоёв общества.

Ярким примером дел с доминирующим пропагандистским мотивом являются дела против религиозных мусульман и граждан Украины. В значительной степени это связано с тем, что преследования этих групп служит целям внешнеполитической повестки, игравшей в течение последних лет ключевую роль в государственной пропаганде, к тому же, обе группы, при всей своей многочисленности, более-менее успешно преподносятся пропагандой в качестве «чужого», «враждебного» большинству населения России элемента, явно угрожающего его безопасности.

Далеко не все уголовные дела с признаками наличия в них политического мотива используются пропагандой в одинаковой мере, а пропагандистские усилия в связи с теми делами, в которых явно различим пропагандистский мотив, далеко не всегда оказываются успешными. В некоторых случаях объект уголовного преследования не может быть эффективно использован для создания образа врага, из-за вероятного сочувствия, которое к нему будет испытывать общество, как это произошло с обвиняемыми по делам запрещённой «Сети» и, особенно, «Нового величия», вызвавших значимое общественное недовольство.

При этом мы считаем, что оценивать наличие пропагандистского мотива у конкретного дела по тому, оказались ли пропагандистские усилия успешны и даже по тому, предпринимались ли они, является неверным упрощением. В качестве примера можно упомянуть дело граждан Украины **Николая Карпюка** и **Станислава Клыха**, обвинявшихся в якобы участии в военных действиях на стороне чеченских сепаратистов в 1990-х годах. В их случае власть первоначально вовсе ничего не говорила о них сама и не преуспела в пропагандистском использовании кейса впоследствии, но мотив их преследования, с нашей точки зрения, был именно этот.

В большей же части случаев пропагандистская обработка общества в принципе не была непосредственным приоритетом лиц, инициировавших уголовное преследование среди мотивов которого мы видим значимый пропагандистский компонент, т.к. они решали преимущественно ведомственные вопросы и не видели смысла в привлечении внимания к ним, однако само преследование укладывалось в контекст более широких пропагандистских кампаний и отвечало пропагандистскому запросу высшей власти. Пример – уголовное преследование сравнительно малоизвестных украинских политзаключённых **Александра Шумкова** и **Романа Терновского**, обвинённых в участии в запрещённом «*Правом секторе*», которое стало результатом будничной работы российских силовых структур. Это связано с тем, что действия силовых структур на местах можно описать в рамках модели принципал-агентских отношений. Представители этих структур считают зачастую неявные сигналы, получаемые от политического руководства страны, но действуя при этом в своих интересах. Репрессии в этой ситуации осуществляются в расчёте на то, что разоблачение очередных «шпионов», «диверсантов» или «террористов», на которых неявно указывает пропагандистская машина, будет положительно воспринято руководством.

Это объясняет то, что в некоторых случаях политические дела в значительной степени теряли свою актуальность с пропагандистской точки зрения уже после их возбуждения, однако не прекращались и доводились до суда. Так, в связи с полным разгромом запрещённой «*Артподготовки*» **Вячеслава Мальцева**, суды по многочисленным уголовным делам в отношении её сторонников в 2018 и 2019 годах шли практически без привлечения к ним внимания со стороны пропагандистских медиаструктур, даже несмотря на то, что в октябре-ноябре 2017 года обыски и задержания участников «Революции 5.11.17» широко освещались провластными СМИ.

5.2.6 Мотив запугивания или «воспитания» общества.

Вне всякого сомнения, одной из причин, по которой возбуждаются уголовные дела по «популярным» репрессивным статьям, является желание власти создать атмосферу страха, запугать потенциально нелояльные слои населения и сформулировать лоялистские паттерны поведения.

Это касается, в первую очередь, тех категорий дел, по которым происходит достаточно избирательное преследование зачастую произвольно выбранных жертв в связи с их действиями, которые власть рассматривает как потенциально опасные для себя. К таким действиям относятся реализация прав на свободу собраний, свободу объединения, свободу выражения, особенно в интернете. Фактически преследуемая реализация этих прав так или иначе связана с попытками граждан воспользоваться оставшимися относительно доступными им каналами обратной связи с властью, донести до нее свои мнения и запросы в отсутствие наиболее очевидного в демократическом обществе канала такой связи – выборов, либо с попытками горизонтального, независимого от власти объединения.

Задачей власти, как представляется, в таких случаях является наглядная демонстрация миллионам россиян на примере десятков и сотен преследуемых ожидающих их рисков и угроз в случае участия в формах активности, не одобряемых властью.

Инструментами реализации этого мотива являются, в первую очередь, **статьи 212, 212.1 и 318 УК РФ** применительно к участникам массовых акций, **статьи 280, 282, 280.1, 205.2 и 148 УК РФ** – применительно к публичным критикам власти, **статьи 282.1, 282.2, 205.4, 205.5, 284.1 УК РФ** – применительно к участникам независимых от власти объединений.

То, что целью подобного рода репрессий является именно «воспитание» общества или его активной части, практически не скрывается официальной пропагандой. Особенно откровенно об этом стали говорить после летних протестов 2019 года в Москве. Пропагандисты стали прямо писать, например, что

«аргументы, которые постоянно повторяют защитники нападавших, – мол, что делается одетому в каску и бронежилет сотруднику от попадания пластиковой бутылки, – не просто попытка оправдать нарушителей закона, но ещё и создание в головах протестующих новой установки: нападать на полицейского или росгвардейца можно. Это – отработанная практика «Окна Овертона», когда через постепенную, часто незаметную подмену понятий в сознание людей внедряется нужная идея».

В таком же ключе высказывался и *В. В. Путин* в декабре 2019 года, объясняя, почему он считает правильным уголовное преследование участников мирных протестов:

«Да во всём мире это [беспорядки] происходит, чем мы здесь отличаемся. Посмотрите, что во Франции происходит, что в США происходит постоянно. Коллега [Генри] Резник сказал, что [участник протестов] бросил какой-то пластиковый стаканчик в представителя органов власти. Бросил – ничего. Потом пластиковую бутылку – опять ничего. Потому уже бросит и стеклянную бутылку, а потом и камень. А потом стрелять начнут и громить магазины. Мы не должны допустить вот этого».

5.2.7 Мотив успокоения общества.

В некоторых случаях мотивом осуществления политических репрессий в 2018–2019 годах являлось стремление власти продемонстрировать обществу свою эффективность и способность защитить общество от преступных посягательств, тем самым успокаивая его. Само по себе такое желание нормально и является одним из мотивов борьбы с преступностью и, в частности, терроризмом в любой стране мира. Неправомерными являются явные фальсификации в рамках расследования уголовных дел или крайне низкое качество их расследования, позволяющее сомневаться в виновности их фигурантов.

В первую очередь, это касается дел о терроризме, особенно, связанных с радикальными исламистскими группировками, среди которых безусловно выделяется запрещённая в России организация «Исламское государство».

Однако и когда спецслужбы и следственные органы реагировали на реально имевшие место террористические действия, степень вины обвиняемых в рамках судебных процессов над ними во многих случаях остаётся невыясненной. К примеру, аналитики *Правозащитного центра «Мемориал»* в ходе мониторинга судебных заседаний по делу обвиняемых в организации террористического акта в метро Санкт-Петербурга 3 апреля 2017 года зафиксировали многочисленные нарушения прав обвиняемых, пытки, фальсификацию доказательств в их отношении. Эти нарушения носят настолько системный характер, что позволяют говорить о вероятной невинности как минимум половины обвиняемых.

В предыдущие годы схожие процессы имели место в отношении чеченцев, зачастую ложно обвинявшихся в поддержке террористов. «Мемориалу» известно о многочисленных случаях фабрикации уголовных дел в отношении чеченцев, среди которых стоит выделить дела *Зары Муртазалиевой, Заурбека Талхигова* и дело о якобы подготовке «покушения» на *Рамзана Кадырова*.

В то же время в российских СМИ отмечают, что в 2018–2019 и предшествующие годы отмечалась тенденция не называть в действительности случившиеся террористические акты таковыми. Данная тема выходит за пределы темы доклада, но, тем не менее, мы не можем не упомянуть то, что после взрыва российского самолёта в Египте в 2015 году российские власти долго отрицали возможность теракта, а нападение на прохожих сторонника запрещённого ИГ в Сургуте в принципе не было признано террористическим актом. Случившийся в канун 2019 года взрыв в жилом доме в Магнитогорске, объявленный взрывом бытового газа, по версии, изложенной в нескольких СМИ, в действительности являвшийся терактом, в результате вызвал панику среди жителей Южного Урала и волну конспирологических теорий среди значимой части пользователей интернета.

5.3. Условность деления преследования по типу мотива.

Определение истинного мотива политически мотивированного преследования не всегда является простой задачей. Широко известным примером того, что даже жертва незаконного преследования может неточно определить его мотив, является покушение на известного журналиста *Олега Кашина*, произошедшее в 2010 году. В то время, как сам *Кашин* долгое время был уверен в том, что оно было совершено силами, связанными с руководством Росмолодёжи, в 2015 году в ходе расследования другого уголовного дела выявились факты, породившие публичные обвинения в отдаче приказа об организации этого преступления в адрес бывшего губернатором Псковской области *Андрея Турчака*. Впрочем, безусловным фактом является то, что преступники желали прекращения журналистской и публицистической деятельности *Кашина*, его активности в социальных сетях.

В случаях незаконного политически мотивированного уголовного преследования, однако, истинные мотивы его организаторов могут быть абсолютно точно установлены зачастую лишь после изменения политической обстановки и открытия доступа к документам спецслужб и политических структур, имеющих отношение к репрессиям, так, как это произошло в странах бывшего СССР после 1991 года, когда появилась возможность полноценного изучения хода и причин политических репрессий в целом и отдельных их актов в частности.

Эти обстоятельства, однако, в большинстве случаев не мешают вполне уверенному установлению наиболее вероятного политического мотива. В общем и целом, он часто является достаточно очевидным. В ситуациях наличия

множественного мотива преследования политическим обычно является каждый из мотивов. Это вносит некоторую неопределённость в выявление точных причин преследования, но не мешает говорить о его явной незаконности.

В наиболее спорных случаях, когда правозащитникам и обществу в целом неясно, является ли преследование случайным или целенаправленным, на помощь часто приходят косвенные признаки, позволяющие практически однозначно говорить о политическом характере преследования. К ним, в частности, относится участие в оперативно-следственных действиях ФСБ или ЦПЭ, необычная для данной категории дел скорость предварительного и судебного следствия, специфические или превышающие «обычный» уровень нарушения закона и прав человека, явное воспрепятствование работе защиты, а также необычный уровень вовлечённости руководства тех или иных силовых структур в малозначительные дела (см. [комментарии Председателя СК РФ А. Бастрыкина](#) о деле «Кировлеса»), активное пропагандистское сопровождение преследования официальными СМИ.

6. Нарушения прав человека в политических преследованиях.

В данной главе рассматриваются наиболее типичные нарушения прав человека, с которыми мы сталкиваемся в процессе наблюдения за политическими преследованиями в России. Мы приводим некоторые статьи **Конвенции о защите прав человека и основных свобод**, которые нарушались российским государством в 2018-2019 годах, и примеры таких нарушений. Это не исчерпывающий анализ, а описание наиболее вопиющих случаев.

6.1. Право не подвергаться пыткам.

Статья 3.

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

Согласно социологическому исследованию, проведённому «*Левада-центром*» в 2019 году, каждый десятый россиянин (356 человек из 3400 опрошенных) подвергался пыткам со стороны правоохранительных органов. Это явственно свидетельствует о том, что пытки широко применяются российскими силовиками как для получения показаний во время следствия, так и для других целей (дополнительное внеправовое наказание, вымогательство, контроль и т.д.).

В политических преследованиях, с одной стороны, фигурантов уголовных дел может защищать от насилия высокий социальный капитал, но, с другой стороны, должностные лица, ведущие дело, бывают более заинтересованы в получении результата в виде признательных или свидетельских показаний и мотивированы на применение недозволенных методов воздействия.

В 2018 году широкую огласку получили пытки фигурантов дела «*Сети*». В первую очередь, стало известно о пытках петербургских фигурантов **Виктора Филинкова** и **Игоря Шишкина**.

По словам Филинкова, в ночь с 23 на 24 января 2018 года оперативники ФСБ посадили его в микроавтобус, вывезли в лесополосу, и в машине на протяжении нескольких часов избивали и пытали электрошокером, требуя выучить формулировки признательных показаний. 25 января на медосмотре при поступлении в СИЗО у него были зафиксированы следующие телесные повреждения:

«... повреждение кожных покровов (электрошокером?) в области правого бедра и области груди. В области правого лучезапястного сустава потёртость от наручника, на передней поверхности правой голени гематома 2-3 дневной давности, на подбородке царапина примерно 5 см».

На следующий день члены Общественной наблюдательной комиссии **Яна Теплицкая** и **Екатерина Косаревская** зафиксировали на теле **Филинкова** многочисленные следы ожогов от электрошокера на всей поверхности правого бедра, гематому на правой щиколотке, ожоги от электрошокера в области грудной клетки. 2 февраля они подсчитали следы на правом бедре **Филинкова** и зафиксировали в акте:

«... часть следов на поверхности правого бедра Виктора Филинкова уже сошла, но примерно 33 следа ещё видно. Часть следов парная, в каждой паре расстояние между повреждениями составляет ровно 4 см. В каждой паре одно повреждение видно лучше, чем другое. Явно видимых пар шесть штук».

В апреле Следственный комитет вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту применения пыток к **Филинкову**. Следователь **Сергей Валентов** указал, что оперативники ФСБ лишь единожды применили силу к **Филинкову**, когда он пытался бежать, и сделали это обоснованно. 21 июня Петербургский гарнизонный военный суд отклонил жалобу адвоката **Виталия Черкасова** на данное постановление, в дальнейшем суд второй инстанции подтвердил это решение. Осенью 2018 года защита **Филинкова** обратилась в ЕСПЧ.

Игорь Шишкин о пытках не заявлял, тем не менее, исходя из обстоятельств произошедшего, вероятность применения к нему пыток очень высока. 27 января 2018 года, через два дня после задержания, члены ОНК зафиксировали на его теле следующие травмы:

- большая гематома вокруг левого глаза;
- кровь в углу левого глаза;
- ссадина посередине левой щеки;
- следы от наручников на обеих руках;
- синяк вокруг правого глаза;
- ожог посередине кисти левой руки на тыльной стороне ладони.

При этом **Шишкин** был в кофте с длинными рукавами и в штанах, и члены ОНК не видели состояния тела под одеждой. Впоследствии 2 февраля **Шишкин** показал им спину и заднюю поверхность бедра, в связи с чем они зафиксировали в акте визуального осмотра:

«... на всей поверхности спины Шишкина И. Д., а также на задней части правого бедра (сверху) многочисленные повреждения кожных покровов (ожоги, предположительно от электрических проводов), над правым коленом над задней поверхностью бедра (переходящей в переднюю) большая гематома, занимающая примерно 1/3 бедра. Вокруг левого глаза гематома, под обоими глазами жёлтые круги».

Шишкин сообщил, что гематому получил на тренировке, а происхождение ожогов не помнит. В дальнейшем о жестоких пытках током заявили пензенские фигуранты дела «Сети» – **Илья Шакурский, Дмитрий Пчелинцев, Арман Сагынбаев. Пчелинцев** при этом рассказывал, что после того, как первое сообщение о его пытках стало публичным, его пытали повторно, заставив отказаться от своих слов.

Ещё один петербургский фигурант дела «Сети» **Юлий Бояршинов** рассказывал, что содержался с марта по июль 2018 года в пыточных условиях в СИЗО «Горелово» под Санкт-Петербургом. Другие арестанты, как утверждает **Бояршинов**, по указанию администрации СИЗО избивали его, принуждали непрерывно мыть полы, пропуская прогулки. Кроме того, он содержался в перенаселённой камере: при 116 оборудованных койках в камере проживали до 150 арестантов. **Бояршинов** часть времени вынужден был спать на полу. Он также заразился чесоткой, так как эта болезнь интенсивно распространялась в перенаселённой камере. Администрация СИЗО не принимала медико-санитарных мер по лечению чесотки и предотвращению её распространения.

6.2. Право на свободу и личную неприкосновенность.

6.2.1 Обоснованное содержание под стражей

Статья 5.

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишён свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведённое с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения...

Как мы уже говорили в Главе 4, обвиняемым избирают меру пресечения, в том числе в виде содержания под стражей или домашнего ареста, если есть достаточные основания полагать, что обвиняемый или подозреваемый скроется от следствия, продолжит заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелям или уничтожить доказательства. Суд обязан рассмотреть, есть ли такие основания и достаточны ли они. Однако, как правило, подобное рассмотрение является формальностью: следователь мотивирует своё ходатайство обобщёнными неконкретными формулировками, а суды почти всегда соглашаются со следствием.

Например, ходатайствуя о продлении срока домашнего ареста фигуранту «московского дела» **Егору Жукову**, следователь говорил о том, что **Жуков** может скрыться от следствия, только потому что у него есть загранпаспорт, и он ранее выезжал за пределы России.

6.2.2 Разбирательство в разумные сроки или освобождение до суда

Статья 5.

3. Каждый задержанный или заключённый под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделённому, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

В ч. 1 ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ говорится: «Содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца». Последующие части этой статьи содержат такое количество оговорок, что на практике это аннулирует данную норму. «В случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до 2 месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения» суд может продлевать до 6 месяцев, а по тяжким (если максимально возможное наказание более 5 лет

лишения свободы) и особо тяжким (максимальное наказание – более 10 лет) преступлениям «только в случаях особой сложности уголовного дела» – до года (**ч. 2 ст. 109 УПК РФ**).

Но для обвиняемых в особо тяжких преступлениях и это не предел: срок содержания под стражей может быть продлён до 18 месяцев, хотя и «лишь в исключительных случаях» (**ч. 3 ст. 109 УПК РФ**).

По факту, эти сроки содержания под стражей (6 месяцев для преступлений средней тяжести, 12 месяцев – для тяжких и 18 – для особо тяжких) являются стандартными и применяются не в исключительных случаях, а довольно часто, в том числе и при отсутствии в течение длительного времени следственных действий. Рассмотрение дела в суде через один-полтора месяца после ареста, как это происходит в «Московском деле», является, скорее, исключением.

Органы следствия обязаны предъявить материалы расследования для ознакомления за месяц до окончания предельного срока содержания под стражей, но, если 30 дней недостаточно для ознакомления обвиняемых и их адвокатов с делом, мера пресечения продлевается. Кроме того, в предельный срок не входит время, необходимое для утверждения дела прокуратурой, направления в суд и назначения заседания. Обычно это занимает ещё порядка 2 месяцев.

Так, слушание по одному из дел московской «Артподготовки» (дело **Сергея Озерова, Олега Дмитриева, Олега Иванова**) началось более чем через год после ареста фигурантов. Другое дело «Артподготовки» (дело **Юрия Корного, Андрея Кепти, Андрея Толкачёва**) на 1 октября 2019 года ещё не было передано в суд, фигуранты к этому моменту находились под стражей чуть менее двух лет. Четверо фигурантов дела «Нового величия» находились до суда под стражей порядка 14 месяцев, фигуранты петербургского и пензенского дел «Сети» – от 10 до 19 месяцев.

После поступления дела в суд мера пресечения может продлеваться ещё на шесть месяцев (**ч. 2 ст. 255 УПК РФ**), а по истечении этого срока для обвиняемых в тяжких и особо тяжких преступлениях – не более чем на три месяца, но сколько угодно раз (**ч. 3 ст. 255 УПК РФ**).

Российские законы не регламентируют общий максимальный срок, в течение которого обвиняемый может находиться под стражей до приговора. При возобновлении предварительного следствия сроки содержания под стражей начинают отсчитываться заново. **Денис Бахолдин**, обвиняемый в сотрудничестве с «Правым сектором», провёл под стражей до приговора более 21 месяца. Его дело сначала назначили к рассмотрению в Суземском районном суде Брянской

области, затем передали в *Нагатинский районный суд Москвы*, затем вернули в прокуратуру, снова передали в *Суземский районный суд* и оттуда вновь перенаправили в *Нагатинский*.

Лишь частично может компенсировать длительность содержания под стражей закон о льготном зачёте сроков, принятый летом 2018 года. Согласно ему, один день содержания под стражей до вступления приговора в законную силу засчитывается за два дня колонии-поселения и полтора дня колонии общего режима. Для приговорённых к строгому и особому режиму льготного зачёта нет. Существуют также исключения для осуждённых по контртеррористическим и некоторым другим статьям УК РФ. Так, льготный зачёт не был применён к **Оюбу Титиеву**, осуждённому к лишению свободы в колонии-поселении по **ч. 2 ст. 228 УК РФ**.

6.3. Право на справедливое судебное разбирательство.

6.3.1 Гласность суда

Статья 6.

1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

В аннексированном Крыму российские суды систематически рассматривают в закрытом режиме дела о заключении под стражу или о продлении сроков содержания под стражей обвиняемых по делам о причастности к «Хизб ут-Тахрир» и другим делам. Обоснования необходимости закрыть судебное заседание от публики, как правило, формальны и не выдерживают критики, либо суд вообще не озвучивает такие обоснования.

Так, например, рассматривая 10 апреля 2019 года апелляционную жалобу на продление ареста блогеру [Нариману Мемедеминову](#), российский *Верховный суд Крыма* принял решение закрыть процесс от публики.

«Суд отказал удовлетворить ходатайство Наримана Мемедеминова о проведении открытого судебного процесса, сославшись на «опасность для участников процесса». Тогда Мемедеминов заявил ходатайство об усилении мер безопасности, однако российский прокурор заявил, что принятых мер безопасности достаточно, и суд с ним согласился. Нариман Мемедеминов вновь подал ходатайство о проведении открытого судебного заседания, поскольку стороны заявили, что принятых мер безопасности достаточно, но суд не рассмотрел эту просьбу», – рассказал адвокат Эдем Семедляев изданию «Крым.Реалии».

Такая практика позволяет в течение долгого времени скрывать фабулу обвинения от публики, особенно если адвокаты дали подписку о неразглашении, препятствует обвиняемым делать заявления для СМИ, является элементом психологического давления, так как не даёт возможности арестованному увидеть уровень общественной поддержки.

В некоторых случаях в закрытом режиме проводятся полностью или частично процессы и по существу уголовного дела. Так, в 2018 году часть свидетелей обвинения по делу [Оюба Титиева](#) допрашивали в закрытом режиме по ходатайству прокурора [Джабраила Ахмадова](#). Гособвинитель мотивировал ходатайство тем, что свидетели трудятся в полиции и могут выдать некие методы работы, хотя в суде не исследовались обстоятельства, связанные с государственной тайной. В частности, в закрытом режиме давал показания начальник угрозыска [Дени Джабраилов](#), который, по словам [Титиева](#), угрожал ему и требовал оговорить себя.

6.3.2 Презумпция невиновности

Статья 6.

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком.

Наиболее ярким примером нарушения презумпции невиновности, на наш взгляд, является досудебное внесение подозреваемых и обвиняемых в экстремистских и террористических преступлениях в «Перечень террористов и экстремистов» *Росфинмониторинга*. Помимо того, что внесение в этот перечень означает блокировку банковских счетов и запрет финансовых операций (см.

«Список *Росфинмониторинга*» в Главе 4), что само по себе является внесудебным наказанием, государство определённым образом называет людей «террористами и экстремистами» до соответствующих приговоров суда.

6.3.3 Время для подготовки защиты

Статья 6.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты...

В рекордно короткие сроки были проведены следствие и суд по делу **Константина Котова**, обвиняемого в неоднократном нарушении правил проведения демонстраций. Власти систематически создавали условия, препятствующие качественной подготовке защиты к участию в процессе. Так, 14 августа 2019 года **Котов** был взят под стражу, 15 августа окончено следствие, а 16 августа 2019 года судья *Пресненского районного суда Елена Абрамова* по ходатайству следователя *Юрия Витковского* ограничила время ознакомления **Котова** и его адвоката с материалами уголовного дела 72 часами, 48 из которых приходились на выходные.

Сам судебный процесс длился два дня и заседания продолжались до позднего вечера. Во второй день, 4 сентября 2019 года суд назначил прения уже после окончания рабочего времени и отказал защите в ходатайстве перенести разбирательство хотя бы на следующий день. Защита и подсудимый таким образом не имели возможности в своём выступлении качественно обосновать позицию с учётом свидетельских показаний и выступления прокурора.

6.3.4 Право допрашивать свидетелей

Статья 6.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него...

Российские суды, по нашим наблюдениям, как правило, тяготеют к соблюдению формальных норм и обычно проводят допрос явившихся свидетелей защиты. Тем не менее, в процессе по делу **Константина Котова** судья **Станислав Минин** отказал в допросе более чем половине заявленных свидетелей защиты, несмотря на то, что их явка в суд была обеспечена.

Важно обратить внимание на практику доказывания преступлений с помощью показаний секретных свидетелей, широко распространённую в российских судах, в том числе в процессах над политзаключёнными. **Ч. 5 ст. 278 Уголовно-процессуального кодекса РФ** гласит:

«При необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, о чем суд выносит определение или постановление».

На практике решения о засекречивании данных о личности некоторых свидетелей принимаются ещё на этапе следствия, и суды во всех известных нам случаях удовлетворяют ходатайства о допросе засекреченных свидетелей без раскрытия данных о личности, без визуального наблюдения и с изменённым голосом. Подсудимые и их защитники не имеют доступа к информации о том, кто именно свидетельствует в пользу обвинения, и поэтому не могут опровергнуть слова секретного свидетеля или доказать, что у того есть мотив для дачи ложных показаний.

К примеру, на суде по делу **Сергея Озерова, Олега Дмитриева** и **Олега Иванова**, обвиняемых в подготовке теракта на 5 ноября 2017 года, давал показания секретный свидетель под псевдонимом **«Максим Максимов»**. Он уверенно заявил, что подсудимые готовили «коктейли Молотова», планировали поджоги, обсуждали всё это в чатах *Telegram* и даже лично сообщали ему. При этом председательствующий не позволил защите выяснить, когда состоялся этот разговор и бывал ли **«Максимов»** у подсудимых в квартире, потому что *«ответ может повлечь рассекречивание данных свидетеля»*.

6.4. Права на свободу мысли, совести и религии.

Статья 9.

1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

В России ведутся две широкомасштабные кампании преследования религиозных групп. Одна из них касается свидетелей Иеговы, другая – «Хизб ут-Тахрир аль Ислами». Подробно об этих кампаниях мы уже рассказывали в предыдущих главах.

Что касается «Хизб ут-Тахрир», то ранее Европейский суд по правам человека уже принимал решения о том, что члены «Хизб ут-Тахрир» не вправе ссылаться, оспаривая репрессивные меры государства, обосновываемые их участием в этой организации, на **ст. 9 Европейской Конвенции**. Однако, во-первых, по нашему убеждению, к рассмотрению дел следует подходить индивидуализированно. Почти во всех изученных нами делах «Хизб ут-Тахрир», с нашей точки зрения, нет оснований для преследования. Во-вторых, Россия, очевидно, назначает непропорциональные деянию наказания – сроки лишения свободы до 24 лет – при чисто гипотетической общественной опасности обвиняемых.

Кроме того, Россия систематически, хотя и в меньших масштабах, преследует участников «Таблиги Джамаат», читателей книг Саида Нурси, саентологов.

6.5. Право на свободу выражения мнений и распространения информации.

Статья 10.

1. Каждый имеет право свободно выражать своё мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определёнными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Практика преследований за высказывания остаётся массовой даже после частичной декриминализации **ст. 282 УК РФ** (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства). Российские власти систематически преследуют людей за публичные призывы к экстремизму (**ст. 280 УК РФ**) и оправдание терроризма (**ст. 205.2 УК РФ**).

В ряде случаев эти статьи используются для препятствия журналистской деятельности. Так, омский правозащитник **Виктор Корб** был обвинён в оправдании терроризма только за то, что вёл хронику суда над **Борисом Стомахиним** и опубликовал его последнее слово. В настоящее время он покинул Россию. Псковскую журналистку **Светлану Прокопьеву** преследуют за то, что она в радиозфире анализировала причины, которые побудили **Михаила Жлобицкого** совершить самоподрыв в здании ФСБ. Сейчас **Прокопьева** находится под подпиской о невыезде, однако, ей грозит до 7 лет колонии.

6.6. Право на свободу собраний и объединений.

Статья 11.

1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооружённых сил, полиции или административных органов государства.

Грубейшим нарушением права на свободу собраний является **ст. 212.1 УК РФ** (Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования), карающая исключительно за мирную реализацию этого права. В 2019 году по ней были осуждены два человека, причём один из них – **Константин Котов** – к 4 годам реального лишения свободы. Ещё один обвиняемый – **Вячеслав Егоров** – ждёт суда.

Примером нарушения права на свободу объединений является преследование участников «Открытой России» за участие в нежелательной организации.

Мы считаем, что в обоих случаях отсутствуют основания, которые бы делали необходимым ограничение граждан в праве на свободу собраний и объединений.

7. Реакция российских общества и власти на политические репрессии.

Политические репрессии неизбежно оказывают воздействие не только на непосредственных жертв и исполнителей, но и на всё общество в целом. Влияют они и на политическую обстановку в стране, на высказывания и действия представителей власти, которым приходится реагировать на них, оправдывать или, напротив, критиковать. Именно поэтому мы считаем важным постараться отразить то, как российское общество и власть реагировали на политические репрессии и проблему наличия политических заключённых.

7.1. Медиа.

Описание реакции общества и его институтов на политические репрессии логично начать с того, как на них реагируют медиа, из которых получает информацию общество в целом. Важность медийного освещения ситуации в этой сфере теми СМИ, которые стоят на позициях защиты прав человека, трудно переоценить. Оно не только формирует отношение общества и превращает события в информационные поводы, на которые приходится реагировать властям, но и помогает правозащитным организациям и инициативам осуществлять мониторинг нарушений прав человека и обнаруживать кейсы, требующие их вмешательства.

Существует в медиапространстве и противоположное явление – публикация в провластных СМИ материалов, отражающих позицию силовых структур и *Администрации Президента РФ*, в ряде случаев содержащих необоснованную критику правозащитных организаций и сведения, компрометирующие жертв политических репрессий. Зачастую такие материалы никак не могут быть оправданы наличием иных политических взглядов и редакционной позицией, прямо нарушая минимальные этические нормы и законодательство Российской Федерации. В первую очередь, можно отметить телеканалы *НТВ* и *РЕН ТВ*, регулярно публикующие не просто клеветнические материалы, но и прямо участвующие в репрессивных кампаниях. В качестве ярких примеров такого рода деятельности можно назвать информационное сопровождение задержания и пыток

Азата Мифтахова и участие в осуждении одного из руководителей *Движения «Голос»* **Романа Удота**. Уважая принципы свободы слова, мы, тем не менее, не можем считать такие действия СМИ её проявлением или просто отражением иной точки зрения на незаконные политические репрессии. Эти публикации фактически оказываются инструментами репрессивного аппарата, используемыми совместно и согласованно с собственно карательными инструментами.

Возвращаясь к деятельности тех медиа, которые представляются действительно независимыми средствами массовой информации, распространяющими объективную общественно значимую информацию о деятельности российских силовых структур, важно, в первую очередь, выделить наиболее важные для освещения проблематики политических репрессий издания. Оговоримся, что не все из них имеют явную правозащитную специализацию – более того, к таким СМИ может быть отнесён только проект *«ОВД-Инфо»*, в значительной степени наследующий традиции *«Хроники текущих событий»*, и выступающий одновременно и в качестве СМИ, и в качестве правозащитной организации. Все остальные медиа публикуют материалы и на иные темы, прямо не связанные с защитой прав человека и политическими репрессиями, выступая в роли более традиционных общественно-политических СМИ.

Это относится даже к таким важным СМИ, сообщаящим о политических репрессиях, как *«Медиазона»*, *«Новая газета»*, телеканал *«Дождь»* и *«МБХ-медиа»*. Эти СМИ, а также издающаяся в Латвии *«Медуза»* и русскоязычная редакция *«Радио Свобода»* вместе с дочерними проектами являются основными «федеральными» источниками информации об идущих в России репрессиях, но также и о положении в системе ФСИН, о не связанных с политикой громких процессах, о нарушении прав человека сотрудниками силовых структур или о состоянии дел в различных ведомствах, связанных с уголовным судопроизводством.

Отдельно необходимо выделить региональные медиа, освещающие политические репрессии и связанные с ними проблемы. Так наиболее подробно о репрессиях в СКФО и ЮФО пишет *«Кавказский узел»*, а в Крыму – проект *«Радио Свобода» «Крым.Реалии»*. Другие проекты *«Радио Свобода»* часто затрагивают темы репрессий в Поволжье, Сибири, Севере России и на уже упомянутом Северном Кавказе, тогда как значимым источником информации о судебных процессах и задержаниях в Санкт-Петербурге является *«Фонтанка»*, а в Сибири – *Тайга.Инфо*. Акцент на информации о событиях, происходящих вне столиц, в российских регионах, особенно на Северо-Западе, делает *сетевое издание «7x7»*. Помимо этого, региональные редакции *«Новой газеты»*, а также проживающие за пределами Москвы журналисты и фрилансеры общефедеральных СМИ, позволяют частично преодолевать москвоцентричность медиа-среды, создавая информационное пространство, включающее освещение репрессий даже в небольших городах и посёлках.

Отсутствие упоминаний нами тех или иных изданий не должно трактоваться как умаление их роли. Напротив, в 2018–2019 годах происходило расширение как аудитории, потребляющей информационные материалы правозащитного характера, так и числа нетематических СМИ, размещающих такого рода материалы. Серия репортажей *«Коммерсанта»* с судов над участниками запрещённой *«Артподготовки»* или статьи **Евы Меркачевой** о ситуации в московских СИЗО и ИВС, основанные на опыте её работы в *ОНК Москвы*, опубликованные в *«Московском Комсомольце»*, являются хорошими примерами качественной журналистской работы, осуществляемой СМИ более широкой информационной направленности, чем *«Новая газета»* или *«Медиазона»*.

7.2. Традиционные (институализированные) правозащитные организации.

Важную роль в обеспечении помощи политзаключённым и другим жертвам политически мотивированного уголовного преследования играют «традиционные», институализированные организации, отделяемые нами в данном случае от менее формальных и более стихийных инициатив. Вполне естественно, что профессионально занимающиеся защитой прав человека организации активно выступают против такого грубого целенаправленного их нарушения, каким является политически мотивированное уголовное преследование и, тем более, лишение свободы в рамках такого преследования. Эти организации как выступают непосредственными субъектами помощи по конкретным делам, так и иницируют и поддерживают помощь со стороны общества, обеспечивая своего рода организационную и информационную «инфраструктуру» общественной солидарности с жертвами репрессий.

Перечислить все организации, вносящие свой вклад в поддержку жертв политических репрессий, – слишком объёмная задача, поэтому мы ограничимся лишь неполным перечнем наиболее заметных в этой сфере.

Наиболее явным образом связывает свою правозащитную деятельность с проблемами политзаключённых и, шире, жертв незаконного политически мотивированного преследования *Правозащитный Центр «Мемориал»*. Помимо ведущейся с начала 2010-х годов работы по составлению списков политзаключённых и учету жертв политических репрессий в целом, описанной во Введении к настоящему докладу, *ПЦ «Мемориал»* в рамках своего структурного подразделения, *Программы поддержки политзаключённых*, оказывает юридическую помощь жертвам политических репрессий, оплачивая работу адвокатов

на национальном уровне и при обращении в *ЕСПЧ* и экспертов при необходимости подготовки заключений и рецензий, требующих специальных знаний; готовит информационные и аналитические доклады, подобные настоящему докладу; ведёт активную адвокационную работу в интересах политзаключённых внутри России и вне её, участвуя в пресс-конференциях, круглых столах и разного рода других публичных мероприятиях; осуществляет информационную поддержку жертв репрессий распространяя информацию о них в СМИ, социальных сетях и другими доступными способами; оказывает, в том числе в сотрудничестве с другими организациями, гуманитарную помощь наиболее нуждающимся в ней политзаключённым и их семьям. Участвуют в разных аспектах поддержки жертв политически мотивированного незаконного преследования и другие подразделения (Программы) *ПЦ «Мемориал»* (в части поддержки таких жертв из числа мусульман, из числа беженцев и мигрантов, на Северном Кавказе, посредством подготовки жалоб в *ЕСПЧ*) и организация в целом.

Одним из наиболее заметных правозащитных проектов последних лет стал *«ОВД-Инфо»*, партнёр *ПЦ «Мемориал»*. Трудно переоценить роль *«ОВД-Инфо»* в информационной поддержке жертв политически мотивированных преследований, не только уголовных, но реализующихся в самых разных формах, а также в подготовке обзорных и аналитических продуктов, позволяющих лучше понять общую картину и способы осуществления репрессий. Однако, помимо этого, *«ОВД-Инфо»* активно участвует как в координации, так и в оказании юридической помощи жертвам незаконного политически мотивированного преследования. *«ОВД-Инфо»* делает при этом акцент на помощи активистам и другим людям, подвергающимся преследованию в связи со своей гражданской активностью. Основные усилия проекта в сфере юридической помощи направлены на её оказание тем, кто привлекается к административной ответственности, но также помощь оказывается и многим жертвам уголовного преследования: фигурантам дела *«Нового Величия»*, *«Московского дела»*, других дел, связанных с публичными высказываниями и реализацией права на свободу собраний и объединений.

На протяжении многих лет самую разную помощь и поддержку жертвам политических преследований оказывает *организация «За права человека»*, возглавляемая *Л. А. Пономарёвым*, ранее существовавшая в форме одноименного движения. Движение было ликвидировано в 2019-м году судебным решением под совершенно надуманными предлогами, сам *Л. Пономарёв* неоднократно подвергался административным наказаниям за свою правозащитную деятельность. Движение активно занимается адвокационной деятельностью, в первую очередь, на национальном уровне, выступает в качестве лоббиста прав человека и преследуемых групп, в частности, по каналам *Совета по правам человека при Президенте РФ, Уполномоченного по правам человека в РФ*, выступает инициатором комплексных протестных и адвокационных кампаний как в связи

с отдельными уголовными делами, так и в связи с конкретными тенденциями в сфере политических репрессий или с законодательными новациями, ограничивающими права человека. Так *ЗПЧ* внесло большой вклад поддержку жертв дел *«Нового Величия»*, *«Сети»*, стало одним из ключевых участников кампании поддержки преследуемых по обвинениям в участии в *«Хизб ут-Тахрир»* и других религиозных организациях. Велика роль *ЗПЧ* в поддержке заключённых в местах лишения свободы, включая политзаключённых.

Одна из старейших правозащитных организаций России *Московская Хельсинкская группа* регулярно выступает с публичными заявлениями, осуждающими политические репрессии, высказывается в связи с попытками ужесточения законодательства, грозящего расширением репрессий, участвует в адвокации в интересах политзаключённых, особенно, правозащитников, и в других формах их поддержки. Важна роль *МХГ* в содействии различным низовым инициативам поддержки политзаключённых и координации усилий правозащитников в рамках совместных проектов в интересах политзаключённых.

Информационно-аналитический центр «Сова» ведёт мониторинг и осуществляет анализ преследований, связанных с религией и применением антиэкстремистского законодательства, выступает с экспертными мнениями о законодательстве и правоприменительной практике в этих сферах. Поскольку именно с подавлением права на свободу совести и права на свободу выражения мнения под предлогом противодействия экстремизму и терроризму связаны преследования в отношении большей части политзаключённых, деятельность *ИАЦ «Сова»* играет важную роль в их поддержке.

Международная группа «Агора» ведёт большое количество дел в национальных судах и *ЕСПЧ*, в том числе, представляя в них интересы многих политзаключённых и других жертв незаконного политически мотивированного уголовного преследования. Аналитические доклады группы по различным темам применения репрессивного законодательства способствуют лучшему пониманию экспертами, СМИ и обществом общей картины репрессий, в частности, ведущих к появлению политзаключённых, их структуры и механизмов.

«Русь сидящая», проект *Благотворительного фонда помощи осуждённым и их семьям*, активно оказывает юридическую и гуманитарную помощь, в т.ч. и политзаключённым.

Одним из наиболее ярких и важных направлений деятельности Санкт-Петербургской *«Команды 29»* является защита на следствии и в суде тех, кого несправедливо обвинили в государственной измене, разглашении

государственной тайны и шпионаже. Среди тех, кому помогали адвокаты *Команды 29*, немало людей, чьи имена были включены в списки политзаключённых ПЦ «Мемориал».

Деятельность *Фонда «Общественный вердикт»*, защищающего права людей, подвергшихся незаконному или избыточному насилию со стороны работников правоохранительных органов, и *Комитета против пыток*, борющегося с пытками и бесчеловечным или унижающим достоинство обращением, хоть и не направлена непосредственно на поддержку жертв политически мотивированного преследования, но объективно содействует защите их прав от наиболее возмутительных нарушений.

Российский офис *Amnesty International* активно поддерживает тех политзаключённых, которых эта организация рассматривает как узников совести. Общественное внимание, привлекаемое этой поддержкой к подобным делам, усиление, благодаря позиции авторитетной международной организации, давления на российские власти играют важную роль в поддержке политзаключённых.

Общественная организация «Роскомсвобода», ведущая деятельность, направленную на защиту цифровых прав, пропаганду идей свободы информации, недопустимости государственной цензуры и вмешательства в частную жизнь, осуществляет мониторинг законодательной деятельности госорганов в области регулирования Интернета, а также правоприменения в этой сфере. Её деятельность важна и полезна жертвам политических преследований, связанных с высказываниями в интернете, число которых велико.

Проект *«Правозащита Открытки»* декларирует своей целью помощь «людям, права которых нарушает государство». Эта помощь осуществляется как посредством различных адвокационных мероприятий и кампаний, так и непосредственной помощью в рамках политических уголовных дел. Адвокаты проекта участвовали в защите многих политзаключённых и жертв политически мотивированного уголовного преследования.

Хотя московский *Сахаровский центр* не занимается непосредственным оказанием помощи, его роль как уникальной площадки проведения самых разных мероприятий в поддержку политзаключённых и, шире, жертв политических репрессий выходит далеко за пределы Москвы. Информационные, краудфандинговые, образовательные, адвокационные, экспертные мероприятия, организуемые при поддержке *Сахаровского центра*, занимают важное место в общей общественной поддержке политзаключённых.

Особенно в Петербурге, но и за его пределами заметную роль в публичной поддержке политзаключённых и других жертв политических репрессий играет Правозащитный Совет Санкт-Петербурга, регулярно выступающий с заявлениями, осуждающими преследования.

7.3. Низовые неформальные инициативы.

Помимо традиционных правозащитных организаций помощью жертвам политического преследования занимаются множество официально незарегистрированных инициативных групп и низовых неформальных инициатив. Они играют важную роль в правозащитной экосистеме, дополняя, а в некоторых случаях и заменяя, более институционализированные структуры. Это связано с тем, что подобного рода группы часто оказываются более гибкими из-за своей более узкой направленности (в частности, когда речь идёт о группах поддержки фигурантов отдельных уголовных дел) и из-за меньшего объема необходимой поддерживающей организационной работы. Они часто строятся по проектному принципу, а также в меньшей степени ограничены требованиями российского законодательства в части налогообложения и расходования собираемых средств.

Работу неформальных структур, организованных по проектному принципу с целью помощи обвиняемым в рамках одного уголовного дела, мы рассматриваем ниже (см. «Интегрированные кампании»). Здесь же мы приводим примеры инициатив, не ограниченных временными рамками и стремящихся помочь более широкому кругу политзаключённых и преследуемых. В качестве таких примеров можно указать на следующие проекты:

Оказывающий помощь в организации переписки с политзаключёнными сервис «Росузник».

Объединение родственников обвиняемых по экстремистским и террористическим делам «Матери против политических репрессий», созданное в 2019 году родственниками обвиняемых по политически мотивированным делам на основе сложившегося ранее объединения родственников обвиняемых по делам «Нового Величия» и запрещённой «Сети» – «Родительская сеть».

Союз солидарности с политзаключёнными, оказывающий помощь жертвам политического преследования с 2008 года и ведущий свой список политзаключённых, в целом основанный на списке ПЦ «Мемориал», но являющимся несколько более широким.

Созданная журналисткой *Елизаветой Нестеровой* группа координации передач и другой помощи задержанным демонстрантам, численность которой во время массовых несогласованных акций 2017–2019 годов достигала нескольких сотен человек.

Организация помощи заключённым анархистам и антиавторитарным активистам «*Анархический Чёрный Крест*».

Группа активистов, объединённых в инициативу «*Сказки для политзаключённых*», с 2015 года ведущая переписку с содержащимися под стражей по политическим мотивам.

Отдельные гражданские активисты, помогающие политзаключённым, из которых можно выделить бывшего политзаключённого по делу о событиях 6 мая 2012 на Болотной площади *Владимира Акименкова*, каждый год привлекающего несколько миллионов рублей в качестве помощи жертвам политического преследования.

Данный список является заведомо неполным и не претендующим на перечисление всех инициатив такого рода, однако его ценность заключается в том, что он позволяет примерно представить масштабы помощи политзаключённым, разнообразие её форматов и то, насколько активно в неё с каждым годом включаются жители России.

7.4. Краудфандинг.

Сбор помощи жертвам политических репрессий является важной частью кампаний по их освобождению и деятельности формальных и неформальных правозащитных организаций и групп. Его можно разделить по методам сбора, по степени его формализации, и по направлению назначения платежей.

Основными методами краудфандинга в поддержку политзаключённых являются сбор денежных средств через интернет и пожертвования в наличной или безналичной формах в ходе массовых акций в поддержку политзаключённых. Иные формы сбора, например, с использованием SMS-сообщений, российскими правозащитными и общественными организациями фактически не применяются. Среди них выделяется только продажа книг, одежды, аксессуаров с атрибутикой тех или иных общественных кампаний, которая привлекает сравнительно незначительные средства, однако, имеет важное самостоятельное агитационное значение.

Краудфандинг имеет свои особенности в зависимости от степени формализации способов привлечения денежных средств сторонников. В самых простых случаях речь идёт о сборе пожертвований на банковские карточки или электронные кошельки, в т.ч. с использованием криптовалют, которые популярны в среде анархистских и либертарианских объединений и использовались для сбора помощи на защиту **Азата Мифтахова** и других политзаключённых. Некоторые правозащитные организации («**ОВД-Инфо**») и правозащитно-ориентированные СМИ («**Медиазона**», «**Новая газета**»), однако, апробировали и успешно внедрили более сложную систему ежемесячных платежей, сравнимую с теми, которые применяют благотворительные фонды. В качестве преимуществ такого рода ежемесячных пожертвований сами активисты и журналисты отмечают сравнительное постоянство такого рода платежей, позволяющее планировать работу в среднесрочной перспективе, и усиление лояльности жертвователей, регулярно получающих отчёты о расходовании средств и почтовые подписки с перечислением наиболее важных статей и стратегических кейсов. Сбор наличных и безналичных средств в ходе массовых акций в поддержку политзаключённых тоже может носить различный характер – от простого сбора с использованием ящика для пожертвований до тематической интеграции сбора, когда он становится неотъемлемой частью мероприятия, в частности в ходе проведения благотворительных аукционов в поддержку политзаключённых и членов их семей.

Что касается назначения платежей, то их условно можно разделить на сбор непосредственно политзаключённым и преследуемым по политическим мотивам (в т.ч. подвергнутым штрафам в связи с участием в массовых акциях в поддержку политзаключённых, например, после акции 12 июня 2019 в поддержку **Ивана Голунова**) и общий краудфандинг в пользу профильных НКО и СМИ. Разница между двумя этими видами краудфандинга заключается в том, что во втором случае часть собранных средств неизбежно тратится на поддержание работы организованной правозащитной структуры, ведущей сбор. Это, тем не менее, не может быть отнесено к его недостаткам в связи с тем, что эти расходы, связанные с профессионализацией деятельности по защите политзаключённых, позволяют повысить объём привлекаемых средств и оказываемой им юридической, информационной и иной помощи.

Суммы, собираемые правозащитными организациями и группами, пока являются несопоставимыми с теми, которые собирают социально-ориентированные некоммерческие организации, однако имеют очевидную тенденцию к росту. Особенно ярко эта тенденция проявилась на фоне политического кризиса на фоне выборов в Мосгордуму в Москве и скандала с делом **Голунова**. Так, ежемесячные сборы активно помогавшего участникам массовых акций, подвергнутым административным и уголовным репрессиям, «**ОВД-Инфо**» в этот период выросли с менее 700 тысяч рублей весной до более 3 миллионов

рублей осенью, оставшись на этом уровне даже после наступления периода относительной нормализации обстановки. Успешно реализуется краудфандинговая кампания «Медиазоны», редакция которой к концу 2018 года добилась ежемесячного сбора 1 миллиона рублей за счёт оформления регулярных пожертвований со стороны читателей и продолжала наращивать их объём. Сбор «Мемориала» с целью компенсации необоснованных штрафов позволил в течение относительно короткого периода собрать 4,7 миллиона рублей.

7.5. Публичные акции.

Публичные акции и мероприятия в поддержку политзаключённых являются распространённым способом проявления солидарности с ними. Они популярны среди активистов и инициативных групп как в силу относительной простоты и доступности организации, так и из-за того, что позволяют донести информацию о политзаключённых до широких слоёв общества, создают инфоповоды для СМИ, позволяют эффективно мобилизовывать сторонников и привлекать их к помощи политзаключённым. Также на таких акциях в ряде случаев удаётся организовать фандрайзинг в поддержку жертв уголовного и административного преследования.

С января 2018 года по сентябрь 2019 года включительно акции в поддержку политзаключённых происходили регулярно. Фактически, в этот период они были одним из важнейших проявлений протестной активности. Богатство практических форм проводившихся акций весьма велико. Не умаляя его, типологически эти акции можно разделить на несколько основных видов.

Публичные акции в обозначенный период были как узконаправленными, в которых требование освобождения политзаключённых было главным и единственным, так и с более широким набором политических и социально-экономических требований. Так фактически ни одна крупная акция московской оппозиции не обходилась без наличия больших групп протестующих, требовавших освобождения политзаключённых; их освобождение было одним из основных требований оппозиции во время летних митингов 2019 года. Это позволяет говорить об общепозиционных акциях протеста как о неотъемлемой части движения за освобождение политических заключённых даже в тех случаях, когда основными лозунгами на них были требования отменить пенсионную реформу или зарегистрировать оппозиционных кандидатов в Московскую городскую думу.

Публичные мероприятия при этом принимали форму как согласованных шествий, митингов и групповых пикетирований, а также не требующих согласования одиночных пикетов, так и несогласованных шествий и сходов. Одной из форм массовых акций в поддержку политзаключённых и иных жертв политических репрессий при этом являлись не требующие согласования мероприятия в закрытых помещениях, которые проходили в виде благотворительных концертов и вечеров, круглых столов, панельных дискуссий, благотворительных вечеринок, презентаций правозащитных докладов и смешанных мероприятий, сочетающих в себя различные форматы.

Наконец, все вышеперечисленные акции делились по частоте проведения на регулярные и разовые. Первый тип акций преимущественно проводился общественными организациями, поддерживающими политзаключённых на постоянной основе. В качестве их примера можно назвать благотворительные вечера в поддержку политзаключённых в *Сахаровском центре* – в рассматриваемый период они были проведены в общей сложности 11 раз. Второй тип акций чаще всего был реакцией общества на отдельные наиболее вопиющие случаи преследования, такие, как «*Московское дело*», дела **Голунова**, **Азата Мифтахова**, «*Нового величия*» и запрещённой «*Сети*».

7.6. Массовые общественные кампании.

На практике все упомянутые формы общественной активности, направленные на информирование общества о политических репрессиях, помощь политическим заключённым, сбор средств для них, тесно связаны друг с другом и дополняют друг друга. Зачастую, например, серии пикетов дополняются сбором подписей под онлайн-петициями, сбор пожертвований на специально организованных для этого мероприятиях – с распространением информационных сообщений в социальных сетях. Во многих случаях, когда конкретное дело или узник привлекают достаточно большое общественное внимание, можно говорить уже не просто о наборе отдельных взаимодополняющих акций, но о своего рода интегрированной кампании. Такие кампании характеризуются масштабом, длительностью и разнообразием используемых инструментов.

Инициативные группы, часто состоящие из родных и знакомых жертв репрессий, их коллег, сподвижников и единомышленников, стремящиеся привлечь к конкретным делам внимание общества, создать такой уровень общественного давления на власть, с которым она была бы вынуждена считаться, возникают довольно часто. Однако усилия таких групп оказываются успешными, находят отклик в обществе и порождают интегрированную общественную кампанию

в упомянутом выше смысле далеко не всегда. Подробный анализ факторов, влияющих на потенциал того или иного случая политически мотивированного уголовного преследования стать причиной или поводом массовой общественной кампании, требует социологических исследований. Тем не менее, какие-то из таких факторов представляются достаточно очевидными. Важную роль в мобилизационном потенциале конкретного кейса играет возможность для значимой и активной части общества поставить себя на место жертвы, увидеть в уголовном деле потенциальную угрозу лично для себя. Именно это, как представляется, в своё время было одним из важных факторов массовой поддержки фигурантов *«Болотного дела»*, а в 2019-м году – *«Московского дела»*. В массовых уличных протестах участвовали десятки тысяч людей, ещё больше людей поддерживали их требования, не решаясь выйти на улицу сами. И те, и другие воспринимали преследование по ложным обвинениям случайно выбранных участников публичных акций как угрозу себе лично, понимали, что вполне могли бы оказаться на месте жертв. Также существенным представляется характер вменяемого преступления, чем более он абсурден и нелеп, чем проще увидеть необоснованность преследования без специальных изысканий, тем больше шансы жертвы такого преследования получить поддержку. И явное нагромождение публичной лжи в деле **Ивана Голунова**, и очевидная и заведомая невиновность **Павла Устинова** и **Константина Котова** были важными факторами их общественной поддержки. Бесспорно, большую роль играет профессиональная и групповая принадлежность жертвы. В общем, преследование журналиста или правозащитника, например, прямо или косвенно обусловленное его деятельностью, способно вызвать гораздо больше солидарности, чем преследование предпринимателя. И дело тут не только в более явной общественной полезности работы журналиста и правозащитника, но и в больших организованности, активности, независимости от власти профессиональных групп, к которым они принадлежат, наличию у этих групп информационных и адвокатских возможностей. Яркие примеры тут – дела **Юрия Дмитриева**, **Оюба Титиева**, уже упомянутого **Ивана Голунова**. Наконец, нельзя отбросить и факторы, связанные с личностью жертвы преследования. Как показывает опыт, совсем юный или, наоборот, очень пожилой человек, внешне привлекательный, серьезно больной, женщина вызывают больше сочувствия и солидарности, чем те, кто не обладает или не наделяется обществом такими свойствами. Такая «предвзятость» общества ярко проявлялась, например, в связи с преследованием **Егора Жукова**, **Амира Гилязова**, **Зарифы Саутиевой**, **Анны Павликовой** и **Марии Дубовик**.

Разумеется, это лишь наиболее очевидные, бросающиеся в глаза свойства дел, вызывающих наиболее активную общественную поддержку. В реальности наиболее массовые кампании общественной солидарности с политзаключёнными имеют место в ситуациях, когда сочетаются несколько упомянутых факторов.

Комплексная общественная кампания может иметь организационное ядро, группу, осуществляющую её общую координацию или, по крайней мере, претендующую на осуществление такой координации, но сколько-нибудь успешная и массовая кампания обязательно имеет и значимый сетевой компонент. Отвечая на существующий общественный запрос, выражая значимые общественные настроения, такая кампания не может состояться иначе, как соединяя вместе множество разных инициатив и откликов.

Такие кампании имеют большую ценность, позволяя обществу и СМИ ясно видеть конкретные яркие примеры политически мотивированных дел, мобилизуя общество за пределами сравнительно узкого круга гражданских, политических и правозащитных активистов, усиливая солидарность с российскими политзаключёнными за пределами страны. В качестве наиболее значимых и медийных кампаний в поддержку политзаключённых, имевших место в рассматриваемый период, в первую очередь, можно упомянуть кампании в поддержку политзаключённых, обвинявшихся по делу запрещённой «Сети», делу «Нового величия», дела о якобы имевших в центре Москвы 27 июля 2019 года массовых беспорядках, кампания в поддержку нашего коллеги из Чечни **Оюба Титиева** и пленных украинских моряков.

Все вышеперечисленные кампании использовали стандартный правозащитный инструментарий: работу со средствами массовой информации, с правозащитными организациями, активистскими группами, организовывали краудфандинг, проводили согласованные и несогласованные акции, собирали подписи с требованием освобождения политических заключённых, в той или иной степени включали в себя международную адвокацию. В некоторых кампаниях использовались и более редкие инструменты, например, выпуск «мерча» в поддержку фигурантов дела запрещённой «Сети» или подписания десятков открытых писем в поддержку обвиняемых участников акций протеста в Москве представителями различных профессиональных сообществ.

7.7. Общественные наблюдательные комиссии.

Общественные наблюдательные комиссии по защите прав человека в местах принудительного содержания действуют в Российской Федерации с 2008 года на основании Федерального закона **«Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»**. Ключевой задачей общественных наблюдательных комиссий, указанной в законе, является «осуществление общественного контроля за обеспечением прав

человека в местах принудительного содержания». Само их создание явилось, в значительной степени, реакцией на запрос гражданского общества на системный контроль за закрытой системой мест принудительного содержания, по самой своей природе имеющей склонность к нарушению прав человека в большей степени, чем это неизбежно, необходимо и разрешено законом для целей принудительного содержания.

В конструкцию формирования и деятельности ОНК с самого начала были заложены ограничения, направленные на затруднение выявления нарушений прав человека. Отбор членов комиссий в рамках достаточно сложных бюрократических процедур осуществляется абсолютно непрозрачно в отсутствие формальных критериев предпочтения одних кандидатов и отказа другим. Сама по себе численность комиссий (в настоящее время 40 человек на один субъект Федерации) абсолютно недостаточна для обеспечения своевременного и качественного контроля за соблюдением прав человека. Запрет на получение членами ОНК любого материального вознаграждения за свою деятельность по осуществлению общественного контроля не позволяет им в большинстве случаев полноценно сосредоточиться на этой деятельности в период осуществления полномочий члена комиссии. Эти и другие законодательные препоны для полноценного общественного контроля за местами принудительного содержания были усилены поправками, внесенными в профильный закон в 2018-м году, в частности, лишившими права на выдвижение кандидатур в состав ОНК *«общественные объединения, включённые в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента»*, т.е. большую часть наиболее сильных и эффективных правозащитных НКО.

И на практике каждый цикл формирования новых составов ОНК сопровождался скандалами, вызванными тем, что многие наиболее активно проявившие себя в предыдущем составе комиссий кандидаты, равно как и кандидаты, обладающие знаниями и практическим опытом защиты прав человека, не включались в новый состав. Вместо них состав комиссий заполняли зачастую представители квази-общественных организаций, аффилированные с ФСИН и другими правоохранительными органами.

Фактически общественные наблюдатели лишены полномочий каким-то образом бороться с выявляемыми нарушениями, поэтому основная возможность воздействия на ситуацию, которая есть у членов ОНК, – предание гласности тех нарушений, которые им удаётся выявлять при посещении мест принудительного содержания.

При том, что задачей общественных наблюдательных комиссий является выявление нарушений прав всех лиц во всех разнообразных местах принудительного содержания, причем, фактически, в первую очередь, нарушений, связанных

собственно с условиями содержания, жертвы незаконного политически мотивированного уголовного преследования привлекали зачастую к себе особое внимание многих членов ОНК. Это, очевидно, с одной стороны, связано с тем, что, помимо общих для всех нарушений, связанных с условиями содержания, оказания медицинской помощи, питанием и т.д., очевидным нарушением прав человека является сам факт уголовного преследования и принудительного содержания этих людей в изоляторах временного содержания, следственных изоляторах и учреждениях уголовно-исполнительной системы, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Эта ситуация вполне естественно привлекала к политзаключённым особое внимание тех общественных наблюдателей, участие которых в работе ОНК было мотивировано желанием защиты прав человека. С другой стороны, уголовные дела в отношении политзаключённых часто вызывают большой общественный резонанс, освещаются СМИ, становятся публичными событиями не только в масштабах страны, но и на международном уровне. Это не только вызывает интерес у журналистов, входящих в состав комиссий, но и зачастую вынуждает даже не слишком приверженных делу защиты прав человека членов ОНК реагировать на общественный запрос и осуществлять контроль соблюдения прав политзаключённых.

Широкую известность получила роль общественных наблюдателей Санкт-Петербурга *Я. Теплицкой, Е. Косаревской* и *Р. Ширшова* в выявлении и предании гласности фактов пыток, применявшихся к обвиняемым по т.н. делу «Сети», и других нарушений их прав при содержании под стражей. Благодаря этим же членам ОНК стало известно о пытках в отношении политзаключённого П. Зломнова.

Члены ОНК Москвы правозащитники *Е. Еникеев* и *А. Гарина*, журналистки *Е. Меркачёва* и *К. Сагиева* не раз посещали фигурантов т.н. «Московского дела», дела «Нового Величия», **И. Голунова, А. Мифтахова**, украинских моряков, обвинявшихся в нарушении государственной границы РФ, других политзаключённых, фиксировали нарушения их прав.

Члены ОНК Кировской области *А. Абашев, Д. Шадрин* контролировали соблюдение прав, содержащихся в исправительных области политзаключённых.

К сожалению, заложенные в систему общественного контроля ограничения, усилия по недопуску правозащитников в состав ОНК и снижению эффективности работы комиссий, предпринимавшиеся на протяжении всех лет их существования, дают свои плоды. Во многих регионах ОНК либо не хотят, либо не могут обеспечить эффективный контроль соблюдения и выявление нарушений прав человека в местах принудительного содержания. Это касается прав всех лиц, содержащихся в таких местах, включая и политзаключённых. Даже в тех регионах, где в составе комиссий есть активные члены, готовые

осуществлять реальный контроль за соблюдением прав человека, они составляют в этих комиссиях меньшинство, сталкиваются с разного рода препятствиями и не в силах обеспечить на систематической основе такой контроль за соблюдением прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания в целом и политзаключённых, в частности.

Внимание членов ОНК к политзаключённым и другим жертвам уголовного преследования, имеющего явные признаки незаконности и политической мотивации, не раз вызывало негативную реакцию со стороны представителей ФСИН и других государственных структур. Представляется, что стремление ограничить возможности общественных наблюдателей в выявлении нарушений, связанных с политически мотивированным уголовным преследованием, сыграло не последнюю роль в поправках в закон **«Об общественном контроле...»**, внесённых в 2018-м году. Этими поправками, в частности, были дополнительно ограничены возможности обсуждения членами ОНК с лицами, содержащимися в местах принудительного содержания, вопросов, *«не относящихся к обеспечению прав подозреваемых и обвиняемых в местах принудительного содержания»*. Мы полагаем, что этот же фактор повлиял и на то, что, в частности, большинство из упомянутых выше членов общественных наблюдательных комиссий не вошли в их новые составы, сформированные в 2019-м году.

7.8. Уполномоченный по правам человека в РФ и Совет по правам человека при Президенте РФ.

Официальные правозащитные органы, Уполномоченный по правам человека в РФ, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в своей реакции на проблему политзаключённых и, в целом, политически мотивированного уголовного преследования проявляют двойственность, определяемую самой их природой. С одной стороны, провозглашённая цель создания этих институтов – содействие соблюдению прав и свобод человека. Согласно **ст. 1 Федерального конституционного закона «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»**, эта должность учреждается

«в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами», согласно Положению об СПЧ, он образован, в частности, «в целях оказания содействия главе государства

в реализации его конституционных полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина», «содействия развитию институтов гражданского общества в Российской Федерации».

С другой стороны, оба института встроены в де-факто неразделенную систему власти, формируются ею, зависят от неё и существенно ограничены этими обстоятельствами в реализации своих правозащитных целей.

При этом, несмотря на формальный статус, закреплённый в Федеральном конституционном законе, предусмотренные им номинальные независимость и неподотчётность, и наличие определенных, хотя и весьма ограниченных полномочий, Уполномоченный и его аппарат, являясь фактически частью чиновничье-бюрократической государственной машины, оказываются гораздо более осторожными и непоследовательными в защите прав и свобод человека, чем Совет по правам человека при Президенте, являющийся хотя и чисто консультативным, но зато в значительной части общественным органом.

Уполномоченный по правам человека в РФ, которым в этот период являлась *Т. Н. Москалькова*, публиковала доклады о своей деятельности в 2018-м году и 2019-м году.

В отчётах и сообщениях СМИ упоминается о том, что она посещала в учреждениях ФСИН украинских политзаключённых: моряков, обвинённых в нарушении российской границы и **О. Сенцова, Н. Карпюка, Д. Штыбликова, В. Балуха**.

Посещения украинских узников, насколько можно судить, в большой степени были обусловлены внешнеполитическими обстоятельствами и большим вниманием к этим делам со стороны иностранных государств и международных организаций. Насколько и во всех ли случаях эти визиты содействовали соблюдению прав политзаключённых судить трудно, но, например, адвокат осуждённого **Балуха** сообщал, что условия содержания последнего после посещения *Москальковой* ухудшились. Как сообщалось в отчёте Уполномоченного за 2019-й год, она внесла большой вклад в подготовку и осуществление российско-украинского обмена заключёнными в формате 35 на 35.

Внимание Уполномоченного к политзаключённым – гражданам России было существенно меньшим. Сообщалось о посещении ею обвиняемого по делу «Сети» **И. Шишкина**. Также *Т. Москалькова* публично высказывалась в связи с некоторыми политическими делами, вызвавшими особенно большой общественный резонанс и массовые протестные кампании: **И. Голунова, П. Устинова, К. Котова**, «Нового Величия». Такие публичные высказывания полезны, так как придают дополнительный вес ведущимся общественным кампаниям. В то же время по делам **Голунова** и **Устинова** Уполномоченный высказала сомнения в обоснованности обвинений, меры пресечения или приговора в момент, когда

эти общественные кампании достигли такого масштаба, а невиновность обвиняемых была настолько очевидна, что схожую позицию уже успели высказать представители официальных СМИ и власти, для которых защита прав человека обычно вовсе не характерна.

Редкие случаи не только высказываний, но и действий Уполномоченного в защиту прав политзаключённых и жертв политически мотивированного лишения свободы, о которых нам удалось узнать, это обращение Т. Москальковой во ФСИН в связи с жалобами на избиение **С. Мохнаткина** и отказ ему в медицинской помощи, запрос в *Конституционный суд* с просьбой разъяснения положений постановления по жалобе *И. Дадина* в связи с приговором, вынесенным в отношении **К. Котова**, обращение к властям Чеченской Республики для установления места нахождения **О. Титиева** после его задержания и позднее к руководству МВД с просьбой о передаче дела **О. Титиева** для расследования вне Чеченской Республики, обращение в прокуратуру по поводу обоснованности привлечения журналистки **С. Прокопьевой** к уголовной ответственности по обвинению в оправдании терроризма, запросы Уполномоченного в прокуратуры субъектов Федерации в связи с уголовными делами в отношении *свидетелей Иеговы*, в результате которых «шести гражданам мера пресечения в виде заключения под стражу изменена на домашний арест, подписку о невыезде; в отношении одного гражданина выявлены допущенные следственными органами нарушения».

По делу «*Нового Величия*» участие Уполномоченного выразилось в публичной поддержке требования перевода из-под стражи под домашний арест только девушек, **А. Павликовой** и **М. Дубовик**, двух из десяти обвиняемых, остальные из которых мужчины. Нам не удалось найти информации о какой-то реакции Уполномоченного на обращение к ней другого обвиняемого по этому делу, **В. Крюкова**, подкрепленное голодовкой. Аналогично не удалось найти информации о реакции *Т. Москальковой* на обращение женской общественности Северного Кавказа в связи с содержанием под стражей политзаключённой **З. Саутиевой**, безосновательно обвиняемой в организации насилия в отношении представителей власти в ходе митинга в Магасе в марте 2019 года, и неоднократные обращения родных обвиняемых по делу «*Сети*», просивших расследовать пытки, применявшиеся к их близким, и не допустить их применения вновь. Не нашли сообщения о пытках в отношении обвиняемых по этому делу или по делу политзаключённого петербуржца **П. Зломнова** отражения в альтернативном докладе Уполномоченного по правам человека к официальному докладу Российской Федерации о выполнении обязательств по Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания для представления в Комитет ООН против пыток.

В отсутствие реакции даже на прямо обращённые к Уполномоченному жалобы, касающиеся нарушения прав политзаключённых, тем более, не приходится удивляться тому, что она в связи с такими нарушениями не пользовалась предоставленным ей **ст. 21 ФКЗ «Об Уполномоченном...»** правом *«при наличии информации о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан либо в случаях, имеющих особое общественное значение... принять по собственной инициативе соответствующие меры в пределах своей компетенции»*.

Впрочем, при всей важности реакции на конкретные случаи политически мотивированного лишения свободы и нарушения прав его жертв, системный и достаточно массовый характер политических репрессий в Российской Федерации требует, в первую очередь, системной реакции.

Как говорится в отчёте Уполномоченного за 2018-й год, она выступала за отмену *«уголовной ответственности за «репосты», установленной ч.1 ст. 282 УК*. Эта позиция, совпавшая с позицией многих не склонных к выражению правозащитных мнений органов и лиц, включая Президента РФ, привела к частичной декриминализации **ч.1 ст. 282 УК РФ** в конце 2018 года. Мы полагаем, что не только позиция Уполномоченного по правам человека, но и общая позиция органов государственной власти, приведшая к такому результату, стали реакцией на рост общественного возмущения произвольными уголовными делами за не представляющие общественной опасности публикации в интернете.

Касаясь другой кампании незаконных политически мотивированных преследований, отчет Уполномоченного за 2018-й год говорит, что

«события, происходящие с последователями свидетелей Иеговы..., заставляют задуматься о необходимости уточнения признаков экстремистской деятельности, указанных в статье 282.2 УК РФ. Безусловно, любая экстремистская деятельность недопустима, но также недопустимы расплывчатые критерии отнесения религиозных материалов к экстремистским, когда фактически любой федеральный судья по своему усмотрению может запретить любую книгу, изображение, видео или аудиозапись». Уполномоченный выражает справедливое мнение о том, что «в целях укрепления гарантий прав граждан требуются чёткие законодательные, а не оценочные критерии, расширяющие административное и судебное усмотрение и позволяющие признавать те или иные материалы и убеждения экстремистскими».

Однако в завершающем доклад разделе «Рекомендации и предложения» никаких предложений, связанных с этими справедливыми замечаниями, нет. Более того, в отчете за 2019-й год, несмотря на усиление репрессий в отношении свидетелей Иеговы, эта тема уже вовсе не упомянута.

Наконец, необходимо отметить то, что Уполномоченный встретила в феврале 2019 г. с родными мусульман, обвиняемых и осуждённых по обвинениям в участии в запрещённой в РФ в качестве террористической организации «Хизб ут-Тахрир». По итогам была создана рабочая группа, одна из заявленных задач которой – изучение обоснованности уголовного преследования в связи с этими обвинениями, и, в частности, решения Верховного Суда РФ 2003-го года, признавшего «Хизб ут-Тахрир» террористической организацией. Несмотря на отсутствие пока практического результата, эти действия представляются важным шагом к признанию существования исключительно актуальной проблемы, необходимому для того, чтобы, в конце концов, найти ее решение. Именно эта группа является самой массовой в списках политзаключённых ПЦ «Мемориал».

Позиция Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по вопросам, касающимся политзаключённых и политически мотивированного уголовного преследования в целом, была гораздо более внятной, несмотря на все ограничения, связанные со статусом этого органа как консультативного при Президенте и отсутствием у него полномочий.

Сообщалось о научно-консультационных заключениях, которые Совет подготовил по громким политическим делам О. Титиева и К. Котова.

На заседании Совета публично привлекали внимание В. Путина к делам политзаключённых, преследуемых по делам «Сети» и «Нового Величия» и нарушениям их прав.

Совет публично высказывал оценку приговоров К. Котову и П. Устинову как незаконных и обращался в связи с ними в прокуратуру, Председатель Совета М. Федотов неоднократно высказывал осуждение уголовного преследования О. Титиева, обращался в этой связи в следственные органы, прокуратуру и суд, публично высказывался и обращался в МВД и прокуратуру в связи с преследованием И. Голунова, А. Гаджиева, Ю. Дмитриева и других жертв политически мотивированного незаконного преследования, обращался к правоохранительным органам с заявлениями о проверке обоснованности применения силы к участникам летних протестов в Москве и возбуждения уголовного дела о массовых беспорядках в связи с ними. Также М. Федотов по запросам Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека неоднократно обращался во ФСИН с запросами о положении содержащихся в РФ украинских политзаключённых.

Совет по правам человека выступил с заявлением в связи с возбуждением первого в России уголовного дела по **ст. 284.1 УК РФ** против **А. Шевченко**.

Ещё чаще публично высказывались по конкретным делам политзаключённых, посещали судебные заседания и даже выступали поручителями в суде отдельные члены Совета, что, благодаря их статусу, существенно содействовало общественной поддержке жертв репрессий. Комментаторы и СМИ связывают именно с этим обстоятельством исключение из состава Совета по правам человека таких его членов, как *Е. Шульман*, *И. Шаблинский*, *П. Чиков* и замену *М. Федотова* на *В. Фадеева* в качестве Председателя Совета.

Несмотря на то, что члены Совета работают на общественных началах, Советом были подготовлены и более общие документы, касающиеся нормативной базы и правоприменительной практики, порождающих случаи политически мотивированного уголовного преследования.

Так Советом ещё летом 2018 года были приняты Рекомендации по совершенствованию законодательства о противодействии экстремизму и практики его применения. Ими, в частности, предлагается сузить легальное определение экстремистской деятельности; использовать в качестве квалифицирующего признака экстремистской деятельности признак насилия; декриминализовать **ч.1 ст. 282 УК РФ** (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства); сузить диспозицию этой статьи, убрав из неё упоминание «унижения достоинства» и «социальной группы»; декриминализовать **ч.1 ст. 148 УК РФ** (Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий); установить для статей **УК РФ**, в которых идёт речь о публичных высказываниях, правило исчисления срока давности с момента соответствующей публикации в сети Интернет или с момента последних активных действий обвиняемого по привлечению внимания к такой публикации («саморепост», «закрепление записи» и т.п.); изменить подследственность дел по **ст. 280** и **280.1 УК РФ**, передав их в подследственность органов *Следственного комитета Российской Федерации*; внести в законодательство изменения, исключающие возможность признания организаций экстремистскими в закрытых судебных заседаниях, а равно в отсутствие представителя организации или надлежащего её уведомления; ликвидировать Федеральный список экстремистских материалов. Также в документе содержатся рекомендации по устранению очевидных пороков правоприменительной практики по таким делам.

В 2019-м году Советом была подготовлена Справка об отдельных аспектах правоприменительной практики по ст. 205.5, 282 Уголовного кодекса Российской Федерации и направлено на основе обращения в *Верховный суд РФ*. В справке аргументированно указывается на необходимость более развернутого истолкования *Верховным Судом РФ* признаков объективной и субъективной стороны закреплённых в **ч.1 и 2 ст. 205.5** и **ч.1 и 2 ст. 282.2 УК РФ** таких составов преступлений как продолжение или возобновление усилий по организации деятельности запрещённой террористической или

экстремистской организации и «участию» в таковой. Совет предлагает устранить имеющуюся правовую неопределенность, приводящую к формальному подходу со стороны судов, нарушающему принцип презумпции невиновности.

Выводы и рекомендации обоих документов Совета направлены на ограничение и сокращение наиболее распространенных форм политически мотивированного уголовного преследования.

Весьма неоднородный состав Совета и двойственность его положения представителя гражданского общества в интересах прав человека при Президенте, руководящего деятельностью по массовому нарушению этих прав, неизбежно ограничивали его возможности и готовность реагировать на случаи политически мотивированного уголовного преследования и на это явление в целом. Эта непоследовательность и неоднозначность не раз вызывали критику со стороны общества и средств массовой информации.

7.9. Выступления и инициативы представителей власти.

Проявления массового общественного возмущения наиболее явными и грубыми случаями политически мотивированного незаконного уголовного преследования и лишения свободы иногда вынуждают высказывать их осуждение и предлагать меры по изменению ситуации не только официальные правозащитные институты, но и представителей власти.

Так, рост числа случаев очевидно произвольного необоснованного преследования по **ст. 282 УК РФ** (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) и связанное с ним общественное возмущение вызвали целый ряд публичных заявлений и инициатив, завершившийся в конце 2018-го года частичной декриминализацией **1 части** этой статьи.

Только в 2018-м году в *Государственную Думу* было внесено 3 законопроекта о полной или частичной декриминализации этой статьи.

В январе группой депутатов от ЛДПР (*В. В. Жириновский, В. Е. Деньгин, Я. Е. Нилов, А. Н. Диденко, М. В. Дегтярёв, Е. В. Строкова, А. Б. Курдюмов, А. Н. Шерин, В. М. Власов*) было внесено предложение полной отмены **ст. 282 УК РФ**.

В пояснительной записке депутаты справедливо указывали:

*«Состав преступления, предусмотренный **статьёй 282 Уголовного кодекса Российской Федерации**, отличает крайняя некорректность. ... Он значительно выходит за пределы запрета, установленного статьей 29 Конституции Российской Федерации...»*

Также группа депутатов обоснованно утверждала, что основным признаком состава преступления, характеризующим общественную опасность действий, описанных в **ст. 282 УК РФ**, «является их направленность на «возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц», то есть целевой признак, относящийся к субъективной стороне» и что такая конструкция уголовной нормы «... открывает простор для субъективизма правоохранительных органов, поскольку наличие такого признака трудно доказать, но легко приписать». Наконец, в качестве аргумента в пользу отмены статьи указывалось на то, что

*«состав преступления по **статье 282 ...** открывает возможности для личной заинтересованности при возбуждении и ведении уголовного дела. Нечёткая и широкая формулировка может использоваться против гражданина и в политических целях. В какой-то степени статья **282** является потенциальным инструментом для борьбы с лицами, несогласными с действующим политическим курсом, и, таким образом, легализует политическую цензуру».*

Проект получил отрицательные отзывы Правительства РФ и амбивалентный, но скорее, критический отзыв *Верховного Суда РФ*.

Следует отметить, что хотя *ЛДПР* и лично *В. В. Жириновский* не раз выступали публично за отмену **ст. 282 УК**, апеллируя, в первую очередь, к тому что, по их утверждениям, это «*антирусская*» статья, эта позиция в силу сложившегося имиджа обычно не воспринималась всерьёз и представлялась элементом популистской риторики в рамках роли, отведённой *ЛДПР* в конструкции власти. Такое восприятие подкреплялось непоследовательностью высказываний представителей партии. Например, в ходе дебатов кандидатов в Президенты в марте 2018-го года, отвечая *К. Собчак*, призвавшей к отмене **282-й статьи УК РФ**, *В. Жириновский* заявил, что эту статью полностью отменять нельзя, так как «если будет статья отменена, то вся страна зальётся пожарами межэтнических столкновений, межрелигиозных».

Более последовательной и в большей степени нацеленной на достижение результата представлялась позиция депутата *ГД РФ* от *КПРФ* **С. Шаргунова**. Он неоднократно озвучивал её в СМИ, а на «Прямой линии» с **В. Путиным** 7 июня 2018 года привлек внимание последнего к тому, «Если буквально воспринимать **282-ю статью УК**, то надо посмертно осудить Пушкина, Достоевского,

Маяковского, а их произведения изъять», указав на то, что статья часто необоснованно применяется к пользователям социальных сетей. В. Путин ответил: «Не нужно доводить всё до маразма и до абсурда. Давайте мы в рамках ОНФ вместе проанализируем, что происходит. Нужно привлечь Верховный суд определиться с понятиями».

25 июня 2018 года депутаты С. А. Шаргунов (КПРФ) и А. А. Журавлёв (впоследствии отозвал свою подпись), к которым позднее присоединился депутат от КПРФ О. Н. Смолин внесли предложение частичной декриминализации **статьи 282 УК**. Согласно их проекту, из диспозиции статьи должны были быть убраны признаки «публичности» и «использования СМИ или информационно-телекоммуникационных сетей», в оставшейся части деяния, предусмотренные **ч.1 ст. 282** должны были преследоваться по **Кодексу об административных правонарушениях**, а уголовное наказание сохранялось только за деяния, имеющие квалифицирующие признаки, указанные в **ч.2**. Авторы законопроекта указывали на неопределённость установленной статьей уголовно-правового запрета, на недостаточную для установления уголовной ответственности общественную опасность одного лишь наличия публичности или использования СМИ и интернета при осуществлении предусмотренных статьей деяний, на неизбежную субъективность оценки характера действий или распространяемой информации, в связи с которыми осуществляется уголовное преследование, на неоднозначность понятий «социальная группа» и «раса», на отсутствие единообразия в применении статьи.

Вероятно, не без влияния публичного высказывания президента РФ проект поддержало *Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ*, а Заместитель председателя комитета *Совета Федерации* по конституционному законодательству *Елена Афанасьева* и вовсе предложила отменить наказание за репосты, сказав: «Мы поступательно движемся по пути гуманизации уголовного законодательства, и не очень справедливо оставлять в нём такую норму».

Пресс-секретарь президента России *Дмитрий Песков*, комментируя инициативу депутатов, заявил:

«Формалистский подход неуместен, когда приобретает гипертрофированные формы. Нужно регулировать. Это не значит, что нужно способствовать распространению этой информации, но надо оградить граждан от случаев, которые являются если не курьезными, то резонансными».

Даже заместитель начальника главного управления по противодействию экстремизму МВД (центра «Э») *Владимир Макаров* заявил, что репосты и лайки в соцсетях не должны становиться основанием для возбуждения уголовных дел об экстремизме.

Однако проект не успел дойти до рассмотрения даже в профильном комитете Госдумы к тому моменту, как 03.10.2018 г. свой проект частичной декриминализации **ст. 282 УК** внёс в Думу Президент РФ. Обоснование его в пояснительной записке было весьма скупым и сводилось фактически к тому, что не во всех случаях привлечение к уголовной ответственности за деяния, предусмотренные **ч.1 ст. 282 УК РФ** является обоснованным». Можно полагать, что на решение президента выступить с этой хотя и весьма скромной, но все же полезной инициативой повлияло, среди прочего серьёзное общественное возмущение серией дел по **ст. 282 УК**, возбужденных летом 2018 г. в Алтайском крае (см. раздел 3.2 настоящего доклада).

Президентский законопроект был оперативно рассмотрен и принят *Государственной Думой*, одновременно были отклонены все конкурирующие законопроекты.

Выступления официальных лиц с призывами к системным, законодательным изменениям, имевшие место в связи с борьбой против преследования за репосты, в целом, всё же были необычным явлением. Чаще разного рода официальные лица, обычно оправдывающие и поддерживающие любые репрессивные действия, высказывались в противоположном духе по конкретным уголовным делам. Причём в тех случаях, когда такие высказывания имели место, они были реакцией на мощное общественное возмущение и часто производили впечатление попыток «сохранить лицо» власти. Они обычно делались в тот короткий промежуток времени, когда решение исправить слишком возмутительную ситуацию, по всем признакам, уже было принято, но ещё не было исполнено. Публичное присоединение к осуждению нарушений в конкретном уголовном деле кажется направленным на то, чтобы это исправление в меньшей степени выглядело вынужденной уступкой общественному мнению, а в большей – добровольным актом восстановления справедливости.

Одним из характерным примеров такого рода стало выступление Председателя *Совета Федерации В. Матвиенко* 11 июня 2019 года. Она заявила:

*«Ситуация вокруг задержания журналиста **Ивана Голунова** вызвала большой общественный резонанс, острую реакцию коллег-журналистов, для этого были основания. Уже озвучены факты допущенных ошибок, нарушений. Они, конечно же, вызывают недоверие к следственным органам».*

Через несколько часов после её заявления уголовное преследование **И. Голунова** было прекращено из-за недоказанности его участия в совершении преступления, и он был освобожден из-под домашнего ареста.

Другой, не менее характерный пример – заявление, которое сделал в своем *Instagram* секретарь генерального совета «Единой России», вице-спикер Совета Федерации Андрей Турчак.

«Ситуация, в которой оказался актёр Павел Устинов, – вопиющая несправедливость. Это невозможно игнорировать или промолчать... Парень просто стоял возле метро. Он никого не трогал, не нарушал общественный порядок и, конечно, не ожидал задержания... В момент задержания, он, естественно, попытался увернуться. Да, сотрудник Росгвардии упал, споткнувшись. Но на видео отчетливо видно, что Павел ни на кого не нападал, не толкал, даже не трогал. ... Нечестно и несправедливо, что суд не принял во внимание эти видеозаписи и вынес обвинительный приговор, не дав стороне защиты возможность представить все доводы» –

написал он 18 сентября 2019 года. 20 сентября *Генеральная Прокуратура* направила в суд практически беспрецедентное ходатайство об изменении меры пресечения **П. Устинову**, приговоренному к 3.5 годам лишения свободы с содержания под стражей на подписку о невыезде.

Сложнее оценить смысл и значение немногочисленных правозащитных высказываний *В. Путина*.

Выше упомянут его ответ *С. Шаргунову* на «Прямой линии» в 2018-м году. Хотя этот ответ не содержал ясных обещаний исправления ситуации, он, по крайней мере, свидетельствовал о хотя бы частичном признании существования проблемы и стал, видимо, в сочетании с последующим развитием событий (заметным ростом общественного недовольства правоприменительной практикой по **ст. 282 УК РФ**) провозвестником последовавшего через 5 месяцев решения о частичной декриминализации этой статьи.

О громком деле **И. Голунова** *В. Путин* публично высказался лично 20 июня 2019 года, уже после прекращения уголовного преследования журналиста.

«Нужно наладить контроль за деятельностью правоохранительных органов, чтобы не было никаких правонарушений с их стороны, чтобы не было отчётности и из-за этого людей в тюрьму не сажали, чтобы не было таких случаев, как с журналистом, которого чуть в тюрьму не посадили»

– сказал он.

Фактически он признал системность проблемы, однако, отверг версию заказного преследования **Голунова**, связанного с его профессиональной деятельностью, понизив уровень ответственности за фабрикацию дела до исполнителей.

На встрече с Советом по правам человека в декабре 2018 года *В. Путин* сказал в ответ на информацию о преследованиях *свидетелей Иеговы*:

«Мы должны одинаково относиться к представителям всех религий – это правда, но всё-таки учитывать страну и общество, в котором мы живем, тоже нужно. Правда, это совсем не значит, что мы представителей религиозных сообществ должны зачислять в какие-то там деструктивные – даже не то, что в террористические – организации. Конечно, это чушь полная, надо внимательно с этим разобраться. свидетели Иеговы тоже христиане, за что их преследовать, я тоже не очень понимаю».

Он обещал даже проанализировать ситуацию и переговорить об этом с Председателем *Верховного Суда В. Лебедевым*. Тем не менее, за прошедшее с момента высказывания время ситуация с преследованиями *свидетелей Иеговы* не только не улучшилась, но, наоборот, стала ещё хуже. Поскольку представить какие-то объективные препятствия для изменения ситуации, если бы на то была воля президента России, затруднительно, вероятно, эта воля отсутствует, а приведённые слова лишь позволили ему «отстроиться» от репрессивной кампании, вызывающей осуждение как в России, так и в мире.

7.10. Изменения УК и УПК РФ, косвенно влияющие на положение политзаключённых.

Одной из особенностей законотворческой деятельности в России 2010-х годов являются постоянные, часто хаотичные, изменения уголовного законодательства. Так, в течение одного лишь 2018 года **УК РФ** был изменён 19-ю федеральными законами, а **УПК РФ** – 20-ю. Законодательные нормы, являющиеся инструментами политически мотивированных репрессий, и практика их применения для целей таких репрессий, тенденции в этой сфере в 2018–2019 годах описаны, в частности, в Главе 3 данного доклада. Большая же часть изменений российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства в этот период были результатом не реализации целенаправленных усилий, направленных на ужесточение или смягчение политических репрессий, а, скорее, результатом сложного межведомственного взаимодействия, лоббистских усилий отдельных силовых структур, популистских высказываний и предложений высших должностных лиц и т.п. Эти изменения объективно можно разделить на три группы:

1. Предложения, не оказывающие воздействия на положение политических заключённых и иных жертв политических репрессий. Примером этого являются изменения **УК РФ** в результате принятия нормативно-правовых актов, не влияющих на уголовную политику, а регулирующих иные сферы жизни общества. В этом случае изменения **УК** и **УПК РФ** носят практически исключительно технический характер.
2. Изменения, косвенно ухудшающие положение потенциальных политзаключённых, но принятые с «неполитическими» целями. Среди них можно упомянуть ужесточение общеуголовных статей **УК РФ**, например, введение 2 октября 2018 года уголовной ответственности за неисполнение решений об удалении порочащих сведений, размещённых в сети «Интернет» (**ч.1 ст. 315 УК РФ**), ужесточение правил применения УДО и более активное применение в отношении политзаключённых, в частности религиозных мусульман, административного надзора после освобождения.
3. Наконец, стоит упомянуть сравнительно редкие после 2011 года изменения **УК РФ** и **УПК РФ**, которые ведут к снижению репрессивности законодательств, в т.ч. в отношении жертв политических репрессий, но не являются прямо политически мотивированными. Это позволяет отделить такие инициативы от, к примеру, декриминализации **ч. 1 ст. 282 УК РФ**, которая была прямо связана с массовым недовольством массовыми преследованиями по политическим мотивам.

В качестве наиболее важных примеров упомянутых в п. 3 изменений законодательства в последние 2 года, в первую очередь, необходимо выделить изменение **ст. 72 УК РФ** (Исчисление сроков наказаний и зачёт наказания) летом 2018 года и **ст. 30 УПК РФ** (Состав суда), принятое 29 декабря 2017 года, но начавшее применяться с 1 июня 2018 года, а также изменения **главы 47.1 УПК РФ**, расширившие возможности кассационного обжалования вступивших в законную силу судебных актов в кассационной инстанции, и начало деятельности новых апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции.

В первом случае после многолетнего рассмотрения в Государственной думе был принят закон, согласно которому 1 день нахождения в СИЗО был приравнен к 1,5 дням колонии общего режима и к 2 дням колонии поселения, за исключением вынесения приговора по главным образом антитеррористическим и антинаркотическим статьям. Эта мера привела к сокращению сроков наказания значительной части российских политзаключённых, хотя прямо к ним и не относилась.

Изменение **ст. 30 УПК РФ**, о котором идёт речь, подразумевает расширение применения суда присяжных за счёт предоставления права выбора состава суда в виде профессионального судьи и 6 присяжных обвиняемым

в совершении умышленного убийства без отягчающих обстоятельств (**ч. 1 ст. 105 УК РФ**) либо нанесения тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего (**ч. 4 ст. 111 УК РФ**). Данные статьи редко используются при осуществлении политических репрессий, однако нам известны такие случаи, в частности, дело оппозиционного националиста *Даниила Константинова*, преследовавшегося в 2011–2013 годах по явно сфабрикованному обвинению в совершении бытового убийства, или дело приговоренного к пожизненному лишению свободы бывшего сотрудника нефтяной компании *ЮКОС Алексея Пичугина*.

Наконец, в указанный период были внесены поправки в **главу 47.1 УПК РФ** (Производство в суде кассационной инстанции), которые ввели с 1 октября 2019 года принцип сплошной, т.е. без предварительного отбора жалоб, кассации во вновь созданных специальных кассационных судах. Одновременно начали работу сами эти суды, созданные Федеральным конституционным законом от 29 июля 2018 года **№ 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»**.

Эти изменения, теоретически, являются безусловно полезными в связи с расширением возможностей отмены обвинительных приговоров, в т.ч. политически мотивированных, и, насколько мы можем судить, были сдержанно-позитивно восприняты адвокатским и правозащитным сообществами. ПЦ «Мемориал» пока известно единственное применение принципа сплошной кассации в отношении политзаключённых – отмена 2 марта 2020 года Вторым кассационным судом решения апелляционной инстанции, подтвердившей законность вынесения приговора *Константину Котову*, и возвращение дела в *Мосгорсуд*, где срок лишения свободы 20 апреля 2020 года был снижен с 4 до 1,5 лет колонии общего режима.

Оценивая позитивно данные изменения, мы не можем не заметить их выборочность и фрагментарность, типичную для любых сравнительно «либеральных» мер, реализуемых в России в последние годы. Так, перерасчёт сроков лишения свободы оказался не применим к значительной части российских заключённых, в том числе, многим политзаключённым в силу необоснованного запрета законодателем его применения к осуждённым по большой группе статей **УК**. Расширение применения суда присяжных в России идёт с крайне низкой скоростью, в следствие чего права на него до сих пор лишена большая часть обвиняемых даже по особо тяжким статьям, в первую очередь в делах, имеющих явное «государственное» значение (все обвинения в экстремистских и террористических преступлениях). Нельзя не отметить и того, что некоторые важные

изменения законодательства, способные, в частности, привести к освобождению ряда политзаключённых, после долгого обсуждения так и не были приняты. Самым громким в этом плане стало длительное обсуждение изменения **ч. 2 и 3 ст. 228 УК РФ**, предусматривающей наказание за хранение наркотических веществ без цели сбыта, предложения о смягчении которой были отвергнуты лично *В. В. Путиным*.

7.11. Отношение власти к проблеме политзаключённых и их защите.

Российские власти традиционно отвергают наличие в стране политзаключённых. Лично *Владимир Путин* высказывался об этом уже давно. В феврале 2012 года, ещё будучи премьер-министром, он заявил «У нас, по-моему, политических заключённых нет, и слава Богу. Хотя об этом и говорят, не называя фамилий. Хотя бы показали хоть одного человека, кто сидит по политическим соображениям».

Вновь повторил он эту позицию в 2013-м году.

Аналогичное мнение высказал в интервью российским телеканалам в 2013-м году занимавший тогда должность премьер-министра России *Дмитрий Медведев*. «Если вы считаете, что у нас политзаключённые, то я не считаю, что они у нас есть» – заявил он.

Вслед за руководителями государства ту же позицию выражала депутат Государственной Думы РФ *Наталья Поклонская*. Комментируя заявление правозащитников об украинских политзаключённых в Крыму, она сказала: «Развею дымку воображения представителей разного рода правозащитников. В Крыму нет политзаключённых, чего не скажешь о самой Украине».

Отрицали политический мотив преследования политзаключённых, руководители и другие представители государства и в связи с конкретными делами. *Владимир Путин* не раз высказывался о преследовании **Олега Сенцова**, **Михаила Ходорковского** и других лиц, объясняя его преступлениями, которые они якобы совершили. Даже в случаях, когда власть считала необходимым в конкретном случае отступить в связи с общественным возмущением, она практически никогда не признавала политического мотива незаконного преследования. Так, интересами выполнения плана раскрываемости преступлений

объяснялась фабрикация оснований преследования **Ивана Голунова**, а освобождение **Оюба Титиева** или **Павла Устинова** и вовсе сочеталось с вынесением в их отношении обвинительных приговоров.

В более сложном положении оказываются люди, уполномоченные государством заниматься защитой прав человека. Они, будучи представителями и служащими государства, не могут признать наличие политзаключённых, но не могут и слишком твердо отрицать их наличие, если хотят соответствовать своей правозащитной роли.

Так Председатель Совета по правам человека при президенте РФ **Михаил Федотов** формулировал ответ на вопрос «Есть ли в России политические заключённые?» так:

«Мы занимаемся всеми заключёнными, которые находятся за решеткой по сомнительным обвинениям. Есть люди, которые попали туда по совершенно разным обвинениям – как связанным с политикой, так и не связанным. Для нашего Совета все они политзаключённые в том смысле, что все они жертвы недостатков нашей правоохранительной и судебной систем. Если бы следствие, прокуратура, суды работали эффективнее и точнее, то у нас не было бы за решеткой людей, в чьей виновности сомневаются не только их адвокаты, но и общество».

Когда в сентябре 2018 года вопрос о количестве российских политзаключённых задали Уполномоченному по правам человека в РФ **Татьяне Москальковой** в связи с её заявлением о не менее, чем 30 российских гражданах, лишённых свободы по политическим мотивам в Украине, она фактически уклонилась от ответа, сказав:

«Не готова ответить на вопрос. Так или иначе, когда я изучала дела «политических заключённых», у них были в составе преступления действия, которые подпадали под Уголовный кодекс. – На мой взгляд, в ряде случаев эти составы нужно проверять с помощью прокуратуры, не было ли это формальным моментом, чтобы прикрыть недовольство критикой работы властных структур».

Судя по всему, позиция отрицания наличия политзаключённых или уклонения от признания этой проблемы вызывает в российском обществе все меньше доверия. По данным «Левада-центра», количество россиян, которые на вопрос «Как вы думаете, есть ли сейчас в России политзаключённые (люди, осуждённые за свои политические взгляды или за стремление участвовать в политической жизни?» отвечает «Определённо да» или «Скорее да» растёт и в конце 2019 года составило в общей сложности 63% опрошенных, тогда как «Определённо нет» или «Скорее нет» всего 22%.

8. Институциональные основы политических репрессий и необходимые изменения законодательства и правоприменительной практики.

Как показано в предыдущих разделах, политические репрессии, в частности, политически мотивированное лишение свободы – комплексное явление. Оно оказывается возможным и имеет место фактически благодаря многим общим и частным законодательным нормам, подзаконным нормативным актам, толкованию и сложившейся практике применения этих норм судами и другими правоприменительными органами. Понятно, что политические репрессии имманентны существующему политическому режиму, они являются, с одной стороны, безальтернативным орудием обеспечения несменяемости власти, с другой – необходимым инструментом подавления каналов обратной связи от общества к государству альтернативных выборов, превращенным в имитацию: свободы собраний, выражения, объединения.

Для принципиального решения проблемы политических репрессий, т.е. для прекращения этой порочной практики необходимы фундаментальные изменения политического режима: реальное разделение властей, в частности, обеспечение реальной независимости суда, сменяемость власти посредством свободных, честных и равных выборов. Тем не менее, можно и нужно выделить конкретные изменения нормативных актов и правоприменительной практики, которые необходимы для минимизации использования инструментов уголовного и уголовно-процессуального права для целей противоположных интересам общества.

8.1. Статьи Уголовного Кодекса, требующие безусловной отмены.

Проще всего указать на те нормы уголовного законодательства, которые по своей сути противоречат принципам права, сформулированным в **Конституции РФ** и совокупности международных правовых актов, защищающих права человека, и должны быть отменены. **Статья 212.1** Уголовного Кодекса РФ.

Ст. 212.1 УК РФ устанавливает наказание за «*нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это деяние совершено неоднократно*». Таким нарушением признается, как указано в самой этой статье, нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия, лицом, которое ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных **статьёй 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях**, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней.

ПЦ «Мемориал» с момента принятия этой статьи указывал на её антиконституционный характер. Поскольку криминализация очередного (четвёртого) нарушения порядка организации или проведения публичного мероприятия связана исключительно с наличием предшествующих случаев привлечения к административной ответственности за аналогичные правонарушения, указанная статья УК фактически предполагает повторное наказание за те деяния, за которое лицо уже было наказано.

Поскольку **ст. 212.1 УК** ставит наличие состава преступления в зависимость от наличия случаев привлечения лица к административной ответственности, привлечение к уголовной ответственности и вынесение решения в рамках уголовного процесса основываются на судебных решениях, принятых в порядке производства по делам об административных правонарушениях, предполагающих существенно более низкий уровень гарантий соблюдения прав и свобод лица, привлекаемого к ответственности, чем это предусмотрено нормами уголовного процесса.

Однако более важным представляется то, что само установление уголовной ответственности за неоднократное нарушение порядка организации либо проведения публичного мероприятия явно не соответствует степени предполагаемой общественной опасности таких нарушений. Это несоответствие особенно очевидно, если учесть санкцию **ст. 212.1 УК** – лишение свободы на срок до 5 лет или штраф до 1 млн. руб. или в размере заработной платы или иного дохода

за период до 3 лет. Противоречие между уровнем общественной опасности и установленным уголовным наказанием углубляется известной правоприменительной практикой по делам об административных правонарушениях, предполагающей привлечение к ответственности вне всякой связи с реальной общественной опасностью действий и вопреки фактическим обстоятельствам, исключительно на основании показаний сотрудников полиции.

Конституционный Суд РФ в своем **Постановлении от 10.02.2017** г. в связи с жалобой **И. Дадина** указал, что привлечение к уголовной ответственности по **ст. 212.1 УК РФ** возможно только в случае, если нарушение привлекаемым лицом

«установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования повлекло за собой причинение или реальную угрозу причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям».

Однако ни в одном из имевших место случаев привлечения к уголовной ответственности по этой статье таких последствий не было. Нам неизвестно ни одного случая, который содержал бы признаки состава преступления, предусмотренного **ст. 212.1 УК РФ**, понимаемого в соответствии с приведённым толкованием *Конституционного Суда РФ*. Более того, представляется, что говорить о столь высокой степени общественной опасности нарушения порядка организации или проведения публичного мероприятия, которая требует уголовной ответственности за это деяние, можно лишь в случае, если такое нарушение повлекло причинение реального вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц и окружающей среде или реальную угрозу такого вреда. Говорить же об особом, отдельном от уже упомянутых, вреде или угрозам общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям в результате подобного правонарушения как основании для уголовной ответственности нам представляется невозможным, поскольку эти категории чрезмерно широки и такой подход не соответствовал бы принципу правовой определённости. В то же время, вред или реальная угроза вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц и окружающей среде, если они охватывались умыслом организатора публичного мероприятия, подпадают под составы других преступлений, предусмотренных уголовным законом, и введение отдельного состава, предусмотренного **ст. 212.1 УК РФ**, оказывается в этой связи явно избыточным.

В силу вышеизложенного ограничение свободы мирных собраний, установленное **ст. 212.1 УК РФ**, не является необходимым в демократическом обществе, будучи установлено не в интересах, предусмотренных **ст. 11 «Конвенции**

о защите прав человека и основных свобод», т.е. не в интересах национальной безопасности и общественного порядка, не в целях предотвращения беспорядков и преступлений и не для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц, и подлежит безусловной отмене.

8.1.1 Статья 280.1 Уголовного Кодекса РФ

Ст. 280.1 УК РФ предусматривает наказание до 5 лет лишения свободы за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

Следует отметить, что практика применения указанной статьи, в частности, в делах лиц, признанных *ПЦ «Мемориал»* политзаключёнными, демонстрирует, что преследованию на её основании подвергаются лица, либо призывавшие к ненасильственным действиям, направленным на нарушение территориальной целостности РФ, либо вовсе не призывавшие к осуществлению таких действий, а лишь публично ставившие под сомнение ценность территориальной целостности, порой в очевидно шуточной форме, или публично обсуждавшие вопросы, связанные с территориальной целостностью РФ. Нам неизвестно ни об одном случае уголовного преследования по **ст. 280.1 УК РФ** за действия, представлявшие реальную угрозу для территориальной целостности РФ и имевшие, в связи с этим, реальную общественную опасность.

Указанная норма УК, в той мере, в какой она криминализует призывы к ненасильственным действиям, посягает на свободу слова, гарантированную **ст. 29 Конституции РФ**, на свободу выражения мнения, гарантированную **ст. 10 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод»**. Хотя **ч. 2** этой статьи указанной Конвенции и допускает *«ограничения или санкции, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе»* в том числе *«в интересах ... территориальной целостности»*, невозможно согласиться с тем, что, учитывая, существующую коллизию между принципами территориальной целостности государств и права народов на самоопределение, такие ограничения и санкции применимы к не призывающей к насильственным действиям общественной дискуссии по вопросам территориальной целостности.

Воспрепятствование такой дискуссии средствами уголовного преследования представляется особенно несправедливым и общественно вредным в контексте аннексии Крыма и действий российской власти в отношении отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины, а также таких частей Грузии как Абхазия и Южная Осетия.

В случае же осуществления призывов к насильственным действиям, направленным на нарушение территориальной целостности РФ, они подпадают под уголовно-правовые запреты, установленные **ст. 278, ст. 279** и другими статьями **УК РФ**. Таким образом, выделение призывов даже и к насильственным действиям по признаку объекта, общественных отношений, обеспечивающих территориальную целостность РФ, представляется избыточным и нецелесообразным.

Отдельно необходимо отметить и то, что понятия «территориальной целостности РФ», ее нарушения, действий, направленных на такое нарушения и призывов к ним, не имеют однозначного определения в законодательстве РФ.

В силу вышеизложенного и того, что реальной проблемы общественно опасных призывов к нарушению территориальной целостности РФ в настоящее время не существует, а главным применением **ст. 280.1 УК РФ** оказываются политические репрессии, посягающие на права и свободы человека, представляется необходимой отмена этой статьи.

8.1.2 Статья 148 Уголовного Кодекса РФ

Ч.1 ст. 148 УК РФ устанавливает наказание до 1 года лишения свободы за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершённые в целях оскорбления религиозных чувств верующих, а **ч.2** этой статьи за те же деяния, совершенные в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний – до 3 лет лишения свободы.

Хотя случаи лишения свободы по приговору суда или в качестве меры пресечения в связи с уголовным преследованием по **ст. 148 УК РФ** за все время её существования в последней редакции единичны (нам известно о двух) и в настоящее время в списках политзаключённых *ПЦ «Мемориал»* таких лиц нет, наличие в **УК РФ** таким образом сформулированной нормы представляет угрозу для прав и свобод человека.

Мы согласны с оценками экспертов проекта *«Санация права»*, указывающих на то, что данная норма не отвечает требованиям определённости, ясности и недвусмысленности, поскольку и явное неуважение к обществу, и цель оскорбления религиозных чувств, на практике приписываемая публичным действиям просто на основании того, что постфактум находятся лица, заявляющие о том, что их религиозные чувства были оскорблены, имеют явно неопределённый и оценочный характер. На их основании невозможно понять, какое именно поведение окажется впоследствии противоправным и, более того, преступным.

Данная статья УК фактически вступает в противоречие с нормами **ст. 14**, утверждающей светский характер российского государства, и **ст. 28** и **29 Конституции РФ**, закрепляющими свободу совести и слова. Широкие и неопределённые ограничения, устанавливаемые **ст. 148 УК**, выходят далеко за рамки установленных в Конституции запретов пропаганды или агитации, возбуждающих религиозную ненависть и вражду и пропаганды религиозного превосходства и не служат интересам, в которых, согласно **ч.2 ст. 10 Европейской «Конвенции о защите прав человека и основных свобод»**, могут быть установлены ограничения и санкции. Тем более, нет никаких оснований считать, что подобные ограничения необходимы в демократическом обществе.

Приговоры по подобным делам и заключения экспертов, положенные в их основу (согласно докладу *Международной Правозащитной группы «Агора»*) содержат такую, например, аргументацию: публикации «демонстрируют пренебрежительное, неуважительное и издевательское отношение к религиозным святыням (христианства)», «изображение означает «символическую победу язычества над православной религией», то, что некоторые изображения осуждённый размещал «во время христианского праздника «Псково-Печерской иконы Божией Матери» «Умиление» или ссылку на догмат об иконопочитании, установленный в 787 году на Втором Никейском соборе. Такая практика применения **ст. 148 УК** означает, что она фактически устанавливает ответственность за богохульство, что, как уже указывалось, противоречит **Конституции РФ**.

Между тем, нет никаких оснований считать, что цель деяния, связанная с отношением к религии, или место его осуществления, специально предназначенное для проведения богослужений, имеют большую общественную опасность и требуют большей ответственности, чем другие нарушения общественного порядка.

Учитывая существование уголовной и административной ответственности за хулиганство, наличие в Уголовном Кодексе состава преступлений, предусмотренных **ч. 1 и 2 ст. 148**, тем более, представляется избыточным.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем необходимой отмену **ч.1 и 2 ст. 148 УК РФ**.

8.1.3 Статья 284.1 Уголовного Кодекса РФ

Ст. 284.1 УК РФ устанавливает наказание до 6 лет лишения свободы за

«руководство деятельностью на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности в соответствии с законодательством

Российской Федерации, либо участие в такой деятельности, совершенные лицом, которое ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года».

Административная ответственность, упомянутая в этой статье **УК**, установлена **ст. 20.33 Кодекса об административных правонарушениях РФ**. Нам известно о четырех уголовных делах по этой статье. Все они были возбуждены в отношении активистов *Движения «Открытая Россия»* в разных регионах России. Одна из обвиняемых, **Анастасия Шевченко** из Ростова, уже более года находится под домашним арестом и включена ПЦ «Мемориал» в список политзаключённых.

Понятие «нежелательной организации» регламентируется **ст. 3.1 Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»**. Согласно этой статье,

«деятельность иностранной или международной неправительственной организации, представляющая угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства, в том числе способствующая либо препятствующая выдвижению кандидатов, спискам кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, выдвижению инициативы проведения референдума и проведению референдума, достижению определенного результата на выборах, референдуме (включая участие в иных формах в избирательных кампаниях, кампаниях референдума, за исключением участия в избирательных кампаниях, кампаниях референдума в качестве иностранных (международных) наблюдателей), может быть признана нежелательной на территории Российской Федерации».

Решение о признании организации нежелательной принимается Генеральным прокурором РФ или его заместителями.

Сам институт признания организаций «нежелательными» неоднократно подвергался аргументированной критике как на стадии рассмотрения соответствующего законопроекта, так и после вступления закона в силу. В частности, негативные отзывы о законопроекте и законе сделали Европейская Комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Мы согласны с претензиями, высказанными в этих документах к институту «нежелательных организаций» в связи с чрезмерно широкими и неизбирательными ограничениями прав и свобод человека, в связи с чрезвычайно широко и нечетко сформулированными основаниями для включения организаций в список нежелательных, в связи с непрозрачной и допускающей произвол внесудебной

процедурой включения организаций в этот список. Более того, сам институт «нежелательных» организаций избыточен. Запреты, устанавливаемые для деятельности иностранной или международной неправительственной организации, представляющей угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства, и меры по пресечению их нарушения и так установлены законодательством РФ.

Как справедливо указывается в заключении СПЧ, *«все эти меры могут быть приняты и реализованы в рамках действующих международных норм и российских федеральных законов»*. Порочность законодательного регулирования связанного с «нежелательными организациями», подтверждается правоприменительной практикой. В список нежелательных организаций оказались произвольно и безосновательно внесены многие пользующиеся заслуженным уважением и признанием НПО.

Однако нормы **ст. 284.1 УК РФ**, призванные обеспечить избыточные запреты, связанные с институтом «нежелательных» организаций, сами по себе содержат ряд дополнительных критических недостатков. В частности, законом не определено точно понятие участия в деятельности нежелательной организации. На практике эпизодами такого участия правоохранительные органы и суды объявляют участие в публичных дебатах или протестном митинге, как в случае политзаключённой **Анастасии Шевченко** или даже публикацию в интернете видеоролика о нехватке школ, якобы содержащего символику «нежелательной» организации, как в деле **Яны Антоновой** (мы не касаемся в данном случае того важного обстоятельства, что преследуемые по **ст. 284.1 УК РФ** активисты российского сетевого движения *«Открытая Россия»* вовсе не имели отношения к внесённой список нежелательных британской организации со схожим названием). Помимо этого, диспозиция указанной статьи основана, подобно диспозиции **ст. 212.1 УК РФ** на «административной преюдиции» – преступность деяния обусловлена с наличием предшествующих случаев привлечения к административной ответственности за аналогичные правонарушения. В этой связи к **статье 284.1 УК РФ** применима вся критика, связанная с такой преюдицией, изложенная выше применительно к **ст. 212.1**.

Все эти обстоятельства заставляют нас считать необходимой безусловную отмену **ст. 284.1 УК РФ**.

8.1.4 Статья 330.1 Уголовного Кодекса РФ

Статья **330.1 УК РФ** предусматривает наказание за «злостное уклонение от исполнения обязанностей по представлению документов, необходимых для включения в ... реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». В настоящее время нам неизвестно об уголовных делах, возбужденных по этой статье УК, а единственное такое дело, расследовавшееся в отношении руководительницы Союза и Фонда «Женщины Дона» В. Череватенко, было закрыто в 2017-м году «за отсутствием состава преступления». Тем не менее, наличие данной статьи в УК сохраняет постоянную угрозу уголовного преследования в отношении руководителей российских НКО.

Само существование института «иностранных агентов» и вменение НКО обязанности предоставлять документы, необходимые для включения её в соответствующей реестр, неоднократно подвергались критике со стороны российских, иностранных и международных институтов.

На явное необоснованное ограничение законодательством об «иностранных агентах» права на свободу объединения, дискриминацию, устанавливаемую им в отношении НКО, получающих иностранное финансирование, стигматизирующий характер самого термина «иностраный агент», прямое противоречие принципам законности и правовой определенности использования понятия «политическая деятельность» указывали Венецианская Комиссия, Комиссар Совета Европы по правам человека, Международная Комиссия юристов и многие другие. Аргументированная критика этих норм содержится в жалобе 11 российских НКО в ЕСПЧ и приложенных к ней экспертных мнениях.

Этих критических дефектов законодательства об «иностранных агентов» самого по себе достаточно для того, чтобы требовать отмены, подпиральной его средствами уголовного права **ст. 330.1 УК РФ**. Однако указанная статья содержит и собственные дефекты. Так, в ней содержится лишённый правовой определенности признак «злостности». Уголовная ответственность, предполагающая наказание до 2 лет лишения свободы, за правонарушение, заключающееся лишь в неисполнении обязанности по предоставлению документов, необходимых для включения в реестр «иностранных агентов», при том, к тому же, что государственные органы имеют полномочия включать НКО в этот реестр без таких документов, явно несоразмерна предполагаемой общественной опасности. Наконец, наказание за неисполнение обязанности по предоставлению документов, которая вытекает, как предполагается, из того, что НКО фактически выполняет функцию «иностранного агента» и в этой связи должна быть внесена в реестр, также не отвечает принципу правовой определённости. Существенная часть, а вероятно, и абсолютное большинство НКО, включённых в реестр «иностранных агентов», обоснованно не согласны с тем, что они выполняют функции

«иностранный агент», в частности, участвуют в политической деятельности, расширительное описание которой в законе не позволяет заранее оценить, какие действия являются запрещёнными под угрозой уголовного наказания.

Из вышеизложенного вытекает однозначное требование отмены **ст. 330.1 УК РФ**.

8.1.5 Статья 354.1 Уголовного Кодекса РФ

Статья 354.1 Уголовного Кодекса

«Реабилитация нацизма» предусматривает наказание до 3 лет лишения свободы за «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершённые публично», до 5 лет лишения свободы за «те же деяния, совершённые лицом с использованием своего служебного положения или с использованием средств массовой информации, а равно с искусственным созданием доказательств обвинения»,

а также штраф, исправительные или обязательные работы за

«распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично».

Статья является не самой применяемой, но, тем не менее, только за период второй половины 2018-го – 2019-го годов из 336 уголовных дел, связанных с высказываниями в интернете, попавших в мониторинг ПЦ «Мемориал», 11 дел расследовались или уже закончились обвинительными приговорами по этой статье.

Мы полагаем, что и применительно к данной статье УК следует говорить о несоответствии её диспозиции принципу правовой неопределённости. И

«отрицание фактов установленных приговором Международного трибунала», и «одобрение преступлений», и «заведомо ложные сведения, о деятельности СССР», и «выражающие явное неуважение к обществу сведения о днях воинской славы»

– формулировки, не позволяющие однозначно заранее определить, какие именно действия и высказывания являются правомерными, а какие запрещёнными. Эта неоднозначность дополнительно усиливается правоприменительной практикой, которая включает привлечение к ответственности по указанной

статье, например, за перепост текста, содержащего утверждение о развязывании Второй мировой войны совместно нацистской Германией и СССР, а также вывод о «сотрудничестве коммунизма и нацизма» или публикацию в социальных сетях фотоколлажа, изображающего волгоградский монумент Родины-матери с лицом, испачканным зелёной краской.

Мы согласны с оценкой *ИАЦ «СОБА»*, указывавшего сразу после принятия закона, включившего ст. 354.1 в Уголовный Кодекс, что данный закон «фактически направлен на запрет исторической дискуссии, принятие его означает существенное ограничение свободы слова». **Ст. 354.1 УК РФ** криминализует не только утверждения о неопределённом и неограниченном круге фактов, но и выражение мнения по поводу неоднозначных событий прошлого, по поводу которых нет согласия и внутри международного научного сообщества. Уголовная, т.е. предполагающая наказание за наиболее общественно опасные деяния, ответственность установлена этой статьёй за высказывания, не призывающие и не подстрекающие к насильственным действиям, что явно не соответствует их реальной общественной опасности. В то же время, призывы к насильственным действиям, высказываемые в связи с обсуждением событий прошлого, и так подлежат ответственности по другим статьям Уголовного Кодекса, что делает данную статью ещё и очевидно избыточной с точки зрения функциональности. Мы полагаем, что эта норма уголовного законодательства противоречит как **Конституции РФ**, так и европейской **Конвенции о защите прав человека и основных свобод** и призываем к скорейшей отмене статьи **354.1 УК РФ**.

8.2. Нормы, сформулированные избыточно широко.

Помимо уголовных норм, прямо противоречащих российской **Конституции** и международным обязательствам России и подлежащих в этой связи безусловной отмене, в российском уголовном праве есть большой массив норм, устанавливающих ответственность за деяния, представляющие реальную общественную опасность, допускающую необходимость уголовного преследования, но сформулированных столь широко и неопределённо, что допускают преследование на их основании за правомерные или явно не имеющие сколько-нибудь существенной общественной опасности действия. Эта проблема оказывается особенно значимой в связи с очевидным обвинительным уклоном, характерным для российского правоприменения.

Небрежность законотворческой техники, а зачастую, вероятно, и намеренная неоднозначность формулировок правовых норм, направленная на возможность их расширительного и произвольного применения, являются, в значительной степени, проблемой уголовного законодательства РФ в целом. Мы обращаем внимание только на те проявления этой тенденции, которые порождают наиболее часто используемые инструменты незаконного политически мотивированного преследования и, особенно, лишения свободы.

Прекращение практики использования чрезмерно широко сформулированных статей **УК РФ** для осуществления политических репрессий требует, вне сомнения, изменения политических установок власти и целого комплекса институтов, связанных с уголовным преследованием, но наиболее очевидные необходимые изменения это уточнение и сужение составов преступлений, предусмотренных такими статьями, и изменение сложившихся при их применении практик.

8.2.1 Антиэкстремистское законодательство

Наиболее очевидно упомянутые проблемы проявляются в связи с антиэкстремистским законодательством. Помимо части вышеперечисленных статей **Уголовного Кодекса**, применительно к которым мы считаем правильным рекомендовать отмену в целом, к этому законодательству относятся **ст. 280** (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), **ст. 282.1** (Организация экстремистского сообщества), **ст. 282.2** (Организация деятельности экстремистской организации) и **ст. 282** (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) **УК РФ**.

Эти статьи активно применяются для преследования лиц, включённых *ПЦ «Мемориал»* в списки политзаключённых. Так по **ст. 280 УК** осуждён **Марк Гальперин**, преследуется **Айрат Дильмухаметов**, по **ст. 282 УК** осуждён **Владислав Синица**, по **ст. 282.1** преследуются лидеры ингушского протестного движения в связи с митингом 27.03.2019 г., калининградские активисты по делу «Б.А.Р.С.», обвиняемые по делу «Нового Величия», по **ст. 282.2** обвиняемые в участии в запрещённых в России организациях: в украинском *«Правом Секторе»*, *«Таблиги Джамаат»*, *«Нурджалар»*, свидетели *Иеговы*.

При этом применение **ст. 280**, а опосредованно и **ст. 282.1** и **ст. 282.2** опирается на определение «экстремизма», содержащееся в **Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности»**. На чрезмерную широту и недостаточную определённую этого эклектичного определения, заключающегося просто в перечислении самых разных действий, не раз указывали самые разные органы, организации и специалисты. Стоит отметить, в частности, рекомендации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека

по совершенствованию законодательства о противодействии экстремизму и практики его применения, сделанные в 2018 году, и Мнение № 660 / 2011 Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) (перевод).

Мы согласны с рекомендациями Совета по правам человека о том, что следует сузить легальное определение экстремистской деятельности и *«в качестве обязательного квалифицирующего признака экстремистской деятельности следует использовать признак насилия (применение насилия, угроза его применения, призывы к насилию или иная явная поддержка насилия)»*.

Руководствуясь таким подходом, следует переформулировать определение экстремизма таким образом, чтобы нарушение целостности Российской Федерации, публичное оправдание терроризма; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций охватывались им только в той мере, в какой они связаны с насилием, угрозой его применения, призывами к нему или иной его явной поддержкой. Вероятно, необходимо специально указать на невозможность отнесения к экстремизму указанных действий, в случае, если они не имеют признака насилия.

При этом мы также согласны, с необходимостью исключения из числа видов включённого в понятие экстремистской деятельности возбуждения розни, возбуждение социальной розни, как слишком неопределённого понятия, дающего почву для злоупотреблений.

Более того, как справедливо указывал Александр Верховский, понятие «рознь» гораздо шире понятия «вражда». Между тем, **ч.2 ст. 29 Конституции РФ** запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а не рознь. Аналогично **ч.2 ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах** требует запрещать законом *«всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию»*. Мы полагаем, что уместным было бы заменить в этой части определения экстремистской деятельности более широкое понятие «рознь» на более конкретное и точное понятие «вражда» и «ненависть», охватывающие более опасные явления, чем рознь.

Мы также разделяем мнение Венецианской Комиссии о том, что не связанное с насилием нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии является слишком широкой категорией и, в связи с этим, как одно из возможных проявлений экстремизма должно быть уточнено и конкретизировано.

В Мнении Венецианской Комиссии содержится позиция о том, что

«провозглашение религиозного учения или прозелитской деятельности, нацеленной на доказательство превосходства какого-либо объяснения по поводу вселенной, экстремистской может ущемить свободу совести и религии большого количества людей. Такая практика может с лёгкостью быть использована недобросовестно в попытке подавить деятельность какой-либо церкви, что ущемляет не только свободу совести и религии, но и свободу ассоциации».

С подобными действиями, опирающимися на квалификацию пропаганды «религиозных исключительности и превосходства» как экстремистской деятельности, сталкиваются, например, в Российской Федерации *свидетели Иеговы*. Мы согласны с этой позицией Венецианской Комиссии, равно как и с её выводом, утверждающим, что

«власти должны пересмотреть определение в пункте 4 статьи 1.1 для обеспечения дополнительных гарантий того, чтобы мирные действия по привлечению людей в какую-либо религию или убеждению в своём мировоззрении, а также соответствующие учения, не преследующие цели возбудить ненависть либо вражду, не рассматривались как экстремистская деятельность и, как следствие, не включались в сферу действия антиэкстремистских мер».

Венецианская Комиссия также указывает на то, что включение в понятие экстремизма публично заведомо ложного обвинения лица, замещающего государственную должность, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей экстремистских деяний, являющихся преступлением, *«противоречит установившейся практике ЕСПЧ, согласно которой официальные лица, действующие государственные чиновники должны выдерживать больше критики в свой адрес, чем обычные люди».* Вопреки этому принципу, легальное определение экстремизма в этой части обеспечивает чиновникам повышенную защиту по сравнению с «обычными» гражданами и фактически имеет дискриминационный характер. Мы полагаем, что этот компонент должен быть устранён из и без того широкого понятия экстремизма.

Наконец, к экстремистской деятельности отнесены публичные призывы к осуществлению деяний включённых в определение экстремистской деятельности, организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их

осуществлению, финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путём предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Такая конструкция, во-первых, в значительной степени неадекватна остальным компонентам определения экстремизма. Вряд ли практически возможны призывы или подстрекательство к пропаганде. Во-вторых, можно полагать, что вспомогательный, вторичный характер вышеупомянутых действий снижает их общественную опасность по сравнению с «первичными», определёнными своим содержанием экстремистскими деяниями. Однако в силу такой конструкции правовой нормы содействие в подготовке использования нацистской символики путём предоставления телефонной связи оказывается полноценным экстремистским действием, как и призыв к такому содействию, а равно и финансирование подобного призыва. Фактически избранная законодателем правовая конструкция создаёт своего рода «циклическую ссылку», позволяющую бесконечно расширять сферу экстремизма и увеличивать число «экстремистов». Представляется, что решением проблемы было бы непосредственное указание в законе, какие «вторичные» виды действий применительно к каким «первичным» охватываются понятием экстремизма.

8.2.2 Статья 282 УК РФ

Изложенное выше относительно возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни как компонента законодательного определения экстремизма также относится и к диспозиции **ст. 282 УК РФ**, предусматривающей наказание за «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершённые публично». Мы разделяем позицию российского *Информационно-аналитического центра «Сова»* и британской организации *Article 19*, которые в совместном докладе «Антиэкстремизм: Российская правоприменительная практика и европейские гарантии свободы слова» предлагают:

*«Внести поправки в диспозицию **ст. 282 УК** о возбуждении ненависти. Пропаганда ненависти, побуждающая к вражде, дискриминации или насилию, подлежит запрету в соответствии с **п. 3 ст. 19** и **п. 2 ст. 20** Международного пакта о гражданских и политических правах, устанавливающего высокий порог для введения ограничений на свободу выражения мнения. Запрет на «унижение достоинства» должен быть удалён из состава **ст. 282**. Удалить из состава **ст. 282 УК** ... формулировку о принадлежности к определённой социальной группе как защищаемом признаке».*

П.2 ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах требует, чтобы «всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию» было запрещено законом. Мы полагаем, что, учитывая то обстоятельство, что уголовная ответственность – форма запрета лишь деяний, обладающих столь высокой степенью общественной опасности, которая не позволяет реализовать их запрет иными средствами, в качестве порога для установления уголовной ответственности за такие выступления, т.е. за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, следовало бы принять признак насилия (применение насилия, угроза его применения, призывы к насилию или иная явная поддержка насилия). Запрет же призывов к дискриминации и вражде по национальному, расовому или религиозному признаку, не обладающих этим признаком, может быть реализован посредством введения соответствующей нормы в **Кодекс об административных правонарушениях**.

Более того, учитывая то обстоятельство, что возбуждение расовой, национальной или религиозной розни охватывается понятием экстремистской деятельности, призывы к которой преследуются по **ст. 280 УК РФ**, представляется, что **ст. 282 УК РФ** вовсе не является необходимой для реализации запрета недопустимых высказываний и действий.

8.2.3 Статьи УК, преследующие за участие в группах

Основная масса лиц, признанных политзаключёнными, преследуются по «групповым» статьям **Уголовного Кодекса: 282.1** (Организация экстремистского сообщества), **282.2** (Организация деятельности экстремистской организации), **205.4** (Организация террористического сообщества и участие в нём) и **205.5** (Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации) (см. раздел 3.3 Доклада).

Ответственность по **ст. 282.2 УК РФ** предусмотрена за организацию деятельности организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, участие в деятельности такой организации или вовлечение в неё. Решение о запрете или ликвидации организации принимается судом в соответствии с законом **«О противодействии экстремистской деятельности»**, исходя из содержащегося в нём определения экстремизма. Соответственно, все недостатки этого определения, упомянутые выше, проявляют себя и в связи с принятием решений о признании организаций экстремистскими и дальнейшем уголовном преследовании по **ст. 282.2 УК РФ**.

Террористической организация признается судом согласно **Федеральному закону «О противодействии терроризму»**,

«если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных статьями 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–280, 282.1–282.3, 360 и 361 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией её прав и обязанностей».

Таким образом, фактически достаточно, чтобы хотя бы один человек от имени организации осуществлял хотя бы подготовку не только собственно террористического акта (**ст. 205 УК РФ**), но и, например, содействия террористической деятельности (которое само по себе трактуется **ст. 206 УК РФ** весьма широко), её оправдания (**ст. 205.2 УК РФ**), несообщения о подготовке другим лицом одного из преступлений, предусмотренных 16 статьями Уголовного Кодекса (**ст. 205.6 УК РФ**), участия в незаконном вооруженном формировании, в том числе за пределами РФ (**ст. 208 УК РФ**), незаконного хранения ядерных материалов или радиоактивных веществ (**ст. 220 УК РФ**), экстремистских преступлений, включая призывы к экстремистской деятельности и её финансирование (**ст. 280, 282.1–282.3 УК РФ**), чтобы организация в целом была признана террористической, а её участники подвергались преследованию по **ст. 205.5 УК РФ**. Совершенно очевидно, что такое понимание терроризма гораздо шире устоявшегося в мировой практике. Несмотря на отсутствие универсального и общепринятого определения «терроризма», документы ООН и международные конвенции позволяют в той или иной степени зафиксировать объём этого понятия. Так, **Резолюция Совета Безопасности ООН 1566 (2004)** содержит указание на

«преступные акты, в том числе против гражданских лиц, совершаемые с намерением причинить смерть или серьёзный ущерб здоровью или захватить заложников с целью вызвать состояние ужаса у широкой общественности, или группы людей, или отдельных лиц, запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения и представляющие собой преступления по смыслу международных конвенций и протоколов, касающихся терроризма, и в соответствии с содержащимися в них определениями».

Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года) понимает под терроризмом деяние, представляющее собой преступление согласно ряду международных договоров, на которые она ссылается, либо любое другое деяние, направленное

«на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения».

Широкое понимание терроризма и террористических организаций российским законодательством, основанное на отсылке к большому набору статей **Уголовного Кодекса**, многие из которых выходят за рамки международного понимания терроризма, усугубляется тем, что многие из этих статей, например, **статьи 205.2, 205.3, 205.6, 206 УК РФ**, сами ссылаются на другие статьи Уголовного кодекса. Как и в ситуации с экстремизмом такой подход позволяет за счет цепи ссылок фактически безгранично расширить понятие терроризма.

Исправлению такой ситуации, возможно, содействовало бы сужение, подобно предложенному выше сужению нормативного определения экстремизма, нормативных определений террористических преступлений и террористических организаций посредством исключения из них ссылок на преступления, явно не соответствующие международному пониманию терроризма.

Помимо содержательных дефектов, связанных с расширительным пониманием экстремизма и терроризма, в политически мотивированных уголовных делах по «групповым» статьям, в первую очередь, в связи с участием в деятельности запрещённых (экстремистских или террористических) организаций (**ст. 282.2 и 205.5 УК РФ**), но также и в связи с участием в деятельности террористических или экстремистских сообществ (**ст. 282.1 и 205.4 УК РФ**), огромную роль играет то обстоятельство, что эти статьи устанавливают ответственность за участие в деятельности организаций и сообществ безотносительно к тому, совершал ли обвиняемый преступления, для создания которых, как предполагается, было создано или в связи с осуществлением которых было запрещено такое объединение.

Мы согласны с рекомендациями членов Совета по правам человека при президенте РФ, содержащимися в «Справке об отдельных аспектах правоприменительной практики по ст. 205.5, 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации», адресованной **Верховному Суду РФ**, направленными на прекращение практики уголовного наказания за любую связь с запрещёнными организациями или за одни лишь взгляды и убеждения, совпадающие с позициями таких организаций, как минимально необходимыми. Однако мы считаем, что для противодействия сложившейся правоприменительной практике, особенно ярко проявляющейся в делах против участников организаций, имеющих полностью или в большой степени религиозный характер («Хизб ут-Тахрир аль

*Ислами», «Таблиги Джамаат», свидетелей Иеговы)), необходимо законодательное закрепление в **Уголовном кодексе** совершения конкретных преступлений, с которыми был связан запрет конкретной организации или квалификация конкретного сообщества как террористического или экстремистского, или умысла на их совершение, в качестве условий уголовной ответственности по четырём упомянутым статьям **УК**, предусматривающим наказание в связи с участием в деятельности террористических или экстремистских объединений.*

Помимо того, невозможно не согласиться с рекомендацией Совета по правам человека при Президенте РФ

«внести дополнения в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» и процессуальное законодательство, исключающие возможность признания организаций экстремистскими в закрытых судебных заседаниях, а равно в отсутствие представителя организации или надлежащего её уведомления».

Однако мы полагаем, что такие же дополнения необходимы и для порядка признания организаций террористическими. Необходимо также внести в процессуальное законодательство дополнения, обеспечивающие возможность обжалования решений о запрете организаций в рамках существующей процедуры, лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности по обвинению в участии в деятельности этих организаций.

8.2.4 Преследования за высказывания

Поскольку большая часть уголовных дел, имеющих явные признаки незаконности и политической мотивации, прямо или опосредованно связана с высказываниями и текстами, невозможно не указать на пороки нормативного регулирования и правоприменительных практик, связанных с их запретами и криминализацией.

Явно порочной представляется, в частности, практика привлечения к ответственности за публикации в интернете спустя неограниченное время после их размещения, основанная на отнесении связанных с такими публикациями преступлений к делящимся.

Другой порочной практикой является то, что практически во всех делах такого рода выводы судов опираются на заключения экспертов, которые зачастую, во-первых, не выдерживают никакой критики с точки зрения качества, а во-вторых, часто, вопреки прямому запрету закона, фактически дают правовую квалификацию анализируемым высказываниям. При этом эксперты привлекаются и по таким делам, составляющим, вероятно, большинство из дел о высказываниях и текстах, когда вменяемое обвиняемому высказывание адресовано

широкой аудитории и ни в коей мере не требует специальных познаний для понимания и оценки своего содержания и направленности. В то же время для экспертизы сложных текстов, особенно религиозных, часто, наоборот, привлекаются эксперты, не обладающие необходимыми компетенциями. При этом суды в подавляющем большинстве случаев абсолютно не критически относятся к выводам экспертов, обосновывающим позицию обвинения, и безо всяких оснований отвергают исследования, предоставляемые стороной защиты.

Наконец, суды в большинстве случаев придерживаются формального подхода к оценке высказываний, не учитывая, ни контекст, ни аудиторию, ни реальный умысел автора, ни фактическую общественную опасность высказывания.

Между тем, Рабатский план действий по запрету пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию (перевод), содержащий выводы и рекомендации экспертов по итогам совещаний, организованных Управлением Верховного Комиссара ООН по правам человека рекомендует для оценки необходимости ограничения свободы выражения мнения в каждом случае применять тест, включающий оценку шести аспектов высказывания. Это, во-первых, контекст высказывания; во-вторых, положение и статус высказывающегося; в-третьих, его намерение; в-четвёртых, содержание и форма высказывания; в-пятых, степень его публичности; и, наконец в-шестых, вероятность реализации призыва, содержащегося в высказывании.

Трудно формализовать рекомендации по преодолению большей части этих проблем в виде законодательных предложений, но мы полностью соглашаемся с ИАЦ «Сова» и *Article 19*, которые в своём докладе указывают применительно к преследованию за экстремистские высказывания:

«Российские суды должны применять национальное законодательство в соответствии с международно-правовыми обязательствами России. В частности, в делах, касающихся возбуждения ненависти, судам следует применять шестичастный тест, рекомендованный Рабатским планом действий по запрету пропаганды ненависти и воспроизведённый в рекомендациях Верховного суда, и налагать лишь такие санкции, которые пропорциональны реальной тяжести инкриминируемых действий. Судам следует запрашивать заключения экспертов только в тех случаях, когда специальные знания действительно необходимы для интерпретации и оценки рассматриваемых доказательств, и не использовать экспертизу вместо правовой оценки тех или иных деяний, которая должна осуществляться судом».

Мы, однако, и в этом случае считаем, что эти рекомендации по своей сути в основном применимы не только к предположительно экстремистским высказываниям, но и к любым запретам высказываний, включая предположительно протеррорристические.

В том же, что касается возможности бессрочного привлечения к уголовной ответственности за однажды размещённое в интернете высказывание, мы поддерживаем предложение Совета по правам человека при Президенте РФ установить для статей УК РФ, в которых идет речь о публичных высказываниях, «правило исчисления срока давности с момента соответствующей публикации в сети Интернет или с момента последних активных действий обвиняемого по привлечению внимания к такой публикации («саморепост», «закрепление записи» и т.п.)».

8.2.5 Другие недостаточно определённые нормы уголовного законодательства

Вне сомнения, уголовных норм, потенциально способных, в частности, в силу невнятности своих формулировок, становиться основанием для незаконного политически мотивированного лишения свободы, в российском законодательстве гораздо больше, чем упомянуто выше, но мы считаем важным выделить упомянуть, по крайней мере, две из них, применение которых регулярно приводит к пополнению списка политзаключённых.

8.2.6 Статья 213 Уголовного Кодекса РФ

Статья 213 УК РФ предусматривает наказание до 5 лет лишения свободы за хулиганство, определяемое исключительно эклектично и широко, как *грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершённое:*

- а) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;*
- б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;*
- в) на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования.*

Правоведы обоснованно критикуют и соединение в одном составе преступления в качестве квалифицирующих столь разнородных альтернативных признаков как способ, мотив и место совершения преступления, и сомнительный

характер конструкции преступления с двумя мотивами: собственно хулиганским, под которым понимается мотив выражения явного неуважения к обществу, и экстремистского мотива ненависти или вражды. Однако большей проблемой в практическом смысле является полная неопределённость самого деяния – «грубого нарушения общественного порядка». Даже понятие «общественный порядок» не имеет однозначного легального определения, тем более не имеет такового его нарушение и его грубость. Очевидно, что нарушением общественного порядка является любое деяние, рассматриваемое как правонарушение, оценка же его как «грубого» – вопрос усмотрения правоприменителя. Аналогично любое такое деяние, совершённое умышленно, может быть квалифицировано как «выражающее явное неуважение к обществу».

Обосновать один из трёх дополнительных признаков: применение, если не оружия, то предмета, используемого в его качестве; мотив ненависти вражды в отношении какой-то группы (включая «социальные группы», не определённые законом, но в правоприменительной практике используемые для определения абсолютно произвольного набора лиц); транспорт как место осуществления деяния, – не составляет труда правоохранительным органам и судам. Мы полагаем, что **статья 213 УК РФ** в том виде, в каком она ныне существует в **Уголовном кодексе РФ**, вопиюще противоречит принципу правовой определенности и не позволяет предсказать, какие деяния окажутся наказуемыми на её основании.

В результате **ст. 213 УК РФ** оказывается «резервным» способом привлечения к уголовной ответственности лиц, привлечь которых к уголовной ответственности считается необходимым, но по другим статьям УК оказывается затруднительным. В настоящее время в списках политзаключённых ПЦ «Мемориал» один политзаключённый обвиняемый по **ст. 213 УК РФ**, левый активист **Азат Мифтахов**. Обвинение в хулиганстве было ему предъявлено после беспрецедентного двоекратного отказа суда арестовать **Мифтахова** по подозрению в незаконном изготовлении взрывного устройства (**ст. 223.1 УК РФ**). Ранее обвинение в хулиганстве, например, предъявлялось активистам *Greenpeace* с судна *Arctic Sunrise* в 2013-м году после осознания абсурдности обвинения их в пиратстве (**ст. 227 УК РФ**) и участницам группы *Pussy Riot* в 2012-м году, когда в уголовном кодексе ещё не было **ч.1 и 2 ст. 148**, карающих за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершённые в целях оскорбления религиозных чувств верующих, срочно введённых в него сразу после этого.

Представляется, что **ст. 213 УК РФ** нуждается в существенных изменениях. Во-первых, представляется необходимым изъять из **п. б) ч.1**, устанавливающего мотив ненависти или вражды как признак хулиганства, упоминание социальной группы. Во-вторых, представляется осмысленным разделить грубые нарушения

общественного порядка, осуществляемые из хулиганских побуждений, и подобные нарушения, осуществляемые по мотивам политической, идеологической, расовой или национальной ненависти или вражды, поскольку их одновременное наличие у одного деяния представляется невозможным. В-третьих, что гораздо существеннее, необходимо ввести объективный критерий общественной опасности описываемого **ст. 213 УК РФ** деяния. Конструирование такого критерия является весьма непростой задачей, поскольку причинение вреда здоровью и материального ущерба, равно как и конкретные общественно опасные деяния охватываются составами других преступлений. Если же, что вполне вероятно, найти объективный критерий настолько грубого нарушения общественно порядка, что для его запрета необходимо уголовное наказание, не подпадающего при этом под другие статьи Уголовного кодекса, не удастся, то есть все основания для исключения данной статьи из Уголовного законодательства и, при необходимости, замена уголовной ответственности за описываемые ею деяния административной.

8.2.7 Статья 275 Уголовного Кодекса РФ

Статья 275 Уголовного кодекса РФ предусматривает наказание за государственную измену, под которой нынешняя, принятая в 2012-м году редакция статьи понимает

«совершённые гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учёбе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации».

В настоящее время в списки политзаключённых включены три человека, осуждённых по **ст. 275 УК РФ**, но изучение обстоятельств имеющих признаки незаконности и политической мотивации уголовных дел по этой статье исключительно затруднено их секретностью. В большинстве случаев и сама фабула обвинения, и доказательства по делу неизвестны. На многочисленные проблемы правового регулирования и правоприменения, связанные с уголовным преследованием по обвинениям в государственной измене, указывает доклад «Команды 29» «История государственной измены, шпионажа и государственной тайны в современной России».

Ещё при принятии новой редакции статьи высказывались многочисленные критически замечания по поводу серьёзного расширения понятия государственной измены, в частности, включения в диспозицию **статьи 275** оказания финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации. Эта конструкция позволяет при желании подвести под обвинение в государственной измене фактически любое сотрудничество с любыми иностранными субъектами. Содержание и формы криминальной деятельности оказываются неопределёнными – и без того широкий список способов совершения преступления (финансовая, материально-техническая, консультационная помощь) дополнен «иной помощью»; к числу получателей такой помощи добавились международные организации; враждебная деятельность в ущерб внешней безопасности Российской Федерации была заменена просто на деятельность, направленную против безопасности Российской Федерации, не имеющей единого легального определения и допускающей самое широкое толкование. В данном случае опять текст Уголовного кодекса не позволяет предвидеть, какое именно поведение может впоследствии быть оценено правоприменителем как преступное и не отвечает принципу правовой определенности.

Наиболее очевидным решением этой проблемы могло бы быть возвращение к редакции **статьи 275 УК РФ**, существовавшей до 2012 года. Помимо того, мы согласны с авторами доклада *«Команды 29»*, рекомендующими, в частности, убрать из перечня сведений, подлежащих засекречиванию, сведения, разглашение которых сейчас не может принести государству ущерб; убрать ограничения для защиты на работу с несекретными материалами уголовного дела, в котором есть государственная тайна; запретить следователю брать у адвокатов и родных подписку о неразглашении тайны следствия, пытаться помешать рассказывать о процессе.

8.3. Другие необходимые изменения.

Мы не касаемся здесь аспекта уголовного законодательства, определяющего тяжесть наказания. Во-многих случаях срок лишения свободы, назначаемый судами политзаключённым, очевидно неадекватен даже тем преступлениям, в которых они необоснованно признаются виновными. Но это проблема все же вторична по отношению к тому, как определены в Уголовном кодексе составы преступлений и к порочным правоприменительным практикам.

Аналогично мы не касаемся фундаментальной проблемы, являющейся основанием всей конструкции политических репрессий – отсутствия независимого суда. Существуют различные весьма убедительные концепции и проекты судебной реформы, предлагающие способы разрешения этой проблемы, однако, представляется, что, в отличие от точечных изменений законодательства, такие системные изменения ключевого государственного института возможны только после изменения политического режима в нашей стране на демократический. Контроль за судебной системой является абсолютно необходимым элементом любой авторитарной системы, не допускающей реального разделения властей.

Тем не менее, практика показывает, что даже в существующих условиях суды с участием присяжных заседателей проявляют себя как гораздо более объективные и независимые, чем суды, состоящие из профессиональных судей. Полезным было бы в этой связи максимальное расширение применения суда присяжных. Особенно важным было бы отнесение к их подсудности дел с высокой вероятностью политической мотивации. Несмотря на то, что для целей политически мотивированного преследования могут быть использованы обвинения практически в любом преступлении, предусмотренном Уголовным кодексом, как минимум, к подсудности присяжных можно было бы отнести дела о преступлениях, предусмотренных статьями, дающими основания видеть в обвинении специфический политический интерес власти, в частности, все перечисленные в этом разделе статьи, а также, например, дела о массовых беспорядках (**ст. 212 УК РФ**), шпионаже (**ст. 276 УК РФ**). В настоящее время судом с участием присяжных заседателей из таких дел могут быть рассмотрены только дела по **ст. 354.1 УК РФ** (Реабилитация нацизма), а дела о террористических преступлениях и вовсе отнесены к подсудности военных судов, как мы полагаем, вопреки реальным интересам правосудия и справедливости.

Серьёзное расширение применения судов присяжных требует организационных усилий и времени, но начать, вне сомнения, следовало бы с наиболее тяжких: дел о террористических преступлениях, насильственном захвате власти (**ст. 278 УК РФ**), государственной измене и шпионаже. Дела о террористических преступлениях следует, на наш взгляд, вернуть «обычным» судам. Никаких реальных угроз, которыми обосновывалась передача их военным судам, в настоящее время, мы полагаем, не существует.

Как показано в Разделе 4 нашего доклада, формы политических репрессий не сводятся к одному лишь необоснованному и незаконному политически мотивированному уголовному преследованию и вынесению неправосудных приговоров. Скорее, это только первая стадия реализации политического преследования. Права жертв таких преследований дополнительно нарушаются и в ходе исполнения наказания, назначенного судом, после его исполнения и даже вне

связи с ним. Вне сомнения, законодательные изменения, необходимые для полного прекращения практики политических репрессий во много раз больше, чем упомянутые в этом разделе поправки законодательства, в первую очередь, уголовного. Нельзя не указать на необходимость радикального пересмотра нормативной базы, связанной с административным надзором за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы, или с «перечнем организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму», устанавливающими необоснованные общественными интересами серьёзные ограничения прав и свобод лиц, ставших жертвами политически мотивированного уголовного преследования. Однако эти формы преследования все же носят вторичный характер по отношению к собственно уголовному преследованию, поэтому мы не рассматриваем конкретные предложения их изменений в данном докладе.

9. Заключение.

Настоящий доклад является попыткой комплексного обзора тенденций в сфере политически мотивированных уголовных репрессий в Российской Федерации, в первую очередь, связанных с лишением свободы в 2018-м и первых трех кварталах 2019-го года в контексте более длительного периода. Он опирается на результаты многолетней работы *Программы поддержки политзаключённых Правозащитного центра «Мемориал»*. Пытаясь более или менее подробно описать большое и сложное явление, которое представляют собой современные российские уголовные политические репрессии, мы вынуждены были, с одной стороны, иногда затрагивать смежные темы, а с другой, всё же не могли отразить его в ограниченном объеме доклада всеобъемлюще. В силу этого доклад неизбежно не может претендовать на абсолютную полноту.

Завершая доклад, мы хотим зафиксировать краткие выводы. При этом хотя Глава 8 содержит предложения по самым необходимым изменениям законодательства, в первую очередь, уголовного, выводы из нашей работы все же имеют в большей степени обзорно-аналитический характер. В частности, мы считаем важным отметить, что:

1. В период с 2015 года *Правозащитным центром «Мемориал»*, основной организацией, ведущей анализ политических репрессий и политически мотивированного незаконного лишения свободы, опирающийся на подходы ПАСЕ, зафиксирован неуклонный рост числа политических заключённых, позволяющий говорить о том, что в России, по существу, ведутся полноценные политические репрессии, нарушающие многие фундаментальные права граждан, против самых разных групп по разнообразным политическим мотивам и с помощью широкого набора «политических» и чисто уголовных статей Уголовного Кодекса.
2. Анализ репрессий с точки зрения групп, к которым можно отнести их жертв, показывает, что подавляющее большинство политзаключённых составляют лишённые свободы в связи с реализацией права на свободу вероисповедания и религиозной принадлежностью. Масштаб репрессий позволяет в настоящее время анализировать их и с точки зрения выделения более узких групп, представители которых подвергаются преследованию. Крупнейшими из них являются мирные мусульмане, лишённые свободы в связи с принадлежностью к объявленной в России террористической организации *«Хизб ут-Тахрир»*, крымские татары, верующие свидетели *Иеговы*, сторонники запрещённой *«Артподготовки»*, участники

публичных мероприятий. Среди групп, подвергающихся преследованию, также политики и политические активисты, правозащитники, журналисты, блогеры, учёные, граждане Украины, последователи *Саида Нурси*, члены мусульманской организации «*Таблиги Джамаат*», Церкви Саентологии и просто случайные люди.

3. Для осуществления политических репрессий использовались самые разные статьи **Уголовного Кодекса**, от прямо преследующих за реализацию права на свободу собраний и ассоциаций (**ст. 284.1, 212.1**), преследующих за высказывания (**ст. 205.2, 280, 282, 280.1, 148, 354.1**), статей о террористических и экстремистских объединениях (**ст. 282.1, 282.2, 205.4, 205.5**), других «террористических» статей (**ст. 205, 205.1**) и статей о массовых беспорядках и насилии в отношении представителей власти (**ст. 212, 318**), государственной измене, шпионаже, диверсии, незаконном пересечении государственной границы (**ст. 275, 276, 281, 322**) до статей о незаконном обороте наркотиков, оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, экономических преступлениях и убийствах.
4. Нарушения прав жертв политически мотивированного уголовного преследования приобретают самые разные формы и имеют место на разных его этапах. Такими формами являются меры пресечения, особенно, в виде содержания под стражей и домашнего ареста, наказание в виде лишения свободы по приговору суда, режим и место расположения учреждения, исполняющего это наказание, и взыскания, накладываемые на заключённых, другие наказания, назначаемые приговорами судов. Дополнительными наказаниями, серьёзно нарушающими права жертв преследования, фактически оказываются установление судами многолетнего административного надзора за отбывшими наказание осуждёнными и внесение даже и без судебного решения, подозреваемых и обвиняемых в экстремистских и террористических преступлениях в список террористов и экстремистов Росфинмониторинга.
5. Основанием отнесения случаев незаконного и необоснованного уголовного преследования к политическим репрессиям является политический мотив преследования, которым руководствуется власть. Поскольку уголовное преследование является для авторитарной власти важнейшим и привычным инструментом контроля над обществом, оно используется субъектами властных полномочий самого разного уровня для достижения самых разных целей. Соответственно, самые разные формы приобретает и политический мотив, которым власть руководствуется при осуществлении репрессий. Среди них прекращение правомерной общественно-политической или журналистской деятельности,

мирной религиозной деятельности, устранение угроз интересам органов власти или их конкретных представителей, корпоративные ведомственные интересы силовых структур, поддержка тезисов государственной пропаганды, устрашение общества за счёт демонстрации ему негативных последствий неодобряемых властью действий и, наоборот, «успокоение» общества посредством демонстрации эффективности власти в борьбе с терроризмом и другими преступлениями. В реальных политических мотивированных делах чаще всего сочетаются различные мотивы.

6. В ходе осуществления политических репрессий в России нарушаются фундаментальные права граждан, в частности, право не подвергаться пыткам, право на свободу и личную неприкосновенность, на судебное разбирательство в разумные сроки или освобождение до суда, право на справедливый суд. В то же время во многих случаях политические репрессии нарушают также права на свободу мысли, совести и религии, свободу выражения мнения и распространения информации, свободу собраний и объединений. Практика политически мотивированного лишения свободы и, в целом, уголовного преследования по политическим мотивам нарушает российскую Конституцию и международные обязательства Российской Федерации.
7. За охватываемый докладом период проявилась тенденция к росту общественного внимания к проблеме политически мотивированного уголовного преследования и повышению уровня общественной солидарности с политзаключёнными. Существенно выросло внимание к проблеме средств массовой информации. Продолжение активной работы «традиционных» институализированных правозащитных организаций по поддержке и защите политзаключённых и других жертв политических репрессий дополнялось возросшей активностью разного рода неформальных и слабо формализованных инициатив и групп, осуществлявших деятельность как в связи с конкретными уголовными делами, так и в более широком масштабе. Появлялись новые форматы солидарности с политзаключёнными, происходил качественный и количественный рост краудфандинга в целях поддержки жертв репрессий. Прошедший период отмечен большим числом публичных акций солидарности с политзаключёнными, во многих случаях переросших в длительные массовые кампании их поддержки, использующие широкий набор инструментов.

В результате целенаправленных усилий власти, в значительной мере, снизилась роль Общественных наблюдательных комиссий в защите прав политзаключённых, хотя имели место и примеры важной активности отдельных членов этих комиссий в разных регионах, осуществлявших

такую защиту. Отзываясь на общественный запрос, в разных формах реагировали на проблему политически мотивированного уголовного преследования и официальные правозащитные институты: Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, в первую очередь, в лице отдельных членов Совета, и, в меньшей мере, Уполномоченный по правам человека в РФ.

Не могли совсем уклониться от реакции на общественное недовольство политическими репрессиями и представители власти, хотя единственной практической мерой в этой связи стала декриминализация **ч.1 ст. 282 УК РФ**.

8. Политически мотивированные уголовные репрессии осуществляются на институциональной основе большой совокупности законодательных норм и правоприменительных практик. Прекращение порочной практики политических репрессий требует, в первую очередь, коренных политических изменений, однако, даже сейчас можно требовать отмены наиболее противоправных норм законодательства (**ст. 212.1, ст. 280.1, ч.1 и ч.2 ст. 148, ст. 284.1, ст. 330.1, ст. 354.1 УК РФ**); серьёзного пересмотра и уточнения норм антиэкстремистского и контртеррористического законодательства (**ст. 282, 213, 275 УК РФ**); изменения подходов к толкованию и применению «групповых» статей УК (**ст. 282.1, 282.2, 205.4, 205.5**), статей, преследующих за высказывания; расширения применения суда присяжных.

Тенденции, имевшие место в период с октября 2019 года по настоящее время, позволяют нам утверждать, что ситуация с политическими репрессиями не имеет признаков улучшения. Напротив, мы стали свидетелями дальнейшего наступления на институты гражданского общества, продолжения религиозных гонений, постоянного появления всё новых репрессивных инициатив, дальнейшего расширения практики использования явно неправовых законодательных норм.

Уже во время редактирования доклада в марте-апреле 2020 года под предлогом борьбы с эпидемией коронавируса имело место небывалое наступление федерального центра и региональных властей на закреплённые Конституцией Российской Федерации права и свободы, сопровождавшееся принятием целого ряда репрессивных правовых норм и появлением размытых и потенциально крайне опасных составов в **УК РФ, КоАП РФ** и региональных кодексах об административных правонарушениях. Всё это позволяет нам говорить о том, что мониторинг политических репрессий и помощь их жертвам, которую оказывает *ПЦ «Мемориал»*, в ближайшие годы, очевидно, останутся столь же актуальными.

9.1. Авторы доклада

Игорь Гуковский: Главы 2, 5, 7 (разделы 7.1, 7.3–7.6, 7.10), 9;

Сергей Давидис: Главы 1, 7 (разделы 7.2, 7.5–7.9, 7.11), 8, 9;

Дарья Костромина: Главы 3, 4, 6.

Под редакцией **Сергея Давидиса**

**Этот материал выпущен МОО ПЦ «Мемориал»,
который внесён в реестр,
предусмотренный ст. 13.1.10 ФЗ «Об НКО».
Мы обжалуем это решение.**

ПРАВозАЩИТНый ЦЕНТР «МЕМОРИАЛ»
MEMORIAL HUMAN RIGHTS CENTER

127051, Россия, Москва,
Малый Каретный пер., д. 12

Т.: +7 (495) 225-3118
Ф.: +7 (495) 699-1165

memohrc@memohrc.org
www.memohrc.org